МІНІСТЕРСТВО ОСВІТИ ТА НАУКИ УКРАЇНИ
Одеський національний університет імені І. І. Мечникова

Odesa National University Herald

•

Вестник Одесского национального университета

•

ВІСНИК ОДЕСЬКОГО НАЦІОНАЛЬНОГО УНІВЕРСИТЕТУ

ТОМ 15. Випуск 7

Соціологія і політичні науки

2010

Редакційна колегія журналу: В. А. Сминтина (головний редактор), О. В. Запорожченко (заступник головного редактора), Є. А. Стрельцов (заступник головного редактора), С. М. Андріївський, Ю. Ф. Ваксман, Л. М. Голубенко, В. В. Заморов, І. М. Коваль, В. Є. Круглов, В. Г. Кушнір, В. В. Мінчук, В. І. Труба, О. В. Тюрін, Є. А. Черкез, Є. М. Черноіваненко

Редакційна колегія випуску: І. М. Коваль, д-р політ. наук (науковий редактор); О. Р. Личковська, канд. соціол. наук (відповідальний секретар); О. І. Брусиловська, д-р політ. наук; Е. А. Гансова, д-р філос. наук; Є. Є. Камінський, д-р істор. наук; О. В. Крапивін, д-р істор. наук; Б. Г. Нагорний, д-р соціол. наук; С. М. Наумкіна, д-р політ. наук; В. М. Оніщук, д-р соціол. наук; Н. О. Побєда, д-р філос. наук; В. І. Подшивалкіна, д-р соціол. наук

Свідоцтво про державну реєстрацію друкованого засобу масової інформації:
серія КВ № 11464-337р від 07.07.2006 р.

Вища атестаційна комісія України визнала журнал фаховим виданням
з соціологічних і політичних наук.
Постанова Президії ВАК України № 1-05/1 від 10 лютого 2010 р.

Затверджено до друку вченою радою Одеського національного університету
імені І. І. Мечникова.
Протокол № 6 від 30 березня 2010 року.

Адреса редколегії:
65026, м. Одеса, вул. Дворянська, 2,
Одеський національний університет імені І. І. Мечникова

© Одеський національний університет
імені І. І. Мечникова, 2010

ЗМІСТ

СОЦІОЛОГІЯ
Соціальні механізми суспільств, що трансформуються: теорія і методологія досліджень

Победа Н. А.
Возрождение этничности немцев в Украине: социальный и символический ресурс 5

Лычковская О. Р.
Масс-коммуникативные практики в рамках когнитивной парадигмы: процессы проблематизации и депроблематизации социальной реальности 15

Савельєв Ю. Б.
Соціальне включення у процесі модернізації 25

Безрукова О. А.
Теоретическая операционализация понятия «ответственность» для целей социологического исследования 30

Акимов Д. И.
Политическое взаимодействие и политический рынок 37

Агарков О. А.
Напрямки реалізації соціально-державного маркетингу 42

Романенко С. В.
Не повторяйте в реальной жизни, или Добро пожаловать в виртуальное пространство! 49

Виходець О. М.
Соціальні комунікації в культурі молоді 55

Падалка Г. М.
Характер електоральних проявів народовладдя в Україні 60

Дышлевой И. А.
Роль феномена свободы в консенсусе и интеграции современного общества 66

Антонова Ю. Л.
Диалог в междисциплинарном контексте 74

Тутова А. П.
Чтение как вид социокоммуникативной активности в современном обществе (социологический анализ) 79

Андреенкова Т. П.
Музыкальный фестиваль как способ коммуникации молодежных субкультур 86

Хандожинская А. В.
Понятие «поколение» в междисциплинарном контексте 98

«Памяти Ирины Марковны Поповой: ученого, учителя, друга» — по материалам «круглого стола», проведенного 12 сентября 2008 года в рамках Второй междуна родной конференции «Одесские социологические чтения», посвященной памяти И.М.Поповой 104

ПОЛІТИЧНІ НАУКИ

Україна і світ. Міжнародний вимір трансформаційних процесів

Брусиловська О. І.
Політична трансформація західнебалканських країн у 2004—2009 роках 133

Романова О. В.
Великобритания в процессе формирования «военно-политического измерения» ЕС в постбиполярный период 141

Шамраєва В. М.
«Перезавантаження» американо-російських відносин (вплив на український напрямок зовнішньої політики США) 147

Яніна О.
Вплив ЄС на польсько-українські стосунки в постбіполярну епоху 155

Дворниченко Д. Ю.
Греко-македонские отношения до и после подписания Временного соглашения: позиция Греции 160

Косяк М. С.
Энергетическое сотрудничество стран Черноморско-Каспийского региона. Позиция России 165

Ігошина Ж. Б.
Деякі аспекти інформаційного виміру глобалізації на арабському сході 172

Кулешова К. І.
Дилеми турецької моделі в політиці США 179

Хапатнюковский А. В.
Вердикт Международного суда ООН по разграничению украино-румынского континен тального шельфа. Часть 1. Предпосылки судебного процесса 189

Пантелєєв В. В.
Економічні інструменти впливу на приватні ЗМІ 194

Онищук В. М.
Соціально-психологічна реабілітація: практичний аспект (рецензія на монографію О. М. Дікової-Фаворської: «Специфічні групи осіб з обмеженими можливостями здоров'я у фокусі соціології». — Житомир: Полісся, 2009. —488с.) 201

УДК 316.723

Н. А. Победа,
доктор филос. наук, проф. кафедры социологии Института социальных наук
Одесского национального университета имени И. И. Мечникова,
к. 40, Французский б-р, 24/26, г. Одесса-58, 65058, Украина, тел. 68-60-92

ВОЗРОЖДЕНИЕ ЭТНИЧНОСТИ НЕМЦЕВ В УКРАИНЕ: СОЦИАЛЬНЫЙ И СИМВОЛИЧЕСКИЙ РЕСУРС

В статье рассматриваются концептуальные подходы к феномену возрождения культуры этнических диаспоральных образований. На примере этнокультурных немецких общин городов Одессы и Харькова, где более всего представлена немецкая диаспора, выявляются тенденции их воспроизводства, связи с исторической родиной, социально-культурные и гражданские идентичности, ценности и ментальные установки.

Ключевые слова: социальный, символический ресурс возрождения этничности, воспроизводство ценностных координат.

Признание мультикультурального общества в качестве одного из вариантов цивилизационного развития отодвинуло на периферию вопросы этничности. Этничность предлагалось рассматривать как **проявление частной жизни**, а **гражданственность** и формирование политической нации — как сферу публичной жизни. Однако ни отмена графы в паспорте о национальной принадлежности, ни устранение министерств и ведомств, ведавших вопросами «этнонациональных отношений», также как реальное снижение откровенных проявлений расизма, шовинизма, разных форм национализма, не сняли необходимости публичного обсуждения этих вопросов. Естественная интеллектуальная потребность в знании об истории этносов, населяющих любую страну, о способах их взаимодействия и солидаризации всегда была определяющим фактором в рефлексии механизмов развития общества.

Информационное общество, характерное для современного этапа, развивается по новым основаниям. **Социетальная культура становится доминирующей, конфигурации гражданства и гражданственности** для разных этнических образований внутри конкретной страны приобретают **свои формы**. Они зависят от развитости гражданских институтов общества и активности самых различных слоев населения.

Формирование транснациональных экономических и финансовых систем изменяют социальные настроения и национальное сознание. Оптимизм и уверенность в завтрашнем дне сосуществуют ныне почти на равных с ощущениями тревоги, страха, возмущения по поводу происходящего в мире и в конкретной стране. Антигерманские настроения, полвека будоражившие мир, сменяются антиамериканскими, антиеврейскими, антиарабскими фобиями.

Учитывая, что социальное пространство любой развитой страны не только полиэтнично, но и поликультурально, а идентичность любого гражданина страны множественна и зависима от макро- и микросоциальных факторов, само **конструирование социального пространства**, способов взаимодействия структур власти и общественных организаций, этнокультурных общин, научных, образовательных, культур-

© Победа Н. А., 2010

ных ассоциаций городов и сельских поселений **приобретает принципиальное значение**.

В связи с этим возрождение этничности диаспоральных образований значимо не только для Украины, но и для **европейской традиции в целом.** Это оценка истории развития народов в их общем региональном измерении, оценка взаимодействия экономики и культуры, анализ формирования «образцов успешности» и рационального мышления. С точки зрения социального аспекта подведение итогов взаимодействия двух стран в течение двух столетий обозначает взвешенный подход к тому, что называть «успехом» и «потерями», которые произошли на этом сложном пути, равно как и оценку способов проведения границ между «своими» и «чужими», способов преодоления этих границ во имя выживания и совершенствования качества жизни в европейском и мировом масштабах.

Предмет исследования настоящей статьи состоит в обозначении **содержательных смыслов** возрождения **этнических немцев** в Украине, поиске ответа на вопросы как и почему немцы идентифицируют себя в границах этнической группы, европейской и транснациональной общности, обозначение структурных элементов, позволяющих оценить **тенденции их воспроизводства в Украине и их связей с исторической родиной.**

Концептуальные подходы к проблеме. Общим основанием возрождения этничности в разных странах мира является соотношение **части (этносов) и целого (нации)** в истории развития государства и конструирование отношений этнических меньшинств или диаспоральных общин с представителями титульной нации.

Ядром теоретических построений служит конструкция **этнического самосознания** (которая имеет несколько функций), оценка факторов, характеризующих условия и возможности для развития этносов, а также реальные тенденции их воспроизводства.

Возрождение этничности необходимо рассматривать как **прерванную традицию**, ибо заселение территорий Украины имело более широкую историческую и культурную ретроспективу, чем только в советский период. Об этом свидетельствуют документы, монографии и материалы участников конференции, посвященной истории переселения немцев в Россию и Украину [1].

Представляется, что для оценки возрождения этносов в современный период должны учитываться, по крайней мере, три группы факторов: **институциональные**, которые могут свидетельствовать о социальной политике государства в отношении этнических меньшинств; **стратификационные**, описывающие дифференциацию этносов по социально-экономическим условиям жизни, доступности к власти и возможности участия в управлении на разных иерархических уровнях; **социально-культурные**, определяющие самоидентификацию по собственно этническим, культурным, конфессиональным, политическим основаниям [2].

Что понимается под категориями «социальный и символический ресурс» с содержательной точки зрения? Как они соотносятся между собой и не противоречат ли друг другу?

Известно, что **социальное, политическое, культурное пространство не совпадают друг с другом** ни по объему, ни по их территориальной составляющей. Социальное пространство включает в себя указанные выше и многочисленные другие формы бытования социальных взаимодействий. Стабильность социальной системы зависит от того, как соотносятся между собой политическое и этническое пространства [3].

Этничность в стадии становления или мобилизации обретает форму защитного патриотического национализма, а в стадии тоталитаризма — форму шовинизма и расизма [5]. В этом случае она выходит за рамки отведенного ей политического пространства и «присваивает» другие сферы. Таким образом сама этничность является социальным ресурсом [5]. Этничность, поставленная в границы ограниченных социальных свобод, подневольной ассимиляции размывает традиционный уклад жизни, обедняет политическую и культурную плюральность.

Для оценки социального ресурса возрождения этносов важно определить **как происходит** возвращение корней, прерванных ситуацией большевизма или новым витком глобализации, как обеспечивается связь времен и воспроизводство этноса. Принципиально важным в оценке социального ресурса любого народа является также **развитость критического сознания,** проявляющегося в оценке истории и социальной памяти. **Социальный ресурс**, отражающийся через коммуникацию, может быть зафиксирован через отношение к фактам, событиям, реформам со стороны титульной нации и этнических меньшинств, по степени совпадения их представлений и степени различий между ними.

Символический ресурс может обозначать конкуренцию «этнического» и «политического» элементов в социальном пространстве, выраженную через разные виды неравенств и через субъективные оценки своей роли и значимости в этих системах.

Символический ресурс возрождения этносов проявляется как мобилизационный потенциал. Такими основаниями мобилизации могут служить примеры успешной деятельности отдельных личностей и этнической общины в прошлом и настоящем, стиль жизни и системы ценностей, традиции, обычаи, конфессиональное единство.

Воспроизводство немцев в составе населения южного и восточного регионов Украины

Рассмотрим основные тенденции, характеризующие социальное самочувствие этнических немцев, оценки ими условий жизни, разделяемые ими основные жизненные ценности и позиции на материалах статистики и эмпирических исследований. В качестве источников о расселении, образовании, численности этнических групп в Украине и Одесской области использовались материалы переписей населения 1979, 1989, 2001 г. Основанием для характеристики тенденций воспроизводства этносов, мотивации их переезда в Украину, взаимодействия с другими народами и представителями титульной нации, основных жизненных ценностей и обычаев являлись сравнительные социологические исследования, проведенные в Одесской области в 1996, 2002—2003 гг. [5]. Выборочная совокупность в Одесской области составляла в целом 575 чел. в 1996 г., 600 — в 2002—2003 гг. Квоты этнических групп равны 75 человекам, кроме украинцев, где численное значение квоты равнялось 150. Немцы в совокупности городов Одессы и Харькова составляли 150 чел., а украинцы 300. По программе, разработанной автором, исследование проходило в других регионах Украины, в частности восточном и западном, где объектом внимания были г. Львов и г. Харьков. Одесская и харьковская немецкие общины различаются по составу: в одесской — представлены как переселенцы начала XX века, их дети и внуки, уже родившиеся здесь, так и переселенцы из мест депортации — Узбекистана, Казахстана и Поволжья; в харьковской общине состав более однородный, в ней преобладают специалисты отраслей промышленности, транспорта, связи, образования и искусства.

Согласно данным переписей населения на фоне общего сокращения населения в южном регионе Украины в интервале 1979—2001 гг. уменьшается и доля немцев. Если доля русских уменьшилась на 5 процентных пунктов, а доля евреев — на 3 % (что достаточно чувствительно для общего состава населения), то доля немцев сокращается относительно медленно. В настоящее время этнические немцы в составе южного региона составляют 0,12 %, а в абсолютных значениях около 3000 человек *.

Согласно данным социологических исследований длительность проживания в Украине для $^{2}/_{3}$ представителей немецкой национальности в восточном и южном регионах достаточно велика (таблица 3). Они родились здесь, здесь же жили их родители и прародители, или они приехали в эти регионы свыше 20 лет назад. Доля этнических немцев, приехавших в Украину в течение последних 5—10 лет, составляет в южном регионе — 12 %, в восточном — 5 %. Здесь сказались целенаправленные усилия правительств по приему немцев-переселенцев согласно известным договоренностям.

Для оценки возрождения этничности немцев в Украине важны показатели социального самочувствия, в частности их физического и этнического воспроизводства.

У респондентов южного региона отцы были немцами в 58 случаях из 100, матери — в 51 из 100; у лиц, опрошенных в восточном регионе, — отцы в 50 случаях из 100, матери в 66 из 100. Из этого следует, что этнические немцы в Одесском регионе воспроизводятся чаще по отцовской линии, а в Харьковском — по материнской. В Одесской общности межнациональные браки создаются примерно в равной степени с украинцами (18,9—18,9) и русскими (17,8—21,6), редко с болгарами, греками и никогда с евреями, а в Харьковской — со всеми этническими группами, но с русскими — чаще всего по линии отца (32 %), а с украинцами — по линии матери (13,5 %). Примечательно, что в молодом поколении у немцев восточного региона уже не доминируют немцы, а в основном — русские и украинцы (сравните: 21 % украинцев, 50 % русских по сравнению с 12 % немцев в этническом происхождении супруга), тогда как в южном регионе супружеские пары в четверти браков сохраняют этнические корни (24 % — немцев, 19 % — русские, 11 % — украинцы и другие этносы).

Если обратиться к другим корням этнического возрождения, то следует обратить внимание на две составляющие: родной язык, который называют ядром нации (его знание и его функционирование в реальной культурной среде) и тяготение к исторической родине. Согласно материалам Всеукраинской переписи населения 2001 г. 10 % этнических немцев назвали родным немецкий язык, 16 % — украинский, 74 % — русский. Данные социологических исследований уточняют позицию относительно немецкого и государственного (украинского) языков. Из числа опрошенных респондентов половина читает, говорит и пишет на немецком языке в южном регионе Украины, 6 % — говорят, читают, но не могут писать; 15 % — в целом понимают и текст и речь на немецком языке, 21 % улавливают общий смысл и 7 % — практически не владеют языком своей этнической группы. В восточном регионе языковая компетентность этнических немцев намного ниже: читают, говорят, пишут — 15 %, читают, говорят, не пишут — 4 %, понимают текст и речь — 36 %, улавливают общий смысл — 33 %. По отношению к государственному языку успешность освоения в южном регионе высокая — ~ 70 % из них читают, говорят и пишут на нем. Респонденты обоих регионов

* Рассчитано нами по источнику «Національний склад населення Одеської області та його мовні ознаки» // Статистичний збірник 4. Державний комітет статистики України. Одеське обласне управління статистики. — Одеса, 2003. — С. 14.

сближаются в ориентациях на более глубокое изучение немецкого языка со стороны своих детей: в восточном регионе 57 % хотели бы, чтобы их дети обучались на языке этнической группы, а в южном — 41 %. Основная мотивация в активизации изучения языка этнической группы связана с желанием вернуться на историческую родину (в южном регионе — 40 %, в восточном — для того, чтобы сохранить свою культуру в украинском социуме — 63 % и для того, чтобы вернуться на историческую родину — 20 %).

Мотивация проживания в Украине и привязанность к исторической родине также имеет свои количественные характеристики: среди этнических немцев Германию называют исторической родиной 63 % от числа опрошенных респондентов в южном регионе, 74 % — в восточном. Несмотря на то, что $^{2}/_{3}$ считают себя **коренными жителями** Украины в обоих регионах, Украину считают исторической Родиной 13,3 % — в южном регионе, 4,3 % — в восточном. Подводя итог этому разделу, можно сказать, что воспроизводство немцев в границах физиологического и социально-духовного компонентов имеет устойчивую тенденцию. Этническая общность еще сохраняет свою целостность. Языковая компетентность, разрушенная предшествующим периодом функционирования государственного социализма в СССР, осложненная военными действиями между Россией и Германией и многослойным вектором социальных стереотипов и противоречий, имеет тенденцию к восстановлению. Особенно это проявляется у молодого поколения. Историческая родина и роль Германии в современном мире, качество жизни, культура и социальные завоевания выступают своего рода нормативом для восточно-европейских государств, а для этнических немцев — предметом гордости и символическим ресурсом самоутверждения в реальной жизненной среде Украины, стимулом для нового социального статуса в Европе.

Духовные составляющие этнического возрождения немцев

Ментальность является устойчивым ядром в этническом возрождении. Она, с нашей точки зрения, структурно может быть представлена в виде системы ценностей, проявляющихся стереотипов и котировки человеческих качеств, характеризующих ту или иную нацию и составляющие ее этносы.

В свою очередь система ценностей может быть развернута по разным основаниям. В ценностном проявлении фиксируются **новые модели структурирования солидарностей** в современном обществе. Наиболее дискутируемыми в западноевропейской и восточноевропейской ментальности являются **соотношения индивидуального и коллективного, ценностно и целерационального в стереотипах повседневного поведения** и со стороны человеческих свойств в диахронности: **открытости—закрытости, эмоциональности (импульсивности) — рациональности и прагматизма.**

В нашем исследовании в качестве инструмента, характеризующего проявление ментальности с точки зрения систем ценностей, взята шкала американского социолога М. Рокича. Она дополнена нами рядом индикаторов, отражающих свойства личности, востребованные концом 90-х годов XX века, и новые явления межгосударственного статуса Украины. К концу 1980-х годов, отмечая перемены, наступившие после посттоталитарного режима в бывшем СССР, мы гордились тем, что в системе ценностей в качестве основного ядра обозначились как первостепенно значимые для всех здоровье, мирная обстановка в стране, счастливая семейная жизнь, материальный достаток. В Западной Европе они первичны и стабильны в течение десятков лет. Социо-

логические исследования подтверждали приоритет этих ценностей в украинском обществе в конце 1990-х годов. Здесь важно увидеть и другую **важную сторону нормативного ценностного ряда**: как близко по величине значимости соотносятся между собой ценности здоровья (+ 0,91), мира и спокойствия в стране (+ 0,87), счастливой семейной жизни (+ 0,84), материального благополучия (+ 0,79) и круга хороших и верных друзей (+ 0,78) (см. табл.)

Система ценностей этнических немцев, представляющих южный и восточный регионы Украины

	Немцы южного региона Украины			Немцы восточного региона Украины		
	Положит. значение, %	Индекс (И)	Ранг	Положит. значение, %	Индекс (И)	Ранг
Самостоятельность	91,6	0,86	6	92,3	0,93	5
Свобода	92,0	0,91	3	98,9	0,86	9
Уверенность в себе	93,3	0,94	1	99,8	0,97	2
Материальная обеспеченность	90,7	0,86	6	99,7	0,94	4
Удовольствия	56,0	0,22	16	73,1	0,46	18
Интересная работа	92,0	0,86	6	94,5	0,89	7
Любовь	92,0	0,84	7	98,6	0,88	8
Секс	78,7	0,59	13	88,3	0,72	12
Стабильность	92,0	0,87	5	99,9	0,97	2
Мирная обстановка в стране	96,0	0,89	4	99,7	0,94	4
Чувство долга	98,0	0,68	11	99,5	0,90	6
Хорошие друзья	92,0	0,89	4	97,0	0,90	6
Познание	86,7	0,77	9	89,3	0,67	15
Счастливая семейная жизнь	90,7	0,91	3	97,2	0,96	3
Творчество	73,3	0,49	14	85,0	0,62	16
Общественное признание	58,7	0,38	15	89,3	0,68	14
Активная деятельная жизнь	78,7	0,60	12	89,5	0,71	13
Равенство возможностей	77,3	0,70	10	93,7	0,79	10
Права человека	90,7	0,84	7	99,5	0,89	7
Общественная активность	65,3	0,38	15	91,9	0,68	14
Профессионализм	88,0	0,81	8	97,5	0,77	11
Стремление к власти	25,3	–0,07	17	71,4	0,50	17
Здоровье	94,3	0,93	2	99,8	1,0	1

Такова украинская и предшествующая ей советская ментальность. Поскольку большую часть прожитой в этом измерении жизни приходилось не жить, а выживать, то понятно, почему так значима для большей части населения материальная составляющая. Духовная сторона идет от коллективистской психологии — полагаться не на государство, а на друзей, а ныне — на самого себя. Однако если рассматривать традиционные ценности, то сложившиеся стереотипы свидетельствуют о том, что в украинской ментальности индивидуальное сильнее, чем коллективное. Параллельно выяв-

ляется и другая тенденция: в украинской ментальности чувство долга, профессионализм, познание, творчество занимают более низкие места в ранговой шкале, что **характеризует модус экстенсивного воспроизводства социума.**

Изменения последних семи лет в Одесской области фиксируют **новые профили воспроизводства ценностных координат**. В ряду наиболее значимых респонденты отмечают **здоровье** (и +0,96) и одновременно **права человека** (и +0,94), мирную обстановку в стране (и +0,91), счастливую семейную жизнь (и +0,91), стабильность (и +0,90) и уверенность в себе (и +0,90). Отмечена **тенденция возрастания** величины таких **базовых ценностей,** как **активная деятельная жизнь** (0,34—0,64), **интересная работа** (0,68—0,86), **общественное признание** (0,19—0,42), **познание** (0,40—0,76), **равенство возможностей** (0,32—0,67), **творчество** (0,18—0,57), **свобода** (0,72—0,88). Все это свидетельствует о **качественных сдвигах**, связанных с осмыслением **новых принципов индивидуальной жизненной стратегии.**

Но если сравнить систему ценностей у населения Германии и собственно у этнических немцев (исследование по нашей программе происходило в пилотажном варианте), то можно говорить о существенных отличиях в наших ментальных основаниях.

Модусами индивидуальной жизненной стратегии являются у немцев Германии активная деятельная жизнь, свобода, познание, интересная работа, чувство долга и ответственность. А такие ценности, как здоровье, материальнообеспеченная жизнь, стабильность, характерные для Одесского региона, находятся в конце ранговой шкалы и характеризуют **уже достигнутые цели**.

Возвращаясь к постановке вопроса, вынесенного на обсуждение, можно сказать, что система ценностей населения одной из развитых европейских стран в общецивилизационном ракурсе выглядит более рациональной и достойной гражданского общества. Она может быть **принята в качестве норматива**, что составляет и социальный и символический ресурс не только для этнических немцев, живущих в Одесском регионе, но и для активных граждан всей Украины. **Социальный ресурс** состоит в том, что **он реально состоялся** и позитивно влияет на совершенствование качества жизни в Германии. Символически позитивным он выглядит для граждан Украины.

Гражданская и этническая идентичности. Противопоставление или взаимное дополнение?

Спектр социальных идентичностей, представленных в исследовании, свидетельствует **о позиционной предрасположенности разных этнических групп**. Сами по себе гражданская, советская, этно-групповая, локально-территориальная (малая родина), региональная (европейская) и транснациональная (гражданин мира) виды идентификаций не могут противопоставляться. Они все важны для социального самочувствия любого человека Они взаимодополняют общий стабилизационный потенциал общества. Но представленные в **измерении их конкурирующих потенциалов** существенно углубляют знание о социальной ситуации в каждой конкретной стране и административно-территориальной общности.

Оба массива респондентов южного и восточного регионов демонстрируют общие тенденции: в ранговой шкале социальных идентификаций на первом месте — **локально-территриальная** (малая родина) (0,73; 0,69), на втором — **этно-групповая** (0,57; 0,55), на третьем — **гражданская** (0,42; 0,37). Все три значения со знаком плюс, в относительно близких по величине индексах и незначительной разнице по регионам.

Это может свидетельствовать **об относительно равных паритетах в интеграции социума** всех **указанных составляющих**. Три других индикатора со знаком минус: советская идентичность (–0,29; –0,42), региональная (–0,24; –0,29), транснациональная (–0,16; –0,32). Мотивы их проявления разные: от отрицания «мы» в советском измерении до недооценки «мы» в транснациональном и критическом признании «недозрелости» до европейской. Но взятые вместе они определяют некоторые **общие координаты социального пространства для украинских граждан**.

Что касается позиций этнических групп, то они отличаются значительно больше. У немцев южного региона Украины идентификация с советским образом и стилем жизни самая высокая в его отрицательном значении (–0,66), у немцев восточного региона значения индекса позитивны (+ 0,36). У немцев южного региона гражданская идентификация одна из самых низких (0,10) по сравнению с другими этносами и резко отличается от украинцев (+ 0,72); в восточном регионе она выше, чем у других этнических групп (0,48), но ниже, чем у украинцев.

Выводы

Оценивая процесс возрождения немцев в Украине в границах их этничности, необходимо учитывать **исходные** позиции, с которых начиналось их заселение в южных районах Украины и России, **деформации**, имевшие место в разные исторические периоды, и **их последствия** для социальной практики сегодняшнего дня. Такими **значимыми** точками **отсчета** могут быть обретение статуса «колониста» и связанное с ним владение земельной собственностью, права быть избранным в опекунские советы общины, органы сельского самоуправления и потеря этого статуса после первой мировой войны по отношению к странам, воевавшим против России; передача всех частных земельных владений в общинную собственность и ограничение общегражданских норм (переименование поселенческих колоний немецкого происхождения, запрет службы в лютеранских цервах на немецком языке) **в первые годы советской власти** (1917—1920); создание автономии немцев в Поволжье (1924) и инсценированный характер действий созданной автономии (преобладание этнических смешанных районов, декларирование языкового обучения и отсутствие практического использования немецкого языка и т. д.); репатриация этнических немцев в Сибирь и республики Средней Азии во время второй мировой войны, запрет на их проживание в крупных городах Украины и России после окончания второй мировой войны, дискриминационный характер расселения перемещенных из Европы лиц немецкого происхождения, проживавших ранее в СССР (состоявших в бригадах «Смерш», бывших военных, в том числе тех, кто служил Германскому вермахту, гастарбайтеров и т. д.), и отсутствие элементарных условий для их пребывания в Казахстане, Узбекистане. В результате таких действий **немецкая община прекратила функционирование в Украине в качестве специфической социальной общности**. Имели место лишь отдельные компактные поселения этнических немцев, жизнь которых растворялась в общей массе социальных поблем и локального этнического общения.

Противоречивая социальная политика государства, носившая, по мнению ее создателей, защитный характер, имела в социальной памяти населения бывшего СССР неоднозначные оценочные суждения; она изменила до определенной степени генотип этнических немцев (психологические особенности, адаптивные способности, социальное поведение), создала внутренний конфликт в социуме, в рамках которого разви-

вались антинемецкие настроения. Одновременно шло расслоение внутри самих немцев (они теряли свои символы и единство).

С другой стороны, в социальной памяти населения не стерлись образцы успешной профессиональной деятельности немцев-колонистов, осваивавших земли в Украине и России, а также и в других сферах экономики. Культурное наследие, как наработанный опыт поколений, воспроизводство традиций и выработка стратегий адаптации к жизненным условиям в самых разных регионах бывшего СССР создавали устойчивые основания для самоуправления по двухканальному основанию — эндогенного и экзогенного (естественно био-психо-физиологического и адаптированного социального, или по каналам из «прошлого» и «настоящего»).

Возрождение немцев в границах этничности в Украине, начавшись с 1991 г. с правительственных документов о репатриации народов, подвергшихся депортации, имеет реальные практические шаги. Кроме Комплексной программы возврата немцев в Украину, разрабатываются региональные программы; со стороны Германии выделяются специальные фонды на обустройство соотечественников и выплаты лицам, пострадавшим от геноцида. Дополнения, внесенные в Закон о гражданстве, повысили шансы их адаптации и закрепления в Украине.

Ныне в Одессе действует немецкое общество «Видергебурт», Гете-Институт, благотворительный фонд «Баварский дом, Одесса», работает школа с обучением на немецком языке, а также в рамках высшей школы — отделение немецкого языка на факультете романо-германских языков Одесского национального университета имени И. И. Мечникова, немецкое отделение на факультете в Политехническом национальном университете. При поддержке Института культуры и истории немцев в Северо-Восточной Европе (Геттинген, Германия) в Одессе издается серия научных трудов, проводятся международные конференции. Диалог со структурами местной власти принимает конструктивный характер.

В многочисленных социологических исследованиях всеукраинского и регионального характера фиксируется отсутствие государственного шовинизма и толерантное отношение среди населения к различным этническим меньшинствам, в том числе немцам.

В ранговой шкале социальной дистанции между этническими группами, проживающими на территории Одесской области, немцы занимают шестое место после украинцев, русских, белорусов, болгар, евреев, поляков. Их принял бы в качестве членов семьи каждый четвертый из числа опрошенных респондентов, а каждый шестой — хотел бы иметь их в качестве друзей.

Немцы как этническая общность воспроизводятся на половину в рамках своей группы. Молодые супружеские пары в четверти браков имеют полиэтнические корни. Языковая компетентность подтверждает эти же тенденции.

Ценностные ориентации этнических немцев, проживающих на Украине, и немцев, носителей нации в Германии, сближаются по основным параметрам. Этнические немцы в границах культурной среды городов Одессы и Харькова испытывают их влияние и отличаются друг от друга по разным основаниям.

Отслеживание тенденций социального самочувствия этнических групп в регионах Украины, учет особенностей по результатам мониторинговых исследований придаст социальной политике государства по отношению к этническим меньшинствам концептуальный характер.

Литература

1. *Евтух В. Б.*, *Гирко Б. В.* Німці в Україні (1920—1990). — Київ: Інтел, 1994.
2. *Соціокультурні ідентичності та практики*. Розділ 1. Ідентичність як соціокультурний феномен. — К., 2002. — С. 10—124.
3. *Синкевич З. В.* Этнический фактор в современном обществе. Общество и социология: новые реалии и новые идеи. — М., 2000. — С. 260—268.
4. *Taras Ray*. Liberal and Illiberal Nationalism / Part 2. Nationalism Conceptually, USA, Tulane University New Orleans, 2002, p. 40—58.
5. *Соколов М. М.* К теории постсоветской этничности // Журнал социологии и социальной антропологии. — СПб., 1999. — Т. 2, № 3(7). — С. 158—164.
6. См. подробнее *Победа Н. А.* Моделі української ідентичності // Україна: проблема ідентичності. Людина, економіка, суспільство. Конференція українських випусників програм наукового стажування у США. — Львів, 2003. — С. 78—85.
7. *Ray T., Pobeda N., Filipova O.* Ukrainian's transnational, far away. Locals and xenophobes: the prospects of Europeanness / European — Asia Studies. Vol. 56.

Н. О. Побєда,
доктор філос. наук, проф. кафедри соціології Інституту соціальних наук
Одеського національного університету імені І. І. Мечникова,
к. 40, Французький б-р, 24/26, м. Одеса-58, 65058, Україна

ВІДРОДЖЕННЯ ЕТНІЧНОСТІ НІМЦІВ В УКРАЇНІ: СОЦІАЛЬНИЙ І СИМВОЛІЧНИЙ РЕСУРС

Резюме

У статті розглядаються концептуальні підходи до феномена відродження культури етнічних діаспоральних утворень. На прикладі етнокультурних німецьких спільнот міст Одеси і Харкова, де, понад усе, представлена німецька діаспора, виявляються тенденції їх відтворення, зв'язки з історичною батьківщиною. Соціально-культурні і цивільні ідентичності, цінності і ментальні настанови.

Ключові слова: соціальний, символічний ресурс відродження етнічності, відтворення ціннісних координат.

N. A. Pobeda
Sociology Department of Social Sciences Institute of Odessa Mechnikov National University,
r. 40, 24/26 Frantsuzsky Boulevard, 65058 Odessa-58, Ukraine

THE RENAISSANCE OF UKRANIAN-GERMANS' ETHNICITY: SOCIAL AND SYMBOLIC RESOURCE

Summary

The article deals with conceptual approaches to the analysis of ethnic Diasporas «renaissance». Studying German communities in Odessa and Kharkov which are mostly representing German Diaspora, the main features of Fatherland connections, cultural and civic identities and values are revealed.

Key words: social, symbolic resource of ethnicity renaissance, values variety reproduction.

УДК 316.77

О. Р. Лычковская,
канд. соц. наук, доц. кафедры социологии Института социальных наук
Одесского национального университета имени И. И. Мечникова,
к. 40, Французский б-р, 24/26, г. Одесса-58, 65058, Украина,
тел. 68-60-92, lychkovska@mail.ru

МАСС-КОММУНИКАТИВНЫЕ ПРАКТИКИ В РАМКАХ КОГНИТИВНОЙ ПАРАДИГМЫ: ПРОЦЕССЫ ПРОБЛЕМАТИЗАЦИИ И ДЕПРОБЛЕМАТИЗАЦИИ СОЦИАЛЬНОЙ РЕАЛЬНОСТИ

В статье анализируются механизм и способы представления события в масс-медиа. Опираясь на теорию М. Маккомбса и Д. Шоу «установления повестки дня», автор предлагает рассматривать коммуникативные практики индивидов в русле когнитивной парадигмы. Основной целью данной статьи стало исследование проблематизации социума посредством печатных масс-медиа и сравнение полученных результатов с тем диапазоном социальных проблем, которые ощущаются массовой аудиторией, на которую направлены процессы проблематизации.

Ключевые слова: когнитивная парадигма, теория «установления повестки дня», проблематизация, социальная реальность, контент-анализ.

Поворот исследований массмедийных практик в русло когнитивной парадигмы, произошедший еще в 70-х гг. XX столетия и в той или иной форме продолжающий развиваться и в настоящее время, ознаменовался смещением фокуса исследовательского внимания с поиска независимых переменных на концепции переработки информации, такие как, скажем, **дискурсивные концепции** (**С. Холл, Дж. Фиске**), где обсуждается природа языка массмедийных сообщений, процессы кодирования и декодирования, создание смысла потребителем сообщения и **концепции фрейминга**, в которых анализируются схемы и механизмы представления события в масс-медиа. Остановимся подробнее на последней. Одной из известнейших теорий в данной парадигме является **теория «установление повестки дня» (agenda-setting) М. Маккомбса и Д. Шоу** [1]. Согласно их взглядам, существует устойчивая связь между особенностями подачи сюжетов в новостях и степенью важности, придаваемой им аудиторией. Аудитория является активным субъектом коммуникативного процесса, и масс-медиа не могут просто навязать аудитории конкретную точку зрения, однако способны убедить аудиторию считать одни проблемы более важными, чем другие. Порядок распределения сюжетов в масс-медиа по степени значимости, одновременно с этим, ранжирует события или проблемы в сознании реципиентов [2, с. 136]. В 90-е гг. XX века Маккомбс и Шоу модифицировали свою теорию, сместив акцент с тематики сообщений на форму и способ их подачи. Таким образом, теория «установления повестки дня» тесно смыкается с теорией фрейминга, согласно которой масс-медиа не просто конструируют события, а могут задавать перцептивную схему восприятия социальной реальности аудиторией и тем самым способны влиять не только на сознание,

© Лычковская О. Р., 2010

но и на поведение реципиентов [3]. Телевидение, радио, пресса, новостные Интернет-сайты не просто сообщают о происходящем, а формируют повестку дня, т. е. они отбирают определенные вопросы из множества сообщений, поступающих в информационные агентства, редакции газет и телекомпаний, и выстраивают их в определенном порядке в соответствии с их предполагаемой значимостью.

Следует заметить, что **П. Бурдье** также подчеркивал избирательность внимания журналистов к происходящему: «Нет такого дискурса (научного анализа, политического манифеста и т. п.) или общественной акции (демонстрации, забастовки и т. д.), которые для того, чтобы получить доступ к телезрителю, не оказались бы подвержены испытанию таким журналистским отбором [фактов социальной реальности], т. е. цензурой. Ее осуществляют сами журналисты, которые, даже не отдавая себе в этом отчет, оставляют только то, что способно их заинтересовать, «обратить на себя их внимание», т. е. только то, что соответствует их категориям, их видению мира, оставляя без внимания прочие продукты символического выражения, заслуживающие внимания всех» [4, с. 68].

Важность существования «повестки дня», устанавливаемой средствами массовой коммуникации, заключается в том, что она влияет на личные «повестки дня» членов аудитории. Эту идею **Б. Коэн** сформулировал следующим образом: «[Пресса] может быть не очень успешной большую часть времени в плане определения того, что думают люди, но она ошеломляюще успешна в определении того, *о чем* они думают». Социальные проблемы конкурируют между собой за то, чтобы попасть в публичную повестку дня. «Судьба... проблем определяется не только их объективным характером, но и процессом крайне жесткого отбора, в ходе которого они конкурируют друг с другом за общественное внимание и социетальные ресурсы» [5, с. 18—53]. Конкуренция между социальными проблемами вызвана ограниченностью таких ресурсов, как пропускная способность средств массовой коммуникации, внимание политиков и общественности. Телевидение, радио, газеты, Интернет-сайты не могут сообщать обо всем, что происходит в обществе. Их пропускная способность ограничена рамками эфирного времени информационных программ, газетными площадями и пр. Вследствие этого в информационных агентствах, редакциях газет, телекомпаний, радиостанций постоянно осуществляется отбор социальных проблем: медиа-контролеры принимают решения о том, какие проблемы являются более важными в настоящий момент, заслуживают внимания и тех или иных действий. При этом значительный успех какой-либо проблемы в такой конкуренции обычно сопровождается вытеснением других социальных проблем на периферию или за пределы публичного дискурса.

Исследования повестки дня, формируемой СМИ, являются одними из самых востребованных как среди самих журналистов, так и представителей власти. Одним из самых популярных методов является метод контент-анализа.

Основной целью данной статьи стало исследование проблематизации социума посредством печатных масс-медиа и сравнение полученных результатов с тем диапазоном социальных проблем, которые ощущаются той самой массовой аудиторией, на которую, собственно говоря, и направлены процессы проблематизации.

Так как основной целью нашего исследования является сравнение полученных данных с данными опроса населения, то мониторинг масс-медиа был проведен за тот же промежуток времени, что и социологический опрос, а именно за февраль и май

2009 года. Всего было проанализировано 296 статей в изданиях «Вечерняя Одесса», «Одесский Вестник» и «Слово» с пошаговым отбором номеров (каждый первый, третий, пятый, седьмой).

Анализ тем по частоте встречаемости позволил определить, что наиболее выигрышными считаются нейтральные или устоявшиеся темы, которые могут быть интересны всем. Так, наиболее частыми темами статей оказались посвященные культуре, науке, образованию — 1-й ранг (18,6 %) и историческим событиям — 2-й ранг (11,1 %). Достаточно много публикаций освещает насущные проблемы жизни города и горожан: 2-й ранг занимают темы, освещающие жилищно-коммунальные проблемы, которые охватывают 11,1 % от всех статей, а также проблемы благоустройства города описывают 9,5 % статей (3-й ранг). На третьем месте оказались также темы, описывающие криминальные истории, чрезвычайные происшествия и несчастные случаи — 9,5 %. Далее по степени популярности у журналистов идет тематика досуга (8,9 %), а следом проблема политического и экономического кризиса (7,8 %), информация о котором отвечает насущным проблемам обычного гражданина. Редки тематики, освещающие: социально-экономические проблемы (9-й ранг), проблемы экологии и здравоохранения (на 11-х местах), торгово-транспортные отношения, а также работу местных органов управления (на 13-х местах). Показательно низкий ранг (12-я позиция) статей, посвященных благотворительности и обращающихся к милосердию. Расчет удельного веса статей по тематикам (рассчитывался в словах) в каждом номере изданий, позволил получить представление о наполненности номеров тематиками. Наиболее объемными оказались статьи, посвященные жилищно-коммунальным проблемам 14,7 % от общего количества слов в статье. Далее следует тема науки, культуры и образования — 11,8 %. Статьи, посвященные истории, занимают в каждом номере 9,5 %, а освещающие проблемы благоустройства города — 7,4 %. На пятом месте по удельному весу следуют статьи, описывающие криминальные истории, чрезвычайные происшествия и несчастные случаи — 7,3 %. В целом, можно сказать, что частота появления тематик приблизительно совпадает с их удельным весом

В прессе преобладает информация о негативных событиях — 41,2 %. Позитивные события освещает 31,1 % статей, сбалансированные — 20,9 %, нейтральные — 6,8 %. Весьма предсказуемо тематики изданий в основном освещают жизнь города — 41,2 %. На втором месте следуют события в стране — 17,9 %. Хочется обратить внимание на относительно невысокое количество тем, посвященных проблемам области — 6,8 %, а также территориально охватывающих порт, море и пляжи — 6,4 %. В основном темы касаются текущих событий (58,4 %) и событий, охватывающих значительный промежуток времени (22,3 %). Наиболее часто — это реальные события — 60,8 %. Реальные события, которые уже состоялись, вместе с вероятными событиями встречаются в 29,1 % случаев. А только вероятные события упоминаются в 10,1 %.

В качестве приемов, призванных вызвать определенное восприятие информации или заинтересовать читателя, мы рассматривали жанровые и рационально-эмоциональные особенности подачи материала.

Среди жанров доминируют статья (25,7 %) и короткая заметка (23,3 %). Также используются репортаж (13,9 %), обзор (11,1 %) и интервью (10,1 %). О поддерживании прессой обратной связи с читателями свидетельствует наличие в статьях корреспонденции — 7,8 %. В основном в публикациях доминируют факты — 37,2 %. В то же время в значительной степени прессой предлагаются готовые оценки и размышле-

ния — 36,8 %, а также анализ событий — 17,2 %. Призыв к действиям звучит в 8,8 % публикаций. Таким образом, пресса в равной степени выполняет информативную функцию, а также функции регулировки и социального контроля общественного мнения и социального поведения.

Известно, что СМИ задает тон общественному настроению. Анализ тона сообщений показал, что, не смотря на преобладание негативной информации, в основном преобладают позитивный и нейтральный тона публикаций — 23,7 % и 26,1 %. Негативный характер носит 21,1 % публикаций, остальные — нейтральный (29,1 %). При этом их эмоциональная составляющая носит ободряющий (23 %) и радостный (16,2 %) оттенок. Правда, довольно высокий процент информации носит ироничный (20,9 %), критичный (9,8 %) и трагичный (5,4 %) тона.

Информационное присутствие ключевых фигур и социальных групп позволяет определить политическую направленность изданий. Основными фигурами статей оказались участники события (21,3 %), официальные и известные лица — 14,5 %, а также обычный гражданин — 14,2 %. Как нам кажется, умеренное, а скорее даже редкое упоминание в статьях фигур власти (10,8 %): Президента, представителей Кабинета министров и мэрии — говорит о сложившейся сложной политической ситуации, когда пресса старается соблюдать политический нейтралитет. Политическая заангажированность прессы составляет 22 %, и не всегда это критика.

Наиболее часто ключевыми социальными группами статей выступают: политическая и экономическая элита — 9,5 %, работники предприятий и государственной сферы — 8,4 %, средний и малоимущий класс населения — 7,1 %, участники боевых действий — 5,4 % (причиной тому — проведение мониторинга прессы в мае, когда празднуется День Победы). Наиболее редко (по 1 %) объектом публикаций выступают социально незащищенные слои населения: дети-сироты и дети улицы, национальные меньшинства и пенсионеры. Показательно, что чаще основным объектом выступает отдельный человек (22,6 %) или социальная группа (19,3 %), нежели предприятие (19,3 %), город (6,4 %), район (2,7 %) и т. д. Кроме того, отдельно были выделены случаи, когда объектом выступает само происшествие или событие (например, факт начала войны). Их процент достаточно велик — 22 %.

Считается, что в качестве основных методов привлечения внимания к статье выступают интересное, броское название или оформление статьи. Действительно, более половины статей содержат привлекательность в названии (57,8 %). Однако достаточно большое количество названий стараются чересчур буквально передать смысл статьи, например, «Прадеды отметили праздник вместе с правнуками», «Без денег ремонт не выполнить», «Выделены средства на выборы мэра Раздельной и сельского головы Прилиманного» и т. д. В качестве элементов, способствующих привлечению внимания к теме через название, мы рассматривали наличие интонационных знаков (их содержат 27,3 % публикаций), а также цитат (используются в 7,8 % названиях публикаций).

Другой яркой характеристикой преподнесения социальных проблем является наличие привлекающего внимание визуального оформления. Выявилось, что в освещении тематик его используют лишь 33,1 % публикаций, при этом только 5,7 % имеют более одной картинки или фотографии.

Анализируя «повестку дня» одесской прессы, мы пришли к выводу, что характер ее содержания соответствует концепции С. Хилгартнера и Ч. Боека, в которой пере-

числены следующие требования к социальным проблемам: драматичность, новизна, соответствие интересам властных элит и культурным предпочтениям, доминирующим в обществе. Первые темы явно обращены к культурным предпочтениям нашего общества. Необходимо отметить, что у каждой нации есть свой круг культурных предпочтений, например, у США — это проблемы здоровья, болезни, медицина. У нас, по всей видимости, этот круг представляют собой история, культура, наука и образование. Темы благоустройства города и освещение жилищных проблем соответствуют требованиям новизны, а также интересам самой общественности, когда перед многими остро встал вопрос наличия и состояния жилья. Обращает на себя внимание и популярность тематики криминальных историй, чрезвычайных происшествий и несчастных случаев, в основе которых заложена драматичность. «Драма, — указывают Хилгартнер и Боек, — представляет собой источник энергии, которая поддерживает жизнь социальных проблем и питает их рост» [5, с. 18—53]. Таким образом, социальные проблемы, представленные в драматичном виде, имеют более высокие шансы на успех в конкуренции с другими проблемами. В то же время заполнение информационного пространства многочисленными утверждениями о данной проблеме может ее дедраматизировать. В самом деле, насыщенность информационного пространства криминальными и другими историями в значительной степени ослабила тот общественный резонанс, с которым первоначально встречались подобные сообщения.

Изучая некоторые закономерности в представлении социальных проблем, мы отметили следующие особенности.

Во-первых, одесская пресса редко пользуется приемом субъективного изложения материала объективных социальных проблем, что сказывается на уменьшении вероятности искажения информации. По данным перекрестной группировки знака события и тона события, они в основном совпадают. Кроме того, 29,7 % социальных проблем освещено нейтрально. А 32,6 % информации носит фактический, а не эмоциональный характер. **Во-вторых**, тематика одесских изданий обладает относительной однородностью в репрезентации «повестки дня». Есть определенная специфика изданий «Слово», которая отражает интересы С. Кивалова, однако, они не столь значительны. **В-третьих**, региональные издания имеют свою специфику. Например, в одесских изданиях на «повестке дня» стоят проблемы функционирования порта (4,7 %) и благоустройства пляжей (1,7 %), а также в качестве ключевой социальной группы могут выступать моряки (3,7 %). На наш взгляд, недостаточно освещены торгово-транспортные проблемы (1,7 %), которые для Одессы являются наиважнейшими. Также нами был отмечен факт низкой представленности проблем одесской области (1 %), и, в частности, лишь в одной публикации были упомянуты сельскохозяйственные проблемы. **В-четвертых**, выдвижение в качестве ключевой социальной группы экономической и политической элиты подтверждает тезис Хилгартнера и Боека о том, что большинство публичных арен находится под мощным влиянием господствующих политических и экономических групп. Именно поэтому журналисты полагают, что социальные проблемы, соответствующие таким пристрастиям, имеют более высокие шансы на успех.

Как уже говорилось раннее, результаты контент-анализа сравнивались с данными социологических опросов за февраль и май 2009 года. Исследования были проведены в г. Одессе, под руководством одесских социологов, канд. соц. наук, доц. Е. В. Князевой и А. В. Худенко: по месту жительства было опрошено 1000 человек в возрасте

старше 18 лет. Выборка многоступенчатая, гнездовая, пропорциональная. Критерий выделения гнезд — избирательные округа города. Выборочная совокупность по контролируемым социальным характеристикам (полу, возрасту, образованию, месту жительства) представляет собой достаточно точную модель взрослого населения города. Средняя ошибка выборки по контрольным квотным характеристикам не превышает 2 %.

По данным опроса за февраль, среди проблем, которые беспокоят население, приоритетное положение занимают следующие: дороговизна коммунально-жилищных услуг — 85,5 %, высокие цены на медицинские услуги и лекарства — 71,4 %, постоянный рост цен и инфляция — 62,4 %, нехватка денег на товары и услуги — 41,4 %. С большим отрывом следуют проблемы произвола чиновников — 27,6 % и невозможности найти хорошую работу — 23,1 %, а также такие социальные проблемы, как наркомания, алкоголизм — 27,9 %, детская беспризорность — 19,4 % и проблемы экологии — 17,9 % (табл. 1).

Таблица 1

Основные проблемы, которые беспокоят население города, февраль 2009 г.

Назовите, пожалуйста, основные проблемы, которые беспокоят, мешают жить в Одессе вам и таким людям, как вы?	Ответы		Процент наблюдений
	N	Процент	N
1. Дороговизна коммунально-жилищных услуг	854	20,0 %	85,5 %
2. Высокие цены на медицинское обслуживание	713	16,7 %	71,4 %
3. Детская беспризорность	194	4,5 %	19,4 %
4. Наркомания, алкоголизм	279	6,5 %	27,9 %
5. Невозможность найти хорошую работу	231	5,4 %	23,1 %
6. Нехватка денег на продукты и товары	414	9,7 %	41,4 %
7. Высокая стоимость аренды и покупки жилья	159	3,7 %	15,9 %
8. Плохие дороги	149	3,5 %	14,9 %
9. Преступность и криминальная обстановка	188	4,4 %	18,8 %
10. Произвол чиновников	276	6,5 %	27,6 %
11. Постоянный рост цен, инфляция	623	14,6 %	62,4 %
12. Экология	179	4,2 %	17,9 %
13. Другое	6	1 %	6 %
14. Затрудняюсь ответить	4	1 %	4 %
Всего	**4 269**	**100,0 %**	**427,3 %**

Не смотря на то, что проблема жилищно-коммунальных услуг ставится как в СМИ, так и респондентами, тем не менее в прессе чаще идет речь о состоянии жилищно-коммунального комплекса, а не о дороговизне услуг. Остальные проблемы и вовсе отодвинуты в «повестке дня» на периферию. Проблема медобслуживания в прессе по частоте встречаемости занимает 11-й ранг из 13 (3,7 %). О постоянном росте цен и инфляции вообще в публикациях не упоминается, хотя в целом вопросы экономического кризиса затрагиваются и занимают 5-ю позицию (7,8 %). В свою очередь, преступность и криминальная обстановка мало беспокоят общественность (4,4 %), хотя, как мы уже выяснили, эта проблема является одной из излюбленных у журналистов.

В целом, можно сказать, что население волнуют не абстрактные социальные проблемы, а те, с которыми ему приходится сталкиваться каждый день.

По данным за февраль, каждый третий сталкивается с проблемой роста цен (33,9 %), а каждый десятый с проблемами увеличения налогов (13,5 %), сокращения на предприятии (10,3 %) и невыплаты заработной платы (10,1 %) (*табл. 2*). К слову, в прессе проблеме трудоустройства посвящен 1 % от общего числа публикаций, остальные же темы не представлены вовсе. А это как раз те проблемы, которые влияют на чувство уверенности в завтрашнем дне. Необходимо также отметить, что этого чувства у большинства опрашиваемых (81,5 %) нет. Лишь 9, 5 % опрашиваемых чувствуют уверенность в завтрашнем дне, а еще 9 % респондентов затрудняются ответить.

Таблиця 2

Основные проблемы, с которыми пришлось столкнуться населению города, февраль 2009 г.

Назовите, пожалуйста, основные проблемы, которые беспокоят, мешают жить в Одессе вам и таким людям, как вы?	Ответы		Процент наблюдений
	N	Процент	N
1. Дороговизна коммунально-жилищных услуг	854	20,0 %	85,5 %
2. Высокие цены на медицинское обслуживание	713	16,7 %	71,4 %
3. Детская беспризорность	194	4,5 %	19,4 %
4. Наркомания, алкоголизм	279	6,5 %	27,9 %
5. Невозможность найти хорошую работу	231	5,4 %	23,1 %
6. Нехватка денег на продукты и товары	414	9,7 %	41,4 %
7. Высокая стоимость аренды и покупки жилья	159	3,7 %	15,9 %
8. Плохие дороги	149	3,5 %	14,9 %
9. Преступность и криминальная обстановка	188	4,4 %	18,8 %
10. Произвол чиновников	276	6,5 %	27,6 %
11. Постоянный рост цен, инфляция	623	14,6 %	62,4 %
12. Экология	179	4,2 %	17,9 %
13. Другое	6	1 %	6 %
14. Затрудняюсь ответить	4	1 %	4 %
Всего	**4269**	**100,0 %**	**427,3 %**

Аналогично по результатам опроса мая на передний план выдвигаются вопросы обеспечения себя прожиточным минимумом и минимальным комфортом (*табл. 3*).

Наиболее остро перед респондентами стоит проблема нехватки средств на покупку товаров длительного пользования (62,1 %) и на самое необходимое (60,1 %), проблема трудностей получения медицинской помощи и ее дороговизна (48,5 %). Далее следуют проблемы: неблагополучной экологической ситуации (39,2 %), произвола чиновников (33,3 %), задержки зарплат, стипендий, пенсий (33,1 %), плохих жилищных условий (29,6 %).

Примечательна достаточно высокая степень обеспокоенности детской беспризорностью — 19,7 %, которая превышает беспокойство по поводу таких личных проблем как: потеря работы (19,2 %), необходимость платить высокие налоги (17,1 %), произвол руководителей по месту работы (11,5 %), трудности получения образования (10,9 %). Очевидно, это связано с масштабом явления и является сформированной,

Таблица 3

Основные проблемы, с которыми пришлось столкнуться населению города, май 2009 г.

Какие из перечисленных ниже проблем за последний месяц коснулись лично вас или ваших близких и серьезно вас расстроили?	Ответы		Процент наблюдений
	N	Процент	N
1. Нехватка денег на самое необходимое /продукты питания, лекарства, одежду, обувь, коммунальные платежи и т. д./	584	14,0 %	60,1 %
2. Задержка зарплаты, пенсии, стипендии...	322	7,7 %	33,1 %
3. Нехватка денег на предметы долговременного пользования /мебель, бытовая техника/	604	14,5 %	62,1 %
4. Невозможность найти работу	215	5,2 %	22,1 %
5. Трудности с получением медицинской помощи, ее дороговизна	471	11,3 %	48,5 %
6. Плохие жилищные условия	288	6,9 %	29,6 %
7. Произвол чиновников	324	7,8 %	33,3 %
8. Неблагополучная экологическая ситуация (состояние воздуха, воды и т. п.)	381	9,2 %	39,2 %
9. Потеря работы или угроза такой потери в связи с сокращением штатов, закрытием предприятия	187	4,5 %	19,2 %
10. Необходимость платить высокие налоги	166	4,0 %	17,1 %
11. Произвол руководителей по месту работы	112	2,7 %	11,5 %
12. Столкновения с фактами преступности /насилие, грабежи, кражи/	86	2,1 %	8,8 %
13. Детская беспризорность	191	4,6 %	19,7 %
14. Трудности с получением образования	106	2,5 %	10,9 %
15. Вынужденный отпуск без сохранения содержания по месту работы	82	2,0 %	8,4 %
16. Другие проблемы	38	0,9 %	3,9 %
Всего	**4157**	**100,0 %**	**427,7 %**

так как в прессе данная проблема представлена слабо (проблема беспризорных детей занимает 1 % «повестки дня»).

Целенаправленный анализ прессы за февраль и май по проблемам, указанным в анкете, позволил получить следующие данные. Отображают какую-либо социальную проблему 29,5 % публикаций, при этом «Вечерняя Одесса» освещает 10,4 %, «Одесский Вестник» — 7 %, «Слово» — 12,1 %.

Акценты в социально-проблемных тематиках прессы расставлены следующим образом:

— **столкновения с фактами преступности /насилие, грабежи, кражи — 21,5 %**
— **произвол чиновников — 19,5 %**
— **плохие жилищные условия 16,1 %**
— **неблагополучная экологическая ситуация — 15,1 %**
— **нехватка денег на проживание — 12,5 %**
— **невозможность найти работу — 7,1 %**
— **трудности с получением медицинской помощи, ее дороговизна — 4,8 %**

— **трудности с получением образования — 2,4 %**
— **детская беспризорность — 1 %**

Выводы: В прессе вопрос проблематизации коммуникативного пространства и социальной реальности заявлен несколько иначе, чем реально проблематизировано общество, и обращает на себя внимание тот факт, что такие сообщения носят попреимуществу негативный характер. В целом, анализ прессы по вопросам, которые сегодня стоят перед обществом, создают впечатление о «замалчивании» наиболее важных и острых социальных проблем, таких как социально-экономические проблемы и проблемы трудоустройства, проблемы здравоохранения и экологии. Также крайне мало информации о работе Президента, Кабинета министров и местных управленческих органов, на чьих плечах лежит ответственность за благосостояние граждан. Показательно, что в нашем обществе виноватыми в ухудшении жизни граждане считают себя в большей степени, чем, к примеру, чиновников органов власти или депутатов городского совета (7,3 % против 6,9 % и 6,4 %). Хорошо, что общество не снимает ответственность за свое благосостояние с Президента и правительства (23,9 % считает, что за ухудшение жизни ответственно правительство, а 22,6 % — Президент), но именно СМИ обсуждение на данную тему в большинстве своих сообщений игнорирует.

Выявленные результаты еще раз подтверждают предположение о частичном и селективном влиянии медиа на социальную перцепцию. Так, согласно теориям **фрейминга** (**Дж. Косики, Дж. МакЛеод**), аудитория создает свою версию социальной реальности и свою схему восприятия и действия, частично основанную на селективно усвоенных сообщениях масс-медиа, но, большей частью, опирающейся на личный опыт и межличностную коммуникацию (социальный опыт) [2, с. 136].

Литература

1. **McCombs M., Shaw D**. The agenda-setting function of mass-media / McCombs M., Shaw D. // Public Opinion Quarterly. — 1972. — Vol. 36. — P. 15—40.
2. **Личковська О.** Ефект медіа / О. Р. Личковська // Соціологія політики: Енциклопедичний словник / Авт.-упоряд.: В. А. Полоторак, О. В. Петров, А. В. Толстоухов. — К.: Видавництво Європейського університету, 2009. — С. 135—136.
3. **McCombs M., Shaw D**. The evolution of agenda-setting research: Twenty-five years in the market-place of ideas / McCombs M., Shaw D. // Journal of Communication. — 1998. — Vol. 48. (1). — P. 46—62.
4. **Бурдье П**. О телевидении и журналистике / Бурдье П. Пер. с фр. Т. В. Анисимовой и Ю. В. Марковой. Отв. ред. и предисл. Н. А. Шматко. — М.: Фонд научных исследований «Прагматика культуры», Институт экспериментальной социологии, 2002. — 159 с.
5. **Хилгартаер С., Боек Ч. Л**. Рост и упадок социальных проблем: концепция публичных арен / Хилгартаер С., Боек Ч. Л. Пер. с англ. // Средства массовой коммуникации и социальные проблемы / Сост. И. Г. Ясавеев. — Казань, 2000. — С. 18—53.

О. Р. Личковська,
кафедра соціології Інституту соціальних наук Одеського національного університету імені І. І. Мечникова, к. 40, Французький б-р, 24/26, 65058, м. Одеса-58, Україна

МАСС-КОММУНІКАТИВНІ ПРАКТИКИ В РАМКАХ КОГНІТИВНОЇ ПАРАДИГМИ: ПРОЦЕСИ ПРОБЛЕМАТИЗАЦІЇ Й ДЕПРОБЛЕМАТИЗАЦІЇ СОЦІАЛЬНОЇ РЕАЛЬНОСТІ

Резюме

У статті аналізуються механізм і способи представлення події в мас-медіа. На ґрунті теорії М. Маккомбса й Д. Шоу «встановлення порядку денного», автор пропонує розглядати комуніка-

тивні практики індивідів у руслі когнітивної парадигми. Основною метою даної статті стало дослідження проблематизації соціуму за допомогою друкованих мас-медіа й порівняння отриманих результатів із тим діапазоном соціальних проблем, які відчуваються масовою аудиторією, на яку спрямовані процеси проблематизації.

Ключові слова: когнітивна парадигма, теорія «встановлення порядку денного», проблематизація, соціальна реальність, контент-аналіз.

O. R. Lychkovska,
Sociology Department of Social Sciences Institute of Odessa Mechnikov National University,
r. 40, 24/26, Frantsuzsky Boulevard, 65058 Odessa-58, Ukraine

MASS COMMUNICATIVE PRACTICES AS ELEMENTS OF COGNITIVE PARADIGM: PROCESSES OF PROBLEMATIZATION AND UNPROBLEMATIZATION OF SOCIAL REALITY

Summary

In the article the mechanism and ways of an event representation in mass-media are analyzed. Leaning on the theory of M. McCombs and D. Shaw of «agenda setting», the author suggests considering communicative practices of individuals in a vein of cognitive paradigm. The basic purpose of this article became the research the society problematization by means of printed mass-media and the comparison of received results with that range of social problems which are felt by a mass audience on which processes of problematization are directed.

Key words: cognitive paradigm, the theory of «agenda setting», problematization, social reality, the content-analysis.

УДК 316.33

Ю. Б. Савельєв,
докторант факультету соціології
Національного університету імені Тараса Шевченка
вул. Володимирська, 64, Київ, 01601, Україна
тел. +38 044 2393267, e-mail: Savelyev@ukma.kiev.ua

СОЦІАЛЬНЕ ВКЛЮЧЕННЯ У ПРОЦЕСІ МОДЕРНІЗАЦІЇ

У статті на прикладі зміни гендерного порядку у постсоціалістичному суспільстві 1990-х рр. розглянуто соціальне включення як аспект модернізації. На основі статистичних даних визначаються суперечності процесу соціального включення.

Ключові слова: соціальне включення, модернізація, гендерна трансформація.

У даній статті на прикладі зміни гендерного порядку аналізуються суперечності модернізації постсоціалістичного (зокрема, українського) суспільства та характерного для модернізації процесу соціального включення. Саме специфіка гендерного порядку та механізмів соціального включення обумовлює соціально-економічне становище жінок в Україні та можливості для їхньої самореалізації.

Згідно з Р. Коннелом, гендерний порядок визначає стан гендерних відносин у будь-якому інституті суспільства [3, 120]. Зміна гендерного порядку є гендерною трансформацією — тобто комплексом змін у системі досягнутих чоловічих та жіночих статусів, гендерних ролей, уявлень, норм, цінностей, моделей поведінки, а також відповідних соціальних інститутів, що їх регулюють. Вона є невід'ємним атрибутом модернізації. Проте якщо для західної (північноатлантичної) цивілізації гендерна трансформація є закономірним наслідком соціокультурної еволюції, оскільки саме ця цивілізація породила добу модерну, то для незахідних суспільств вона завжди пов'язана з певним проектом модернізації, який здебільшого має форсований характер. Це породжує суперечності. З одного боку, модернізація та гендерна трансформація можуть бути примусовим зовнішнім впливом на локальні культури та сприйматись як частина загального процесу глобалізації-вестернізації [4, 195]. З іншого — гендерна трансформація є внутрішньою потребою та передумовою розвитку тих суспільств, які знаходяться на шляху модернізації.

Після жовтневої революції розпочався комуністичний проект модернізації Радянського Союзу. Як одна із складових модернізації відбувалась зміна гендерного порядку та створювались механізми соціального включення. Було прийнято нове законодавство, найбільш прогресивне у той час з точки зору гендерної рівності. Жінки включались до політичного життя, ринку найманої праці, освіти. Тобто радянські жінки пройшли такі ж самі етапи емансипації, що і на Заході, з тією різницею, що якщо у Північній Америці та Західній Європі це був результат спонтанного соціокультурного розвитку та завоювання жіночого руху, то у Радянському Союзі емансипація впроваджувалась комуністичною партією з певних економічних, політичних та ідеологічних причин. Це була так звана політика державного фемінізму [9, 39]. Частиною цієї політики було впровадження квот представництва жінок у політичних та громадських інститутах, популяризація образу жінки, яка працює та відіграє важливу роль у житті суспільства.

© Савельєв Ю. Б., 2010

Незважаючи на те, що подібна гендерна трансформація була вимушена потребами модернізації та не була всебічною, в цілому її результати були позитивними для жінок та надали їм принципово нові можливості для самореалізації.

По-перше, вони стали важливою частиною економічно активного населення країни. Якщо у 1926 році жінки становили 23 % зайнятого населення, то у 1940 — 39 %, 1960 — 47 %, а з 1970 до 1990 — 51 % [8, 136]. Останній показник перевищує долю жінок у робочій силі навіть сучасних розвинутих суспільств: 39 % у Німеччині, 40 % у Франції, 45 % у Швеції, 41 % у США [1, 406—409, 436]. 92 % радянських жінок працездатного віку працювали або навчались [8, 136]. У результаті жінки стали більш освіченими та професійно підготовленими, ніж чоловіки: у 1989 році в Україні 43,1 % жінок, які працювали, мали вищу або середню спеціальну освіту, тоді як серед працюючих чоловіків таких було 34,5% [10, 134]. Жінки були включені до органів управління та законодавчої влади, причому неформальні квоти їх представництва невпинно зростали: серед депутатів місцевих рад жінок налічувалось 33,1 % у 1939 році, 45,8 % у 1971, 50 % у 1987, серед депутатів Верховної Ради СРСР — 26 % у 1952 році, 31 % у 1970, 33 % у 1984 [8, 145; 9, 117—118].

Проте гендерна трансформація не стала справжньою та незворотною. Позитивні дані, що були наведені вище, відображають лише частину реальності. Рівний доступ до політичної влади та керівних посад в економіці залишався декларованим. Формувалась освітньо-професійна сегрегація. Не було вирішено багато соціально-економічних проблем жінок, а їх активне залучення до ринку праці породжувала нові. Ані економічна, ані інституціональна емансипація не була завершена. Тому після розпаду СРСР те, що вважалося завоюванням жінок, а насправді було проявом політики державного фемінізму як частини проекту модернізації, було втрачено. Їхнє становище у суспільстві з кінця 1980-х років до цього часу в цілому неухильно погіршується. У громадській думці українського суспільства відроджується традиційний образ жінки, яка соціально пасивна, зосереджена на родинному житті та виконує особливі функції, що надані їй від природи, або є втіленням жіночості та краси, що має тішити чоловіче око [6, 37]. Все це доповнюється консюмерізацією жіночого образу, яка посилюється і якій у подібних умовах неможливо запобігти. Незважаючи на діяльність феміністичних організацій, жінки не мають суттєвого політичного впливу. З втратою квот представництва їх чисельність у вищих органах влади катастрофічно впала. Серед депутатів Верховної Ради жінки становили 4,2 % у 1994 році, 8,2 % у 1998 та 5,1 % після виборів 2002 року. (Подібна тенденція існує також у Росії [11, 117].) Важко очікувати іншого, коли усі ці процеси мають економічне підґрунтя. Соціально-економічний стан українських жінок виявляється, передусім, у «прискореному зниженні рівня доходів... і відповідно посиленні майнового розшарування за гендерною ознакою» [10, 133]. Останній момент особливо важливий, оскільки відносини власності, що склалися у суспільстві, визначають його розвиток на далеку перспективу.

Реформи 1990-х років та нова економічна система українського суспільства виявились вкрай несприятливими для жінок. Вони більше постраждали від безробіття. Рівень зайнятості жінок у 1990-ті лише за чотири роки знизився на 9,3 % (з 60 % у 1995 році до 50,7 % у 1999) і був нижчий, ніж у чоловіків на 8,9 %. Кількість жінок переважала серед незайнятого працездатного населення — 62,1 %. На 10,7 % нижчим за чоловіків був рівень економічної активності жінок, він дорівнював 57,2 % [7, 26]. В результаті економічних перетворень частка жінок у робочій силі зменшилась і на початку 2000-х

років вона становила 48,7 % [12, 31]. Це, звичайно, незначний спад у порівнянні з 51 % радянських часів, але він є показовим. В той же час вирішальними є якісні відмінності у структурі зайнятості чоловіків і жінок. Жінки або були витіснені зі сфер економічної діяльності, які динамічно розвиваються та є краще оплачуваними, або сфери, які були фемінізовані ще у радянський період, опинились у занепаді. Економічний успіх сьогодні майже повністю є чоловічим. У 1999 році понад 60 % жінок зайнято у галузях із заробітною платою нижчою, ніж у середньому в Україні, а у таких галузях, як освіта, культура, охорона здоров'я, соціальне забезпечення, громадське харчування, де середня зарплата є найнижчою — менше $^{2}/_{3}$ її середнього показника в цілому в економіці, жінки становлять від 72 до 87 % працівників, тоді як у галузях з найвищою заробітною платою (вона у 2,2—3,6 раза вища, ніж у згаданих фемінізованих галузях) переважна більшість (65—73 %) чоловіки [7, 25; 12, 31].

Ще більш характерною є внутрішньогалузева гендерна диференціація заробітку. Статистичні дані свідчать про те, що навіть зайнятість у галузях з найвищим рівнем оплати праці, не гарантує жінкам рівності доходів з чоловіками. Так у галузях, що лідирують за рівнем заробітної плати, у паливній промисловості у 1997 році жінки отримували лише 46,7 % зарплати чоловіків, що є найнижчим показником [10, 146], у 1999 році у сфері зв'язку — 60,2 %, у фінансовій сфері — 57,2 % [7, 25]. Причому у цій останній галузі, що найбільш динамічно розвивається, співвідношення продовжує зменшуватись і становить вже 53,4 % у 2002 році [13, 19]. Розрив оплати праці у менш престижних та низькооплачуваних галузях менше. Прикладом може бути сільське господарство — 93,3 % зарплати чоловіків [13, 19]. Проте навіть там, де серед працівників абсолютна більшість жінок, розрив в оплаті зберігається у межах 15—20 %, а у системі охорони здоров'я у середині 1990-х він дорівнював близько 37 % [10, 146]. Але найбільш вражають дані про таку фемінізовану галузь з однією з найнижчих середніх зарплат, як громадське харчування. Там у 1999 році жінки становили 81,2 % працівників, проте отримували 64,8 % зарплати чоловіка у цієї же сфері [7, 25].

Таким чином, незалежно від галузі, в економіці Україні склалася та поглиблюється ситуація, коли, «незважаючи на високу професійну та освітню підготовку, жінки здебільшого обіймають посади менш престижні, менш оплачувані» [10, 146]. З іншого боку, «чоловіки отримують легший доступ на ринок праці, особливо на вищеоплачувані, керівні та престижні посади» [13, 19—20]. Більш того, ця ситуація характерна не лише для економіки, а всього українського суспільства, і вона обумовлюється існуючим гендерним порядком. Відповідно, середній дохід української жінки постійно знижувався у порівнянні з доходом чоловіка: він становив 80,1 % чоловічого у 1995 році, 72,4 % у 1999 та 69,3 % у 2002 [7, 25; 5, 28].

Аналіз гендерного аспекту економічних процесів чітко пояснює, чому суспільство саме так ставиться до жінки, яка не може за таких умов самостійно вирішити власні проблеми або проблеми своїх дітей. Сучасний гендерний порядок вимагає від жінки бути залежною, обмінювати свої природні якості та функції дружини на економічну та соціальну підтримку чоловіка. Громадська думка в Україні ставала щодалі більш консервативною.

Гендерна трансформація була складовою частиною комуністичного проекту модернізації, і, коли цей проект був припинений, відбулась, як зазначив С. Коен на прикладі Росії, «безпрецедентна демодернізація країни XXI століття» [2, 45]. Внаслідок цього почалась ревіталізація архаїчних елементів культури, патріархальних інститутів

та цінностей, які є характерними для домодерного суспільства. Тому рівень маскулінізації соціальних, і передусім, економічних інститутів невідворотно зріс. Це результат створення штучного механізму соціального включення. Таким чином, гендерна трансформація може бути справжньою та глибокою лише тоді, коли вона є необхідною складовою соціально-економічного та культурного розвитку даного суспільства. У іншому разі вона повністю залежить від проекту модернізації, елементом якого вона є, і у випадку його припинення настає швидкий зворотний процес. У цьому полягає суперечність процесу соціального включення у постсоціалістичних суспільствах.

Література

1. *Basu A.* ed. The Challenge of Local Feminisms: Women's Movements in Global Perspective. — Boulder, 1995.
2. *Cohen S. F.* Failed Crusade: America and the Tragedy of Post-Communist Russia. — New York, 2001.
3. *Connell R. W.* Gender and Power: Society, the Person and Sexual Politics. — Stanford, 1987.
4. *Walby S.* Gender Transformations. — London, 1997.
5. *Gender issues in Ukraine:* Challenges and Opportunities. — UNDP, UN in Ukraine, 2003.
6. *Кісь О.* Моделі конструювання гендерної ідентичности жінки в сучасній Україні // Незалежний культурологічний часопис «Ї». — 2003. — № 27.
7. *Власенко Н., Виноградова Л., Калачова І.* Гендерна статистика для моніторингу досягнення рівності жінок і чоловіків. — К., 2000.
8. *Айвазова С.* Русские женщины в лабиринте равноправия. — Москва, 1998.
9. *Айвазова С.* Гендерное равенство в контексте прав человека. — Москва, 2001.
10. *Гендерний аналіз українського суспільства.* — ПРООН, 1999.
11. *Кочкина Е.* Представленность женщин в российских органах власти // Общественные науки и современность. — 1999. — № 1.
12. *Алексєєв С. В.* Гендерний аспект проблеми зайнятості в Україні (кінець XX — поч. XXI ст.) // Гендер: реалії та перспекииви в українському суспільстві: Матеріали Всеукраїнської науково-практичної конференції. — Київ, 2003.
13. *Макара О. В.* Гендерний баланс на ринку праці в Україні: можливості аналізу та прогнозування // Гендер: реалії та перспекииви в українському суспільстві: Матеріали Всеукраїнської науково-практичної конференції. — Київ, 2003.

Ю. Б. Савельев,
докторант факультета социологии
Национального университета имени Тараса Шевченко
ул. Владимирская, 64, Киев, 01601, Украина

СОЦИАЛЬНОЕ ВКЛЮЧЕНИЕ В ПРОЦЕССЕ МОДЕРНИЗАЦИИ

Резюме

В статье на примере изменения гендерного порядка в постсоциалистическом обществе 1990-х гг. рассматривается социальное включение как аспект модернизации. На основе статистических данных показаны противоречия процесса социального включения.

Ключевые слова: социальное включение, модернизация, гендерная трансформация.

Savelyev Yuriy
Doktorant of Faculty of Sociology
National Taras Shevchenko University of Kyiv
Volodymyrska St., 64, Kyiv 01601, Ukraine

SOCIAL INCLUSION IN MODERNIZATION PROCESS

Summary
Considering changes of gender order, the article analyzes social inclusion as an aspect of modernization in a post-socialist society in 1990's. Based on statistics data contradictions of social inclusion process have been indicated.

Key words: social inclusion, modernization, gender transformation.

УДК 159.947.23:303.833.2

О. А. Безрукова,
кандидат социологических наук,
доцент кафедры политологии и права
Запорожского национального технического университета,
к. 535, Запорожье, 69063, ул. Жуковского, 64,
тел. (061)7698353, e-mail: bezrukova_olga@inbox.ru

ТЕОРЕТИЧЕСКАЯ ОПЕРАЦИОНАЛИЗАЦИЯ ПОНЯТИЯ «ОТВЕТСТВЕННОСТЬ» ДЛЯ ЦЕЛЕЙ СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

В статье рассматривается возможность операционализировать понятие «ответственность» для целей социологического исследования, сформулированы параметры операционализации. Задачи статьи: выявить динамику, показатели, детерминанты ответственности, выделить ее критерии и определить их смысл, задать количественные ее параметры, показатели и индикаторы. Выделены два вида ответственности: общая и конкретная. Сформулированы и раскрыты функции ответственности.

Ключевые слова: ответственность, функции ответственности, операционализация, параметры операционализации, социальная дистанция.

Постановка проблемы в общем виде. Как правило, явление ответственности изучается в рамках этики и психологии. Однако его можно изучать и в социологическом дискурсе. В этом плане можно согласиться с Г. Зиммелем, который утверждал, что социология отличается от других наук не объектом, а углом зрения на объекты. В частности, он писал о социологии: «Она принадлежит к тому типу наук, специальный характер которых состоит не в том, что их предмет вместе с другими подходит под одно высшее, общее понятие (как классическая филология и германистика, оптика и акустика), а в том, что они ставят всю совокупность предметов под особый угол зрения. Не объект, а точка зрения, особенная, совершаемая ею абстракция дифференцирует ее от остальных историко-социальных наук» [1, с. 422].

Основная часть. Ответственность может рассматриваться как специфический социокультурный признак структурирования сообщества. Иными словами, социокультурная структура общества может быть рассмотрена по критерию ответственности. Разные группы социума могут отличаться по степени, в которой к ним могут предъявляться требования ответственности за сохранение и преумножение условий жизнедеятельности общества. Например, в этом плане элита значительно отличается от обычных граждан. Более детальное социологическое исследование может конкретизировать представление о социальных аспектах ответственности.

Для целей социологического исследования ответственности необходимо это понятие операционализировать. Поэтому **цель статьи** — теоретически операционализировать понятие «ответственность» для социологического исследования. Как известно, процедура операционализации, коротко говоря, заключается в приведении понятия к виду, удобному для наблюдения и измерения. Ответственность — сложное понятие,

 © О. А. Безрукова, 2010

которое невозможно наблюдать непосредственно, поэтому оно нуждается в процедуре операционализации. Для эмпирической операционализации необходимо предварительно осуществить теоретическую операционализацию. Следует выявить динамику, показатели, детерминанты ответственности, выделить ее критерии и определить их смысл, задаться количественными параметрами, показателями и индикаторами.

Для выявления критериев, уровней и иных параметров изучения ответственности следует выделить два вида ответственности: общую и конкретную.

К общей относится само наличие этого качества и отношения, его интенсивность, сила. А конкретная ответственность предполагает конкретизацию в объектах и содержании ответственности, например, ответственность перед руководством за проведение собрания. Здесь задается мера и объем ответственности. Общая же задает лишь саму способность быть ответственным. Без конкретного приложения общая ответственность находится в потенциальном, ожидающем состоянии. Только при наличии конкретной ответственности актуализируется общая. Она находит свой объект применения и отношения.

Детерминация общей и конкретной ответственности разная, различаются факторы ее обуславливающие, операционализируется она разными признаками. Общая ответственность обусловлена уровнем социализации, а конкретная — уровнем подготовки, профессиональной обученности, умениями, знаниями и навыками. Если человек не умеет, нет смысла ожидать и требовать от него ответственного отношения. На этот счет есть выражение, что от способного больше требуют, с него больше спрашивают. Если человек умеет, то несделанное им оценивается как проявление безответственности. А если человек не умеет, определять человека, оценивать его действия в категориях ответственности неуместно, некорректно.

Более ответственна элита. Ответственность — это одно из измерений элиты.

Следует определить (задать) систему, которая обуславливает необходимость ответственности и ее основные параметры (как общей, так и конкретной). Такой системой является социум на различных своих уровнях или различных типов. Это может быть общество (для общей ответственности), может быть определенная большая социальная группа или класс, например, ответственность перед партией, перед интеллигенцией, перед профессией.

Так, Б. Акунин [2] характеризует моральный императив ответственности перед кланом преступников — синоби. Дело их чести — убивать, заказанное убийство надо совершить независимо ни от каких обстоятельств. Это ответственность перед своим сообществом, с которым человек идентифицирует себя. У Б. Акунина персонаж, который не смог выполнить заказ, кончает жизнь самоубийством, чтобы спасти честь клана.

Человек может быть связан ответственностью с системами разного уровня, типа и характера. Но тип связей будет разным в зависимости от типа системы. Чем ближе система к конкретному окружению индивида, чем ближе она к центру или ядру его активности, тем в большей мере ответственность может выражаться не только на когнитивном уровне (чувства, мысли), но и в действии. Человек может абстрактно считать себя ответственным за природу (в целом), даже за космос, но это чувство не может быть выражено в действии. Если же речь идет об ответственности перед семьей, то в этом случае ответственность может сопровождаться действием, поступком. Действие состоит из поступков. Поступки — это объективация ответственного отно-

шения или чувства. В принципе, бездействие тоже поступок. Поэтому ответственность артикулируется объективно системой поступков.

Значимость человека можно определить по степени, в которой от него зависят другие люди или зависит выполнение дела. Объективно от действий человека может зависеть лишь некоторая относительно небольшая часть благополучия других людей или успеха общего дела, а может и зависеть существенно, тогда это — значимый фактор жизнедеятельности социальной среды.

Таким образом, можно выделить следующие параметры операционализации: 1. Тип сообщества: общество, семья, коллектив. 2. Форма проявления: ответственность-чувство, ответственность-действие (поступок); ответственность-мысль. Степень ответственности/безответственности индексируется через континуум степени выраженности чувств и совершение действий-поступков. Эмпирически можно зафиксировать реально действия-поступки, квалифицируемые как выражение ответственности. Значительно сложнее выявить отношение, чувства. Здесь лишь в малой степени можно рассчитывать на рефлексию, фиксацию действительного, а не должного.

В какой-то мере проявление альтруизма можно квалифицировать как деятельное выражение общей ответственности. Аналогично можно интерпретировать как проявление ответственности различные типы просоциального действия (т. е. действие, которое способствует успешному функционированию различных социальных объектов) и просоциальной мотивации. Чувства ответственности косвенно можно фиксировать через проявление эмпатии, т. е. понимание эмоционального состояния другого человека посредством сопереживания или беспокойства за благо других. Наличие базы для ответственного отношения можно фиксировать через его факторы, например через проявление и чувства идентификации с объектом, делом, нормой (как процесса отождествления индивида с определенной группой или социальным слоем, заключающегося в усвоении присущих им поведенческих моделей, ценностей, установок и ролей).

В определенной мере основой ответственного/безответственного отношения является величина социальной дистанции. По Г. Зиммелю — это близость или отдаленность индивидов или групп в социальном пространстве. Социальная дистанция интерпретируется как мера готовности человека вступать в ассоциативные связи с другими людьми. Сама возможность социальных ассоциаций базируется на такой предпосылке, как наличие взаимной ответственности членов ассоциации, в противном случае ассоциация функционирует неэффективно и быстро распадается. Эгоизм, дистанцирование себя от социума являются основой безответственности. Неэгоистическая мотивация и действие высоко коррелируют с наличием общей и конкретной ответственности у человека.

Рефлексия относительно содержания и характера межличностных отношений более свойственна ответственной позиции человека. Отсутствие же такой рефлексии является предпосылкой безответственности, бездумного поведения по отношению к другим, последствия которого имеют большую вероятность объективно быть безответственными. Дефицит социальной рефлексии может быть вызван эгоцентричной позицией личности.

Нельзя упускать из виду, что ответственное отношение не обязательно может быть объектом рефлексии. Так, поведение матери по отношению к ребенку может быть в высшей степени ответственным, но она не осознает данного отношения. Объективно ответственное действие может субъективно не оцениваться в качестве такового.

Попробуем сформулировать основные функции ответственности:

1. Стимулирующая функция. Побуждает к социально значимому действию, поступку и деятельности.

2. Группообразующая функция. Служит объединяющим началом, принципом, силой, вокруг социально значимой ценности, группообразующим стимулятором и признаком.

3. Формирует смысложизненные ориентиры (вырастить ребенка исходя из ответственности за его судьбу, изобрести новый способ сбережения энергии исходя из ответственности за сохранение окружающей среди или за экономию ресурсов).

4. Коммуникативная функция. Обеспечивает межличностную коммуникацию, поскольку именно взаимная ответственность за сохранение и поддержание коммуникации побуждает индивидов искать (создавать) общие смыслы в знаках и символах.

5. Определяет меру и границы деятельности, заботы (человек выполняет то, за что ответствен, а иное делать не обязательно). Эту меру человек может определять сам или ее обозначают другие, но эта мера формирует границы и пределы активности человека.

6. Интегративная функция. Ответственность связывает человека с социумом, со значимыми другими, придает социальный смысл его жизни и деятельности.

7. Значимость ответственности определяет значимость человека. Эта значимость определяет, в какой мере от человека зависит выполнение общего дела или благополучие окружающих (многих или немногих). Чем выше эта ответственность, тем большему контролю подвергается человек для выполнения дела и тем большему наказанию подвергается за невыполнение этого дела. Но и значимость ответственности формирует значимость человека, формирует его статусную позицию. И наоборот, его статусная позиция обязывает принимать ответственность в соответствии с ожиданиями от особы с этим статусом.

8. Регулятивная функция. Нормативно-ценностная регуляция. Регулирует поведение человека, сообщества в соответствии с нормами, ценностями и целями. Ответственность именно за эти конкретные цели и эти конкретные ценности в соответствии с принятыми нормами регулирует активность человека и сообщества. Эта функция носит отчетливо социальный характер. Здесь не берется во внимание нравственный регулятор, который относится больше к сфере этики, т. е. находится за пределами обсуждения тематики, обозначенной в данной статье.

9. Отражает потребности общества, его объективные условия существования и способ жизнедеятельности. Ответственность не возникает произвольно в силу фантазии человека, а отражает реально существующие в обществе смыслы и ценности, служащие обеспечению его жизнеспособности.

10. Благодаря ответственности человека за сохранение культуры и условий существования обеспечивается воспроизводство этих условий для будущих поколений. Этот уровень ответственности обеспечивается социальной идентификацией.

Социальная идентификация (ощущение себя частью социума) позволяет человеку преодолевать отчуждение и воспринимать свои связи с обществом и природой не как отчужденные общественные отношения, а как выражение своей сущности.

С этим уровнем ответственности также связана гуманистическая природа человека, его чувство любви к другим, беспокойство за их судьбу, желание им блага. Эта сторона личности выражает ее социальную природу и меру социализации, глубину интериоризации общественно значимых ценностей.

Эгоизм, жестокость, вражда, зло, несправедливость вызывают коннотацию с безответственностью.

Стремление помогать окружающим, доброжелательное отношение к ним может служить операциональным показателем общей ответственности.

Близкие к ответственности социально наполненные качества, такие как совесть, долг, позволяют очертить моральное ядро как способность оценки себя с позиции социетальной, надличностной.

Ответственность является конструктивной формой отношения к проблеме, которая требует своего разрешения. Безответственность является деструктивной ее формой. Конструктивная форма является деятельностной, в ней поступок является активным свершением, в отличие от безответственности, для которой характерен поступок в пассивной его форме, то есть бездеятельность. Конструктивная, ответственная форма отношения к проблеме предполагает рефлексию относительно способов решения проблем. Безответственное отношение склоняется к перекладыванию ответственности на других людей, снятию ответственности с себя или непризнанию за собою ответственности. А главное, безответственное отношение не предполагает и не предлагает решения проблемы, склонно искать виновных в нерешении проблемы вовне, не связывая с собою.

Ответственность благодаря своей конструктивной интенции связана с постановкой конкретной цели и достижением ее прагматичными средствами.

Безответственность, как деструктивная по сути форма отношения к проблеме, продуцирует неадекватные реакции, вызывающие непродуктивные решения, фактически нерешения, паллиативы, являясь мимикрией серьезного. Безответственность продуцирует не подлинное, пустое, а ответственность продуцирует подлинное, серьезное отношение к проблеме и решение ее. Безответственность, скрываясь за маской мимикрии, еще более опасна, так как вскрывается через определенное время, когда выявляются последствия деструктивности, бездеятельности. Зачастую только опыт, практика могут выявить, что является действительно ответственным, а что является подделкой, мимикрией, безответственностью.

Ответственность возможна тогда, когда человек осознает себя субъектом. Безответственность фактически несубъектна или связана с пустой, лишенной социальности субъектностью, самоотчужденной личностью. Действительно, если человек берет на себя ответственность, он связывает себя с социумом, ощущая себя субъектом, включенным в этот социум, интегрированным в нем. Безответственность лишает себя связи с социумом, фактически обрекая себя на безсубъектность, на самоотчужденность. Ответственность предполагает возможность вины. На первых этапах действия эта вина находится в потенции, в снятом виде, как составная часть ответственности. Затем вина либо актуализируется в случае неуспеха, недостижения цели или не должного ее достижения, либо остается в снятом неактуализированном виде в случае успеха. Альтернативой вины является удовлетворенность от выполненного дела, реализованной ответственности. Безответственность лишена вины, поэтому и лишена удовлетворенности от завершения задачи. Безответственность обрекает человека на неполноту существования, неподлинность, нереализованность внутренней природы человеческого как социального существа.

Ответственность не имеет своего содержания, это форма зависимости, в которую облекаются отношения между субъектом и объектом деятельности. Эта зависимость

носит моральный характер, т. е. социально интернализованный по своей сути. Такая интернализация делает зависимость субъективно свободной. Чувство обязательности, сопровождающее отношение ответственности, не является формой несвободы, т. к. субъект по определению в случае ответственности свободен в своем выборе. Но эта свобода имеет превращенную форму, являясь на самом деле дюркгеймовским социальным фактом, т. е. выражением зависимости человека от общества, выражением социальности человека, объективности общества в части его имманентного социального контроля.

Ответственность является именно свободной формой зависимости в отличие от навязанных, внешне обязывающих форм отношений, например приказа, принуждения. Эти формы отношений имеют иную форму интернализации, противной человеческой природе, внешней и отчужденной. Принудительные формы отношений характерны и для тоталитарной личности, которая внутренне безответственна, поскольку перелагает ответственность на вождя, власть, объект тоталитаристского принуждения и поклонения. «Тоталитарная личность инфантильна в плане того, что стает неспособной к самодетерминации собственной активности» [3, с. 119]. Свободный человек обладает качеством самодетерминации своей активности через механизмы ответственности.

Инфантильность тоталитарной личности заключается также и в неспособности ее взять на себя ответственность, в стремлении избегать ответственности. В системе данных категорий ответственный человек — социально зрелая личность. Это взрослый человек не по демографическим признакам, а по нравственно-духовным, по признаку степени интернализации социального интереса и уровню социализации.

Выводы. Таким образом, теоретическая операционализация понятия ответственности включает в себя ряд параметров, которые требуют несколько уровней такой операционализации.

К параметрам теоретической операционализации ответственности относятся такие понятия и свойства: общая и конкретная ответственность; нравственные качества личности сопредельные, тесно связанные с ответственностью: долг, честь, совесть. Нравственные качества, которые косвенно связаны с ответственностью: эмпатия, помощь другим, гуманность и т. п. Свобода, социальная интернализация личности. Социальные функции ответственности, каждая из которых нагружена дополнительной системой понятий. Социальная зрелость, взрослость личности. Субъектность личности, идентификация с сообществом.

Безответственность характеризуется антиномическими параметрами. Например, авторитарная личность, инфантилизм, отчужденность, эгоизм, несоциализованность, бессубъектность и т. п.

Дальнейшая операционализация, как теоретическая, так и эмпирическая, позволит всесторонне с социологической точи зрения изучать феномен ответственности в обществе.

Литература

1. *Зиммель Г.* Проблема социологии / Георг Зиммель // Западно-европейская социология XIX — начала XX века [под ред. В. И. Добренькова]. — 1996.
2. *Акунин Б.* Алмазная колесница: В 2 томах [Электронный ресурс] / Борис Акунин. — М.: Богат, 2007. — Режим доступа: http://lib.aldebaran.ru/author/akunin_boris/akunin_boris_almaznaya_kolesnica_tom_1/

3. Романенко Ю. В. Смислопродукуючі детермінанти тоталітаризму у візантійській психокультурі / Ю. В. Романенко // Соціальні технології. Міжвузівський збірник наукових праць. — Київ-Запоріжжя-Одеса. — Випуск 31. — 2005.

О. А. Безрукова,
кандидат соціологічних наук, доцент кафедри політології та права
Запорізького національного технічного університету, к. 535
м. Запоріжжя, 69063, вул. Жуковського, 64,
тел. (061)7698353, e-mail: bezrukova_olga@inbox. ru

ТЕОРЕТИЧНА ОПЕРАЦІОНАЛІЗАЦІЯ ПОНЯТТЯ «ВІДПОВІДАЛЬНІСТЬ» ДЛЯ ЦІЛЕЙ СОЦІОЛОГІЧНОГО ДОСЛІДЖЕННЯ

Резюме

У статті розглядається можливість операціоналізувати поняття «відповідальність» для цілей соціологічного дослідження, сформульовані параметри операціоналізації. Завдання статті: виявити динаміку, показники, детермінанти відповідальності, виділити її критерії і визначити їх значення, задати кількісні її параметри, показники і індикатори. Було виділено два види відповідальності: загальна і конкретна. Сформульовані та розкриті функції відповідальності.

Ключові слова: відповідальність, функції відповідальності, операціоналізація, параметри операціоналізації, соціальна дистанція.

O. A. Bezrukova,
The candidate of sociological sciences,
The Senior Lecturer of the Political Science and Law Department
Zaporizhzhya National Technical University,a. 535,
Zaporizhzhya, 69063, Zhukovsky street, 64,
Telephone (061)7698353, e-mail: bezrukova_olga@inbox. ru

THEORETICAL OPERASIONALIZATION OF THE CONCEPTS OF «RESPONSIBILITY» FOR SOCIOLOGICAL RESEARCH

Summary

In article possibility operationalizate concept «responsibility» for sociological research is considered, parametres operationalization are formulated. Article problems: to reveal dynamics, indicators, responsibility determinants, to single out its criteria and to define their sense, to set its quantitative parametres, indexs and indicators. Two kinds of responsibility are singled out: the general and specific. Responsibility functions are formulated and opened.

Key words: responsibility, responsibility functions, operationalization, parametres operationalization, a social distance.

УДК 316.1:005

Д. И. Акимов,
канд. социол. наук, председатель Генеральной дирекции Международной академии рейтинговых технологий и социологии «Золотая Фортуна»,
МАРТИС «Золотая Фортуна», ул. Аистова, 3, г. Киев, Украина,
т. (044) 254-57-00: e-mail: fortuna@fortuna.org.ua

ПОЛИТИЧЕСКОЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ И ПОЛИТИЧЕСКИЙ РЫНОК

Статья посвящена анализу важной и малоизученной проблемы организации политического взаимодействия между политическими акторами в условиях демократической политической системы. Делаются выводы о значимости в решении данной проблемы сформировавшегося в современных условиях политического рынка. Рассматриваются возможные подходы к «маркетизации» политического взаимодействия, политических процессов в обществе.

Ключевые слова: политическое взаимодействие, политический рынок, политический маркетинг.

Одна из ключевых проблем развития социальных отношений в современном обществе и в первую очередь в обществах трансформирующихся, таких как Украина — функционирование и организация политического взаимодействия между множеством субъектов демократического процесса: государством, политическими партиями, общественными организациями, рядовыми гражданами, избирателями и др.

Под политическим взаимодействием, как известно, понимают такую систему взаимообусловленных социальных действий, при которых действия одного субъекта одновременно выступают причиной и следствием соответствующих действий другого субъекта. Иными словами, вызывает последовательные, ответные реакции партнера (партнеров).

Понятно, что именно в рамках политической деятельности проблема взаимодействия приобретает особый смысл и особую значимость. Ведь в данном случает речь идет не только (даже не столько) о взаимодействии между равноправными акторами социального действия, но и о партнерах, располагающихся «по вертикали». То есть представителями, с одной стороны, органов управления (чиновниками, политиками и др.), и с другой — населением, рядовыми гражданами.

В связи с этим особую важность приобретает проблема не только форм, способов, технологий взаимодействия, но и их основ, на которых оно базируется, направлений подобного взаимодействия. Именно данная проблема практически не анализируется сегодня в специальной научной литературе: как социологической, так и политологической.

Что же выступает в качестве основы политического взаимодействия в обществе? Каким образом происходит реализация тех или иных политических идей, мероприятий, проектов, технологий? Кто, наконец, выступает в качестве субъектов такого взаимодействия и является его объектом? Здесь, безусловно, необходимо четко отграничить проблемы политического взаимодействия, с одной стороны, в авторитарном или

© Д. И. Акимов, 2010

тоталитарном обществе, с другой — в обществе демократическом. В первом случае процессы политического взаимодействия характеризуются ограниченностью политического плюрализма, низким уровнем политического участия граждан во власти, четко обозначенными процедурами и границами реализации власти элитами и т. п.

Если же говорить о современном демократическом обществе, то ответ на все поставленные выше вопросы (о том, что является основой политического взаимодействия и т. д.) будет одним: «политический рынок». Под ним понимают политический институт, механизм объединения политического спроса и предложения, которые сводят (подобно рынку классическому, экономическому) вместе покупателей политического товара (население, избирателей) и его продавцов (политиков, политические партии).

На то обстоятельство, что в политической сфере, на политическом поле (по образному выражению известного французского социолога и политолога П. Бурдье) действуют практически те же механизмы, тенденции, акторы, а главное — закономерности, что и на обычном рынке, обращают внимание практически все известные социологи и политологи.

Интересно, кстати говоря, то обстоятельство, что именно в сфере политики, в отличие от иных социальных сторон жизнедеятельности общества, где предпринимаются попытки использования маркетингового подхода (государственный маркетинг, территориальный маркетинг, образовательный маркетинг и др.), принципы маркетингового взаимодействия реализуются наиболее корректно и органично [1, с. 34—43].

Связано это, с нашей точки зрения, во-первых, с действительным наличием на политическом поле всех важнейших признаков рынка, а именно: субъектов, стремящихся к реализации своих целей в условиях дефицита товаров и услуг; конкурентов; элементов продвижения и т. п. Во-вторых, с реально имеющей место, развивающейся практической конкурентной деятельностью, ведущейся политиками и политическими партиями. К примеру, в условиях реализации государственного маркетинга (а он, несомненно, имеет место и используется в деятельности органов госуправления) четкость отношений маркетингового обмена, базирующегося на диалектике спроса и предложения, не столь очевидна.

Когда речь идет о политическом рынке, целесообразно, как это делает, в частности, С. Н. Пшизова, выделять два типа подобных рынков: электоральные и внеэлекторальные [2, с. 71—85]. Они действительно во многом отличаются как по своим целям и специфике, так и по действующим на них политических акторах.

В случае с электоральным рынком в плане историческом можно выделить два основных этапа регулирования поведения избирателей и деятельности политиков. На первом, когда речь еще не шла о массовом электорате, использовались в основном методы убеждения и пропаганды. Те же политические партии вели сложные, трудоемкие, низкотехнологические кампании, направленные на привлечение малоактивного электората.

В последние десятилетия ситуация коренным образом изменилась. Главным образом постольку, поскольку стали «не срабатывать» принципы убеждения электората, опирающиеся на его классовые или иные фундаментальные ценности. Появился массовый потребитель политического продукта. А появление потребителя знаменовало возникновение политического рынка, «объединяющего» политиков и избирателей в плане их взаимодействия.

Главным отличием деятельности на политическом рынке становится отказ политиков от прямой пропаганды. На смену ей приходят исследование политического рынка и затем — разработка и использование различных политических и электоральных технологий, направленных на привлечение «политического потребителя». Причем политическое взаимодействие здесь осуществляется следующим путем: изучение политических интересов и пожеланий электората в процессе маркетинговых исследований и их удовлетворение при разработке и реализации политических программ и технологий.

Существенно отличается от электорального политического рынка рынок внеэлекторальный. Собственно можно говорить о множестве отличий, также как и о наличии ряда подобных политических внеэлекторальных рынков. Однако с учетом задач настоящей статьи мы укажем лишь специфику взаимодействия в его рамках различных субъектов политической деятельности.

Обращаясь опять же к мнению С. Н. Пшизовой, вполне согласимся с ней в том, что сущность такого политического рынка уже не взаимодействие между политиками и избирателями, а взаимодействие между управляющими и управляемыми, механизмы функционального представительства, в рамках которых наряду с государством и политическими партиями действуют разнообразные группы давления, стремящиеся влиять на процессы принятия политических решений не только в ходе выборов, но и непосредственно между избирательными кампаниями, т. е. практически постоянно.

Если говорить об участии в политическом процессе не только политиков, но и рядовых граждан, то можно указать, что большинство из них, безусловно, ограничиваются участием в избирательных кампаниях. Однако в условиях сформировавшегося и функционирующего гражданского общества существуют и иные методы воздействия рядовых граждан на политиков и их деятельность. С одной стороны, в качестве подобного механизма выступает непосредственно механизм представительной демократии (естественно, он может принимать разный вид и иметь разную эффективность, вплоть до отзыва депутатов, не реализующих «наказы» избирателей). С другой стороны, в качестве подобного механизма выступает лоббизм, в рамках которого функционально представительство интересов населения осуществляется с помощью различных групп интересов и групп давления.

Об этой специфике политического рынка (т. е. его внеэлекторальной составляющей), к сожалению, говорится нечасто. Нет практически и реальных исследований (в отличие от ситуации на электоральном рынке), позволяющих понять его специфику и эффективность в плане возможностей «давления» на государство и политические элиты. Между тем здесь возникает масса всевозможных актуальных проблем.

Возьмем такую из них, как коррупция. Действительно, функциональное, внеэлекторальное воздействие на политиков и органы управления осуществляется не только рядовыми гражданам, но и бизнесом. Следовательно, появляется возможность и для того, что те группы, которые обладают большим финансовым или «политическим капиталом», могут получить больше шансов «быть услышанными» в органах власти (именно этим во многом объясняются широта проблемы коррупции в Украине, где нет реального и эффективного законодательства по борьбе с ней). Сказанное, естественно, не означает того, что все происходящее на внеэлекторальном политическом рынке нуждается в осуждении или мерах по ограничению свобод акторов подобного рынка. Просто борьба между интересами различных групп и лоббизм становятся в условиях демократии одним из важнейших аспектов политического взаимодействия.

Если обобщить специфику процессов политического взаимодействия, осуществляющегося как на электоральном, так и внеэлекторальном политических рынках, то можно сделать вывод о том, что концептуализация современной политической жизни, как ее рассматривает известный французский социолог и политолог П. Бурдье, должна отражаться в логике спроса и предложения. Центральное понятие его социологии политики — «политическое поле». Это не что иное, как «место, где в конкурентной борьбе между агентами, которые оказываются в нее втянутыми, рождается политическая продукция: проблемы, программы, анализы, комментарии, концепции, события, из которых и должны выбирать обычные граждане, низведенные до положения «потребителей» и тем более рискующие попасть впросак, чем более удалены они от места производства» [3, с. 182]. Иными словами, речь идет о маркетизации политических процессов и взаимодействий или применении в ходе их регулирования политического маркетинга.

Интересна роль политического маркетинга (как, впрочем, и социального в целом) как методологической основы развития политических процессов. Известно, что в отличие от используемых в экономических науках концепций рынка, частной собственности, конкуренции и т. п., в общественных науках сложилась ситуация, в которой ощущался и ощущается дефицит концепции, позволяющей объяснить специфику социальных процессов, прогнозировать их развитие. Одним из конструктивных выходов из такой ситуации может стать использование маркетинговых подходов к технологизации социальной в целом и политической — в частности деятельности.

Имеется в виду в данном случае не «придумывание» каких-либо концепций с целью описания реально складывающихся ситуаций. Скорее, проблема в реальной маркетизации политической сферы, которая происходит в настоящее время и требует теоретического обоснования.

Речь, таким образом, идет о реальной «маркетинговой революции» в политике, основными факторами, предопределившими ее ход, как справедливо утверждает уже упоминавшаяся С. Н. Пшизова, выступают: масштабное вторжение средств массовой коммуникации в процессы политического взаимодействия, переход от трудоемких политических коммуникаций к капиталоемким, распространение практик стратегического управления потоками информации, конфликт между политиками и журналистами по поводу формирования общественной повестки дня и вытеснение в процессе политических коммуникаций логики партийных программ логикой медийных презентаций [2, с. 88].

В целом же сегодня можно уже говорить о том, что в условиях реальной демократии происходит превращение политики как сферы жизнедеятельности общества в рыночно ориентированную, формировании политического рынка в широком смысле слова как реального механизма политического взаимодействия между управляющими и управляемыми.

Отсюда основной вывод представленной статьи. Процессы социального взаимодействия в условиях демократического общества проходят на политическом поле, в условиях функционирования политического рынка и регулирование их необходимо (естественно, с учетом различных подходов к организации политических процессов) в первую очередь на основе принципов, методологии, методов политического маркетинга.

Литература

1. *Акимов Д. И.* Социальный маркетинг / Д. И. Акимов. — К.: Наукова думка, 2008. — 144 с.
2. *Пшизова С. Н.* Становление политических рынков как теоретическая проблема / С. Н. Пшизова // Политическая теория, язык и идеология / Под ред. Н. А. Романович. — М.: РОССПЭН, 2008. — С. 71—90.
3. *Бурдье П.* Социология политики / П. Бурдье; [Пер. с фр. под ред. Н. А. Шматко] — М.: Socio-Logos, 1993. — 336 с.

Д. І. Акімов,
канд. соціол. наук,
Генеральна дирекція Міжнародної академії рейтингових технологій та соціології
«Золота Фортуна», МАРТІС «Золота Фортуна»,
вул. Аістова, 3, м. Київ, 01010, Україна

ПОЛІТИЧНА ВЗАЄМОДІЯ ТА ПОЛІТИЧНИЙ РИНОК

Резюме

Стаття присвячена аналізу важливої та маловивченої проблеми організації політичної взаємодії між політичними акторами в умовах демократичної політичної системи. Робляться висновки щодо значущості у вирішенні даної проблеми політичного ринку, що сформувався в сучасних умовах. Розглядаються можливі підходи до «маркетизації» політичної взаємодії, політичних процесів у суспільстві.

Ключові слова: політична взаємодія, політичний ринок, політичний маркетинг.

D. I. Akimov
General Board, International Academy of Rating Tecnologis and Sociolgy
«Zolota Amfora» («Golden Amphora»), MARTIS «Zolota Amfora»,
3, Aistov St., Kiev, Ukraine.

POLITICAL INTERACTION AND POLITICAL MARKET

Summary

The article deals with the important yet understudied problem of organization of political actors' interactions in the framework of democratic political system. Conclusions are made of the importance of the political market's development for the solution of this problem. Analyzed are possible approaches to the «marketizetion» of political interaction and political processes in the society.

Key words: political interaction, political market, political marketing.

УДК 658.8:316.334.2

О. А. Агарков,
канд. соціол. наук, доц., зав. кафедри соціальної роботи
Запорізького національного технічного університету,
к. 489, IV корпус, вул. Жуковського, 64, м. Запоріжжя, 69063, Україна
тел. +38 (061) 769 85 70

НАПРЯМКИ РЕАЛІЗАЦІЇ СОЦІАЛЬНО-ДЕРЖАВНОГО МАРКЕТИНГУ

У статті виділяються та обговорюються деякі основні напрямки реалізації соціально-державного маркетингу, а саме: соціальна політика, соціальна робота, соціальний захист, соціальна реклама,соціальна інфраструктура,соціальне страхування,соціальні програми, соціальне обслуговування.

Ключові слова: соціально-державний маркетинг, напрямки реалізації соціально-державного маркетингу.

З переходом до нових моделей соціального управління в усьому світі значно зросла значущість застосування маркетингових інструментів у діяльності суб'єктів соціально-державного маркетингу різного рівня. Україна також перебуває на шляху пошуку нової моделі соціального управління, яка б забезпечила перетворення основної функції суб'єктів соціально-державного маркетингу на надання соціальних послуг населенню, що безумовно потребує застосування маркетингових підходів.

Проблемна ситуація дослідження полягає у наявності нагальної потреби у соціальних послугах з боку населення і відсутністю відповідних механізмів щодо їх надання та напрямках реалізації цих механізмів.

Як один з ключових механізмів надання соціальних послуг має виступати соціально-державний маркетинг.

Проблеми впровадження маркетингових підходів у різні сфери соціальної реальності досліджували І. Березин, М. Брун, В. Гордін, Ф. Котлєр, В. Лобанов, А. Панкрухін, А. Решетніков, Р. Тедлоу та ін. Проте ще не до кінця вирішеним залишається питання щодо напрямків реалізації соціально-державного маркетингу, що й обумовило мету даного дослідження.

Під соціально-державним маркетингом ми розуміємо технологію управлінської діяльності, яка спрямована на задоволення потреб та узгодження інтересів держави та різних соціальних груп за допомогою обміну. Незважаючи на ту обставину, що сама концепція «соціально-державного маркетингу», як і соціального маркетингу взагалі, почала розроблятися в останні роки, сам предмет соціально-державного маркетингу має значну історію [1].

Річ у тім, що ряд аспектів (проблем, напрямків) соціально-державного маркетингу вже достатньо давно і з різним ступенем ефективності використовуються в теорії і практиці управління сучасним суспільством. Причому, що цікаво, і «минулого» соціалістичного і ринково-демократичного. Мова іде про соціальну політику, соціальне обслуговування, соціальне страхування і т. ін. Проте, будучи реально якраз елементами соціально-державного маркетингу (тобто напрямками діяльності органів управлін-

 © О. А. Агарков, 2010

ня, в тому числі державних), вони, якщо можна так висловитись, розглядались окремо, не були «включені» як в загальну теоретичну концепцію соціально-державного маркетингу, так і в комплексну практичну діяльність з реалізації соціальних послуг. Це нерідко «стримувало» їх ефективність. Достатньо в цьому плані вказати хоча б на нечіткість уявлень про різницю між «соціальною політикою», з одного боку, і «соціальним обслуговуванням» — з іншого, нечіткість меж соціальної роботи і т. п.

В цілому подібний підхід до «об'єднання» в єдину концепцію і практику всіх основних напрямків «соціальної» діяльності органів управління і був покладений в основу адміністративного реформування в межах західних демократій наприкінці XX — початку XXI століття, коли було усвідомлено, що високо централізоване управління не може дати відповіді на «виклики» часу в першу чергу в таких «соціальних галузях», як освіта, охорона здоров'я і т. д.

Саме тому в теперішній час як ключова проблема майбутнього удосконалення соціальної складової державної політики виступають, з одного боку, виділення і чітке наукове обґрунтування ключових напрямків соціально-державного маркетингу. З іншого — їх інтеграція в загальну його концепцію. В межах цієї статті ми виділяємо та обговорюємо деякі основні (список не є вичерпним) напрямки реалізації соціально-державного маркетингу, а саме: ***соціальну політику, соціальну роботу, соціальний захист, соціальну рекламу, соціальну інфраструктуру, соціальне страхування, соціальні програми, соціальне обслуговування.***

Однак, перш ніж розглядати напрямки реалізації соціально-державного маркетингу, необхідно дослідити декілька аспектів використання соціально-державного маркетингу в соціальному управлінні взагалі. У загальному вигляді соціально-державний маркетинг в соціальному управлінні — це, перш за все, підхід, який робить основний акцент на задоволенні споживачів і виробників соціальних послуг. Конкретніше — це маркетингова діяльність суб'єктів соціально-державного маркетингу і/або їх представників, які виступають виробниками, споживачами або посередниками в процесах виробництва і споживання соціальних послуг.

Соціальна політика. Основним напрямком реалізації соціально-державного маркетингу виступає соціальна політика. За допомогою соціальної політики вирішується головне завдання — гармонізація суспільних відносин, здійснюється управління соціальним розвитком суспільства.

В цьому зв'язку найважливішим завданням соціальної політики є досягнення певного рівня рівноваги в суспільному житті через: а) надання соціальних послуг; б) узгодження організаційних зусиль, спрямованих на забезпечення і підвищення досягнутого даною країною рівня життя через податки, розвиток добродійності, підприємництва.

Тобто соціальна політика має охоплювати соціальні послуги, що зачіпають всі сфери життя членів суспільства. Власне соціальна політика має реалізовуватись у наданні послуг у різних сферах соціального буття. Можна погодитись з думкою В. М. Капіцина, який стверджує, що до основних напрямів реалізації соціальної політики відносять: 1) охорону здоров'я і обов'язкове медичне страхування; 2) підтримку сім'ї, материнства, дитинства і батьківства; 3) житлову політику, комунальне, побутове обслуговування населення; 4) підтримку літніх і інвалідів; 5) соціальне обслуговування населення; 6) охорону навколишнього природного середовища; 7) облаштування мігрантів, особливо біженців і вимушених переселенців [2, с. 234].

Соціальна робота. Соціально-державний маркетинг має реалізовуватись через різні форми соціальної роботи. Реалізація соціально-державного маркетингу в контексті соціальної роботи включає в себе:

— організаторську діяльність — це розподільна діяльність суб'єктів соціально-державного маркетингу, мета якої — раціональний розподіл праці при наданні соціальних послуг, оптимальне використання засобів, способів стимулювання для якісного і своєчасного задоволення соціальних потреб;

— науково-пізнавальну діяльність, яка характеризує перш за все рівень наукової обґрунтованості соціально-державного маркетингу, формулює цілі і загальний зміст розвитку соціальної сфери, її інфраструктури.

Соціально-державний маркетинг і соціальна робота тісно взаємозв'язані між собою. Вони характеризуються двома взаємообумовленими сторонами: науково-пізнавальною і практично-організаційною. Соціальна робота — це одна з форм реалізації соціально-державного маркетингу, а соціально-державний маркетинг — стрижень, орієнтир соціальної роботи.

Соціально-державний маркетинг як пріоритетний напрямок розвитку має передбачати гармонізацію відносин між різними надавачами та споживачами послуг, інакше кажучи, слід говорити в цьому аспекті про соціальне партнерство.

При такому підході діяльність суб'єктів соціально-державного маркетингу спрямовується передусім не тільки на визначення та задоволення основних потреб населення, але й на пошуки альтернативних джерел їх фінансування. Для цього суб'єктам соціально-державного маркетингу необхідно організувати конструктивний діалог стосовно співпраці з усіма секторами, що забезпечують соціально-економічну життєдіяльність суспільства, в тому числі з організаціями, які займають визначне місце на ринку суспільних послуг.

Соціальний захист. Під соціальним захистом пропонується розуміти комплекс заходів, спрямованих на усунення соціальної нерівності, забезпечення всіх членів суспільства певним мінімумом соціальних благ. Метою соціального захисту є попередження, зниження і компенсація збитку, що завдається дією соціальних ризиків. Соціальний захист (з інституційних позицій) є комплексом економічних і правових механізмів, а також гарантій, що забезпечують кожному члену суспільства дотримання його найважливіших прав і задоволення базових потреб. Соціальний захист є практичною діяльністю по реалізації основних напрямів соціальної політики. Головна мета України на сьогодні має бути пов'язана з впровадженням соціально-державного маркетингу як оптимального механізму надання якісних соціальних послуг, які б змогли задовольнити всі потреби населення.

Соціальна реклама. Соціально-державний маркетинг може також реалізовуватись через соціальну рекламу. Соціальна реклама характеризується як реклама, спрямована на розповсюдження корисних, з погляду суспільства, соціальних норм, цінностей, моделей поведінки, соціальних послуг, пропаганду співпраці і взаємодії людей. Вона є видом рекламної комунікації, мета якої — передача суспільству соціальної значущої інформації, спрямованої на формування і зміну громадської думки, соціальних норм, моделей поведінки. Функціями даного виду реклами є формування громадської думки, привертання уваги до актуальних проблем суспільного життя, стимулювання дій по їх рішенню і т. д. При цьому надзадача даної комунікації — залучення членів суспільства до вирішення соціальних проблем.

Якщо її розглядати в структурі маркетингу, то вона виступає як одна з трьох (P. R., реклама, BTL) маркетингових комунікацій, мета яких (у контексті соціально-державного маркетингу) донести до населення інформацію про функціонуючі на соціальному ринку соціальні продукти і соціальні послуги, можливості доступу до них.

Метою соціальної реклами є привертання уваги широкої громадськості до того або іншого, як правило, проблемного явища суспільного життя. Предмет просування соціальної реклами — ідеї і цінності. Ефективність соціальної реклами слід оцінювати за такими показниками, як впізнаваємість суспільством того або іншого соціального феномена, зміна суспільної позиції по відношенню до нього, формування стійкої суспільною думки і т. д. При цьому слід враховувати одну важливу річ: соціальна реклама часто не приносить швидких результатів у вигляді прибутку, матеріальних і моральних дивідендів. Її ефективність може виявиться і через декілька років, і через ціле покоління.

Соціальна інфраструктура. Реалізація соціально-державного маркетингу як одного із важливих напрямків реалізації передбачає розвиток соціальної інфраструктури.

Соціальна інфраструктура є полем взаємодії матеріально-речовинного середовища і соціальних суб'єктів і забезпечує умови для раціональної організації їх життя і діяльності. При цьому різноманітні потреби індивідів, сімей і суспільства в цілому задовольняються широким і різноманітним комплексом товарів і послуг.

Для соціально-державного маркетингу в цьому зв'язку як мета виступає забезпечення розвитку системи соціальних послуг. Одним з важливих завдань соціальної інфраструктури є забезпечення об'єктів соціально-державного маркетингу можливостями задоволення потреб у різних соціальних благах і послугах. У цьому сенсі в інфраструктурі криється своєрідна виховна функція: задоволення потреб закономірно веде до піднесення потреб, але при цьому важлива не кількість зростаючих прагнень населення, а напрям розвиток у бік вдосконалення, якісного зростання потреб.

Як основні умови ефективності соціальної інфраструктури можна виділити таке:

1) необхідна наявність об'єктів соціально-державного маркетингу, що надають населенню необхідні блага і послуги;

2) важлива сформованість у потенційних споживачів відповідних потреб і певної нормативно-ціннісної системи;

3) населенню повинна бути надана об'єктивна інформація про існуючі об'єкти соціальної інфраструктури;

4) блага і послуги повинні бути доступні;

5) рівень обслуговування повинен задовольняти споживачів.

Тільки за наявності перерахованих умов соціальна інфраструктура може ефективно виконувати свої функції, які зрештою ведуть до досягнення основної мети — відтворення людини.

Соціальне страхування. Важливим напрямком реалізації соціально-державного маркетингу є соціальне страхування. В даному дослідженні під соціальним страхуванням ми розуміємо відносини, засновані на принципах соціальної солідарності, по захисту інтересів фізичних осіб при реалізації певних соціальних ризиків.

Соціальне страхування виконує декілька ролей.

1. Економічна роль. Соціальне страхування дозволяє оперативно компенсувати погіршення матеріального становища громадян у зв'язку з реалізацією соціальних стра-

хових ризиків. Крім того, соціальне страхування є матеріальною основою відновлення працездатності.

2. Соціальна роль. Соціальне страхування дозволяє мінімізувати погіршення соціального становища громадян.

3. Інвестиційна роль. Функція заощадження і накопичення свідчить, що засоби спеціалізованих фондів і страховиків відіграють визначну роль у підвищенні інвестиційної активності в країні. Сфера його дії — це ті соціальні ризики, які можуть призвести до повної або часткової втрати заробітку (трудового доходу), тобто соціальне страхування працює тільки у сфері трудових доходів. Відповідно соціальне страхування розповсюджується переважно на працююче (що працювало) населення і членів їх сімей.

В будь-якому випадку соціальне страхування — це обов'язкове страхування, всі правила і умови здійснення якого (від внесків до виплат) закріплені в державному законодавстві. Соціальне страхування може організовуватися не тільки через державні організації (як соціальне забезпечення), але і може бути комерційним видом діяльності, навіть коли здійснюється страховими компаніями або іншими недержавними організаціями (як особисте страхування).

Відповідно вищевказаним характеристикам соціального страхування здійснюється і право громадян на виплати. Соціальне страхування управляє соціальними ризиками суспільного відтворення за рахунок розподілу засобів на компенсацію індивідуального збитку між всіма членами суспільства. Соціальне страхування виступає універсальним регулятором соціальної політики і трудових відносин, дозволяє мінімізувати і компенсувати наслідки соціальних ризиків для найнятих робітників.

Роль соціального страхування з позиції його інституційного призначення полягає у формуванні економічних, організаційних і правових механізмів по соціальному захисту матеріального становища працівників від соціальних ризиків, встановленні стійких взаємозв'язків між економічною і соціальною формами життєдіяльності людей, а також створенні організаційно-управлінських механізмів, структур і систем гарантій, що мають на меті надання громадянам матеріального забезпечення у вигляді допомоги, пенсій, послуг з лікування і реабілітації.

Соціальні програми. Наступним напрямком реалізації соціально-державного маркетингу є розробка, реалізація і контроль соціальних програм, спрямованих на підвищення рівня сприйняття певними прошарками громадськості певних соціальних ідей або практичних дій. Напрямом реалізації соціально-державного маркетингу стає проведення соціальних кампаній і реалізація соціальних програм, оскільки, що абсолютно вочевидь, реалізувати «впровадження» у масову свідомість подібного роду ідей в процесі окремих акцій практично неможливо. Перейдемо тепер безпосередньо до висвітлення технологій «просування» ідей в процесі соціально-державного маркетингу. Як правило, цей процес організовується у формі різного роду соціальних проектів. І. Даченков відзначає, що в методологічному плані основними завданнями (етапами, моментами) реалізації таких проектів виступають: вивчення і аналіз громадської думки; розробка стратегії просування соціальної програми, проекту, акції; привертання громадської уваги до проблеми, програми з боку державних і комерційних структур; комплексна інформаційна підтримка; взаємодія з тими, хто формує громадську думку; розробка ефективних каналів комунікації з цільовими групами [3, с. 37].

Слід погодитися з Д. Акімовим, який, оцінюючи наведений вище підхід, стверджує, що він зовсім не є вичерпним і, більш того, не охоплює всі необхідні елементи

організації соціального проекту. Він вказує на дві відомі технології, які сьогодні використовуються в маркетингу, у тому числі — в соціальному, для просування різних соціальних продуктів. Саме ці технології — маркетингова і піарівська — і використовуються для просування різного роду ідей. Д. Акімов стверджує, що в принципі між цими двома підходами, які використовуються сьогодні при реалізації соціальних програм, багато спільного. Головна відмінність, відмічає він, полягає в такому. Якщо у випадку з використанням маркетингового підходу ключова увага приділяється постановці завдань і виділенню цільових груп, то в ситуації з піарівським підходом основне — розробка креативної і іміджевої стратегій. В цьому зв'язку слід наголосити на використанні маркетингових і піарівських технологій в контексті просування соціальних програм [4, с. 91—97].

Соціальне обслуговування. Соціально-державний маркетинг має реалізовуватись через соціальне обслуговування. Існують різні підходи до розуміння суті соціального обслуговування, обумовлені, з одного боку, рівнем розвитку конкретної галузі наукового знання, а з іншого — характером розвитку соціальної практики.

В цей час соціальне обслуговування розглядається як результат ускладнення життєдіяльності людини і суспільства, як наслідок еволюції виробництва соціальної сфери, зростання сфери послуг і частки зайнятого в ній працездатного населення.

Підвищення якості соціального обслуговування населення передбачає необхідність на основі національних стандартів розробку регіональних стандартів соціального обслуговування населення. Це обумовлено тим, що пакет національних стандартів соціального обслуговування населення не може містити в собі всі необхідні вимоги, що враховують специфіку регіонів.

Серед основних критеріїв якості соціального обслуговування можна виділити безпеку процесу надання послуги, доступність і відкритість інформації про соціальні послуги, що надаються. Стандартизація соціального обслуговування є основою забезпечення якості соціальних послуг.

Отже, з вищесказаного можна зробити такі висновки. Як основні напрямки реалізації соціально-державного маркетингу виступають:

— соціальна політика, яка має бути спрямована на гармонізацію суспільних відносин за рахунок здійснення управління соціальним розвитком суспільства;

— соціальна робота, яка має бути орієнтована на раціональний розподіл праці при наданні соціальних послуг, оптимальне використання засобів, способів стимулювання для якісного і своєчасного задоволення соціальних потреб, наукове обґрунтування соціально-державного маркетингу, формулювання цілей і загального змісту розвитку соціальної сфери, її інфраструктури;

— соціальний захист, який має передбачати попередження, зниження і компенсацію збитку, що завдається дією соціальних ризиків;

— соціальна реклама, яка має бути спрямована на залучення членів суспільства для вирішення соціальних проблем;

— соціальна інфраструктура. Як основне її завдання має виступати забезпечення розвитку системи соціальних послуг;

— соціальне страхування має бути спрямоване на управління соціальними ризиками суспільного відтворення за рахунок розподілу засобів на компенсацію індивідуального збитку між всіма членами суспільства;

— соціальні програми мають передбачати просування в суспільстві ідей, цінностей, програм, усунення негативних стереотипів;

— соціальне обслуговування — має передбачати безпеку процесу надання послуги, доступність і відвертість інформації про соціальні послуги, що надаються.

Як перспективні напрямки наукових пошуків можна визначити таке: суб'єкти та об'єкти соціально-державного напрямку, процес організації соціально-державного маркетингу.

Література

1. *Агарков О. А.* Концепція соціально-державного маркетингу // Грані. — 2009. — № 2 (64). — С. 70—74.
2. *Холостова Е. И.* Социальная работа: Учебное пособие. — М.: Издательско-торговая корпорация «Дашков и К», 2004. — 692 с.
3. *Даченков И.* Нам стоит взглянуть на оборотную сторону медали // Советник. — 2001. — № 10. — С. 37—38.
4. *Акимов Д. И.* Социальный маркетинг. — Киев: Наук. думка, 2008. — 144 с.

О. А. Агарков,
Запорожский национальный технический университет, к. 489, IV корпус,
ул. Жуковского, 64, г. Запорожье, 69063, Украина

НАПРАВЛЕНИЯ РЕАЛИЗАЦИИ СОЦИАЛЬНО-ГОСУДАРСТВЕННОГО МАРКЕТИНГА

Резюме
В статье выделяются и обсуждаются некоторые основные направления реализации социально-государственного маркетинга, а именно: социальная политика, социальная работа, социальная защита, социальная реклама, социальная инфраструктура, социальное страхование, социальные программы, социальное обслуживание.

Ключевые слова: социально-государственный маркетинг, направления реализации социально-государственного маркетинга.

O. A. Agarkov,
Zaporozhia national technical university f. 489, IV corps,
street Zhukovski 64, Zaporozhia, 69063, Ukraine

DIRECTIONS IN SOCIALLY-STATE MARKETING IMPLEMENTATION

Summary
The article discusses and emphasizes some main directions of realization of the socially-state marketing, namely: social policy, social work, social protection, social advertising, social infrastructure, social insurance, social programs, and social service.

Key words: socially-state marketing, directions in socially-state marketing implementation.

УДК 316.772.5

С. В. Романенко,
канд. социол. наук, доц. кафедры социологии Института социальных наук
Одесского национального университета имени И. И. Мечникова,
Французский б-р, 24/26, ауд. 40, Одесса, 65058, Украина
тел. (0482) 68-60-92
e-mail: romanenco@te.net.ua

НЕ ПОВТОРЯЙТЕ В РЕАЛЬНОЙ ЖИЗНИ, ИЛИ ДОБРО ПОЖАЛОВАТЬ В ВИРТУАЛЬНОЕ ПРОСТРАНСТВО!

В статье реклама рассматривается как один из инструментов виртуализации общества. Изучаются способы виртуализации рекламы, их характерные черты, возможные последствия и воздействие на поведение индивидов.

Ключевые слова: виртуальное пространство, виртуализация общества, виртуализация рекламы.

Сегодня специалисты в области социальных наук все чаще сталкиваются с процессами и явлениями, которым трудно найти объяснение в рамках отдельной дисциплины, а тем более прогнозировать дальнейшее развитие событий. Весьма выразительный пример тому разразившийся глобальный экономический кризис, который в Украине вроде как есть, но, когда он начался, оказывается, его еще не было. Прогноз о весеннем оздоровлении мировой финансовой системы не оправдался. Трудно, практически невозможно, оказывается, предсказать даже цены на недвижимость в отдельно взятом городе. Объяснения и прогнозы экономистов напоминают гадание на ромашке и сводятся к перечислению возможных исходов ситуации, причем, как правило, не всех. То есть даже почти точная наука — экономика оказалась не в силах разобраться в сегодняшнем положении, дать прогноз на ближайшее будущее и подсказать пути выхода из сложившейся ситуации.

Некоторые специалисты, объясняя особенности нынешнего периода, ссылаются на процесс «виртуализации» общества и видят в нем корень многих проблем и способ их решения. При этом виртуализацией называется «процесс замещения с помощью компьютеров реального пространства — как места воспроизводства общества — пространством виртуальным» [1, с. 15]. Рассматривая общество как систему социальных институтов, можно обнаружить черты и признаки виртуализации буквально в каждом из них.

Говоря о виртуализации экономики, подчеркивается, что ключевым моментом здесь становится реклама, которая обеспечивает не столько продажу реального товара, сколько продажу образа товара. «Реклама создает образ товара, а также рынка услуг. Собственно экономический процесс, производство стоимости, перемещается в рекламное агентство и студию. Производится не вещь, а образ ее привлекательности, стильности, уникальности, респектабельности» [2].

Актуальность исследования в данном направлении заключается в том, что сегодняшняя реклама успешно справляется не только с продажей образов, но и активно воздействует на поведение и действия людей и даже на их представление о реальном

© С. В. Романенко, 2010

мире. Можно говорить о том, что реклама становится одним из проводников в виртуальное пространство. Призыв авторов рекламных роликов: «Не пытайтесь повторить в реальной жизни!» в полной мере иллюстрирует близость этих пространств, актуальность и незаметность взаимного перехода между ними.

Под виртуальным пространством здесь понимается вполне материальное пространство, образованное присоединением к киберпространству (пространству циркулирования потока оцифрованных данных) традиционного виртуального пространства (мечты, фантазии, научных представлений, творчества, душевной болезни и т. д.). Этот конгломерат возник не случайно. В таком расширенном виде виртуальное пространство становится местом ухода или перехода в другую жизнь, в которой можно все устроить по-своему и решить проблемы, неразрешимые в реальном пространстве.

Виртуальное пространство оказалось вездесущим и способным существенно влиять даже на тех, кто не соприкасается с ним непосредственно, не имеет доступа к компьютеру. Сегодня сложилось несколько каналов приобщения к виртуальному пространству. Одним из них являются средства массовой информации, производящие и ретранслирующие такой продукт, как реклама. Нынешний период развития рекламы характерен виртуализацией средств создания и методов ее распространения. **Цель** данной статьи заключается в изучении направлений виртуализации рекламы и рассмотрении ее как способ приобщения к виртуальному пространству и как источник виртуализации сознания.

Виртуализация рекламы происходит в нескольких направлениях: 1) широкое использование рекламы в виртуальном пространстве (компьютеризация рекламы); 2) применение виртуальных средств в самом рекламном продукте. И то и другое направления вызвали к жизни совершенно непредвиденные вначале следствия.

Если говорить о компьютеризации рекламы, то буквально каждая коммерческая фирма или компания имеет свой сайт в Интернете, который является инструментом привлечения клиентов, инвесторов к своим товарам и услугам. Каждый сайт сервиса www является активным распространителем рекламы, что в свою очередь поддерживает его существование. Разнообразные сетевые сообщества и социальные сети Интернета также широко используются для **продвижения рекламы** товара на рынке.

При этом следует выделить весьма заметное и интересное отличие между рекламой совсем недавнего прошлого и настоящего. Прежний подход можно сформулировать так: приобретая тот или иной **товар**, вы удовлетворяете собственные потребности, поддерживаете производителя, участвуете в каких-либо благотворительных акциях и т. д. Сегодня подход изменился коренным образом, что еще раз указывает на глубинные последствия процесса виртуализации. Пользуясь услугами нашего веб-сервиса, телеканала и т. п., вы смотрите нашу рекламу и тем самым поддерживаете акции, которые организовывает владелец сервиса или канала трансляции. Например, смотря телеканал «National Geographic» (и его рекламу) вы тем самым поддерживаете компанию-владельца, которая выделяет средства, например, на научный проект по наблюдению за миграцией тигровых акул. Предпочитая телеканал «Интер» или «СТБ», мы поддерживаем ту или иную политическую и экономическую силу, вкладывающую средства в этот канал и т. д. При всем том, что цель рекламы — продать товар, реклама сама по себе становится источником зарабатывания денег и тем самым все больше **удаляется от рекламируемого продукта**. Таков неокончательный итог компьютеризации рекламы.

Анализ рекламных роликов позволяет заметить тенденцию широкого привлечения виртуальных сюжетов, совершенно невозможных в реальном физическом пространстве. Однако такой товар не остается незамеченным. Например, яркая и остроумная реклама с привлечением кошки, стоящей на задних лапах с букетом цветов и сеткой апельсинов, отнюдь не нового и не особенно эффективного противоаллергического препарата «Кларитин», или леопард, убеждающий нас, что до «Швепс» нужно дорасти, — производит впечатление и запоминается зрителям. Реклама внедорожников фирмы «Нисан», претерпевающих всевозможные трансформации при переходе из одной среды в другую; шоколадного батончика «Сникерс», превращающего людей в трансформеров; дезодоранта «АХЕ», делающего обычных молодых людей суперменами, — все это примеры успешного использования возможностей виртуального пространства в самом широком его понимании.

Можно выделить еще несколько направлений использования виртуальных средств, которые не только повлияли на лицо сегодняшней рекламы, но и способны вызвать далеко идущие последствия, оказать существенное влияние на поведение индивидов в ситуациях далеких от потребления рекламируемых продуктов. Это использование результатов научных исследований и пропаганда нестандартных форм поведения.

Например, ужас и побег молодого человека, услышавшего запах пота от девушки; спор на дискотеке между девушкой и молодым человеком по поводу того: новое ли платье на другой (!!!) девушке или выстиранное в «Перволь»; странный танец на подиуме, исполняемый девушкой, понюхавшей свой собственный шарф, выполосканный в «Силан»; выбор друга маленькой девочкой в зависимости от ополаскивателя, которым пользуется его мама и т. д. Все эти поведенческие акты носят оттенок демонстрации и кажутся неестественными, — увидев такое в реальной жизни, мы бы, по меньшей мере, удивились. Однако объем и частота повтора подобных сюжетов, призыв к стерильности собственного тела и одежды, благоухающей исключительно искусственными ароматами, вполне может вызвать нездоровый интерес молодого поколения к моющим и дезодорирующим средствам, повлиять на выбор друзей, способствовать переносу из реального пространства с ароматами общественного транспорта в идеальный мир чистоты без естественных запахов — виртуальное пространство. Возможен ли потом безболезненный возврат в реальный мир? — пока остается вопросом.

Еще более существенное воздействие на сознание подрастающего поколения оказывает реклама с использованием, а точнее имитацией, результатов научных наблюдений. Преподавание в вузе позволяет сделать вывод о практической безграмотности нашего молодого поколения в области естественных наук. Знания по математике, физике, химии, биологии на сегодняшний день невостребованы и непрестижны. Можно говорить о том, что, по сути, выращено целое поколение, слабо ознакомленное с фундаментальными законами, на которых базируется наша высокотехнологичная цивилизация. Это опасно с точки зрения выживания и развития этой цивилизации, но зато такая аудитория — благодатное «дикое поле» для производителей рекламы.

Например, реклама все тех же моющих средств демонстрирует нам, как тот или иной порошок справляется с пятнами. Компьютерная модель рисует нам картину атаки: действующее вещество, например, какой-нибудь энзим с буквой набрасывается на пятно и выталкивает частицы грязи из ткани. По этой же схеме действуют и очищающие лосьоны для кожи: прямо залезают в поры, удаляют оттуда грязь, моментально снимают воспаление и исчезают прыщи. Средства по уходу за кожей демонстрируют

нам, как очередной энзим легко проникает внутрь и выравнивает кожу, выталкивая морщины изнутри, либо вырабатывает нити и создает сетку, которая поддерживает контур лица. Все это обязательно подтверждается результатами исследований, которые в процентах показывают нам насколько «счастливее» те, кто применяет это средство. Реклама шампуней теперь не просто использует красивые волосы моделей, а показывает нам их в невероятном увеличении и описывает, как шампунь и бальзам нитью оплетают каждый волос, делая его сильнее и крепче. Все это сопровождается восторженными рассказами об очередном прорыве в области технологий красоты.

Неправда здесь страшна не столько разочарованиями в неэффективности того или иного средства или навязыванием нездорового стремления к вечной красоте и молодости, а в том, что подобные картинки создают неверное представление об устройстве и процессах, происходящих в организме. Еще более опасны в этом смысле подобные рекламы лекарственных препаратов, которые не только убеждают наивных потребителей в том, что тот или иной препарат «действует на очаг боли» или восстанавливает печень «клетка за клеткой», но и подталкивает к самолечению.

Рекламы кондиционеров, воздухоочистителей, ионизаторов, ароматизаторов воздуха пытаются с помощью все тех же компьютерных моделей и диаграмм убедить нас в том, что мы в результате дышим чистым горным воздухом, а не просто воздухом, который прогнали через систему охлаждения и фильтр и который «обогатился» там еще и половиной таблицы Менделеева, массой бактерий, грибков и вирусов, живущих на фильтрах, вызывающих аллергию и множество заболеваний. В результате просмотра такой рекламы так и хочется воскликнуть: «Добро пожаловать в виртуальное пространство!», в котором реальные модели физического мира заменены на упрощенные и подкорректированные рекламные ролики, подменяющие так необходимые для выживания индивида реальные знания на виртуальные представления.

Если обратить наш взор на рекламу, например, банков, то здесь все выглядит еще более впечатляюще. Начиная с того, что сама банковская деятельность во многом виртуальна, подобная реклама сделала возможным и обеспечила быстрое и беспрепятственное прохождение экономического кризиса через все страны и континенты. Достаточно вспомнить рекламу нескольких предкризисных лет, когда банки появлялись и росли как грибы, когда кредиты без залога предлагали прямо в магазинах, салонах, даже в университете, — достаточно было иметь при себе удостоверение личности. Кредитные карточки вручались чуть ли не насильно вместе с «зарплатной» картой.

Современные банки, даже при реальном обеспечении нормы резерва, — симулянты платежеспособности. Они не имеют в наличии денег — вещественных заместителей товаров, а большая часть их активов — разнообразные права заимствования. Единомоментное востребование даже 15 % всех вкладов в банках и выплат по страховкам физически невозможно, хотя юридически правомочно [2]. Эффективная деятельность такой системы основывается на доверии и спокойствии.

Уязвимость виртуальной экономической системы продемонстрировал нынешний кризис, который напомнил всем, что нужно жить, полагаясь на собственные материальные ресурсы. Ежедневные новости переполнены рассказами о том, в какие неприятные, а иногда и страшные ситуации попали люди, взявшие крупные кредиты под развитие бизнеса или на покупку недвижимости. Статистика констатирует факт повышения уровня самоубийств. По результатам опроса, проведенного компанией InMind,

одним из проявлений изменившейся экономической ситуации стало резкое снижение доверия к банковской сфере. Так, среди киевлян в возрасте 20—60 лет частичное или полное доверие к банкам выражают только 8 % опрошенных, в то время как 28 % скорее не доверяют и 41 % полностью не доверяет банкам, работающим в Украине. В той или иной мере с трудностями в выплате кредитов столкнулись 14 % опрошенных, 9 % отметили проблему потери сбережений [3].

Возникает законный вопрос: как большое количество взрослых грамотных людей могли пойти на такой рискованный шаг, ведь даже простые расчеты указывали на спекулятивный характер подобных сделок. Во многом здесь виновата все та же виртуализация, которая с помощью широкой рекламной деятельности постепенно подменила в общественном сознании реальные знания об экономических объектах на виртуальные картинки. Можно говорить о виртуализации сознания, при которой традиционная логика и ее формальное воплощение математическая логика подменяются логикой виртуального пространства с невероятным количеством вариантов, проанализировать все из которых под силу только компьютеру, при этом реклама становится одним из источников такой виртуализации. Современные технологии человеку непосвященному кажутся настолько сложными и непостижимыми, а виртуальное пространство настолько всемогущим, что порождается мнение о том, что в нем возможно все. Этот процесс Л. Г. Ионин назвал новым заколдовыванием мира [4, с. 10]. Если в материальной экономике некоторые процессы невозможны, то в виртуальной вполне реальны и осуществимы. Допущение, что в виртуальном пространстве я понимаю не все, но при этом оно не становится менее действенным, порождает доверие к нему и провоцирует индивидов на нерациональные действия.

Западной виртуальной экономике можно поставить в противовес обеспеченную хотя бы частично материальными средствами экономику некоторых восточных стран. Именно этим можно обусловить усиление позиций на мировой арене таких стран, как Китай, Индия, Россия и др. Действия же наших властей по преодолению кризиса носят совершенно разрозненный характер и направлены на «стабилизацию банковской системы» достаточно интересным способом: реальные деньги, полученные от МВФ, вливаются в виртуальную банковскую схему, где и исчезают. Поскольку, как уже отмечалось, успешная банковская деятельность основана на доверии вкладчиков и кредиторов, а доверия как раз и нет. По данным мониторинга общественного мнения, проведенного Украинским институтом социальных исследований им. А. Яременко и Центром «Социальный мониторинг», в декабре 2008 года Национальному банку Украины в той или иной степени «доверяли» всего 9 % опрошенных украинцев, а «не доверяли» 84 %. Для сравнения, в марте 2005 года эти цифры составляли соответственно 46 % и 31 % [5, с. 143].

А тем временем на украинском телевидении продолжается активная реклама, например, «Альфа» банка, кстати, с привлечением специалистов, в том числе и социолога (возможно виртуального), некой Е. Шевченко, которая всех убеждает в целесообразности обращения за кредитами именно в этот банк. Так что ко всем «грехам» социологии и социологов теперь добавится еще один.

Эрнест Резерфорд в свое время разделил все науки на физику и собирание марок. Социология как «социальная физика» должна держаться подальше от марок и предлагать эмпирические данные, помогающие выживанию общества в реальном пространстве и времени. Поэтому единственный прагматичный совет по прогнозированию си-

туации в период кризиса экономического и политического: не доверять рекламе, а стараться самостоятельно анализировать данные социологических и других специальных исследований, не забывая при этом убедиться в надежности (реальности) источника подобной информации.

Литература

1. *Иванов Д. В.* Виртуализация общества. — СПб.: Петербургское востоковедение, 2000. — 96 с.
2. *Ковалев Д. А.* Постиндустриальное общество и виртуализация экономики в развитых странах и России. — http://creativeconomy.ru/library/prd448.php
3. http://www.inmind.com.ua
4. *Ионин Л. Г.* Подступы к новой магической эпохе // Постмодерн: новая магическая эпоха: Сб. статей / Под ред. Л. Г. Ионина. — Харьков, 2002. — 247 с.
5. *Балакірєва О. М.* Громадська думка на межі 2008—2009 р.р.: оцінка року та погляд у майбутнє // Український соціум. — 2009. — № 1. — С. 135—153.

С. В. Романенко
Одеський національний університет імені І. І. Мечникова,
Інститут соціальних наук, каф. соціології
Французький б-р, 24/26, ауд. 40, Одеса, 65058, Україна

НЕ ВІДТВОРЮЙТЕ В РЕАЛЬНОМУ ЖИТТІ, АБО ЛАСКАВО ПРОСИМО ДО ВІРТУАЛЬНОГО ПРОСТОРУ!

Резюме
У статті рекламу розглянуто як один з інструментів віртуалізації суспільства. Вивчаються способи віртуалізації реклами, їх характерні риси, можливі наслідки і дія на поведінку індивідів.

Ключові слова: віртуальний простір, віртуалізація суспільства, віртуалізація реклами.

S. V. Romanenko
Odessa National University
Institute of Social Sciences, Department of Sociology
Frantsuzsky Bulvar, 24/26, r. 40, Odessa, 65058, Ukraine

DON'T REPEAT IN THE REAL LIFE, OR WELCOME TO THE VIRTUAL SPACE!

Summary
In this article an advertisement is examined as one of the instruments of virtualization of the society. The methods of virtualization of an advertisement, their special traits, possible consequences and affecting conduct of individuals are studied.

Key words: virtual space, virtualization of society, virtualization of advertisement.

УДК 316.28:331.104:008

О. М. Виходець,
канд. техн. наук, доц. кафедри економіки та інформатики
Одеського інституту підприємництва та права,
буд. 13а, вул. Варненська, г. Одеса-65, 65065,
тел. 719-95-07, Elpidifor@ya.ru

СОЦІАЛЬНІ КОМУНІКАЦІЇ В КУЛЬТУРІ МОЛОДІ

Культура юнаків та дівчат має деяки термінові негативи, що здійснює значний вплив на організаційну культуру школи, університету чи підприємства, котра в багатьох випадках залежить від ментальності друзів та співробітників.

Ключові слова: дані, дівчата, кваліфікація, комунікації, культура, модель, система, співробітники, соціальні, управління, юнаки.

Вступ

Персона, її ментальність та інтелект формуються з самого початку життя, але найбільш помітні результати в старших класах школи та на перших курсах університетів чи академій. Соціально-економічні умови ставять ряд завдань, вирішити котри можно за рахунок нових наукових підходів. Такими підходами є 6-позиційні моделі комунікацій.

Мета полягає в тому, щоб показати, які чинники найбільш впливають на культуру молодих людей.

Постановка проблеми

Наука про культуру продовжує набувати більшої вагомості, що пов'язано з ускладненням взаємовідносин та інформаційним валом. Збільшується теорія культури та кількість різноманітних матеріалів, підлегаючих культурологічній обробці.

Організації культурології від звичайних організацій відрізняються суттєво. В таких організаціях створюється ідеологія, ментальність, інтелект всього суспільства. В таких установах також зберігаються документи, наприклад історічного плану, строк архіва не є обмеженим. Наслідки від недостатньої культури можуть бути не тільки матеріальні, а і моральні, політичні, соціальні та ін.

Все це веде до особливих вимог до організації роботи в цій сфері, які, в значній мірі, залажать від культури співробітників та культури менеджмента в організації.

Результати дослідження

Соціальні комунікації — це відносно новий напрямок в українській науці, але напрямок дуже важливий тому, що націлює науковців глибже глянути на процеси і явища соціального життя у взаємозв'ку та взаємовідносини.

Якщо оперувати енциклопедичними поняттями, то соціалізація — це цілеспрямований вплив на особу з метою її формування; а комунікація — зв'язок окремих факторів, а також спілкування та інформаційний трасфер.

Комунікативний процес у культурі забезпечує функцінювання всіх соціальних підсистем, що надає культурі подальший трасфер. Це соціальний механізм за допомогою

© О. М. Виходець, 2010

якого культура в суспільстві поширюється за рахунок того, що з'являються умови для регулювання культурної повдінки інших.

Вивчення соціальних комунікацій в культурі організації дозволить вирішити такі взаємопов'язні завдання:

— створити в кожній організації соціальну групу високої культури;

— в цієї групі створити діференціацію по культурі;

— зробити умови для більш ефективного втілення нової культурної парадігми.

В умовах ринку українська культура передбачає створення умов для ефективного функціонування і розвитку підприємства, організації, установи шляхом співробітництва менеджерів і підлеглих в одній команді. Поряд з цим набувають особливої гостроти соціальні комунікації, особливо в складній економічній ситуації, яка сьогодні існує в Україні.

Особливу увагу необхідно приділяти юнакам та дівчатам, бо від їх вихованості залежить подальший розвиток культури, тобто треба для молодят формувати соціальні комунікації. Також треба мати на увазі, що юнаки та дівчата становлять більшість у нашому суспільстві. Від їх культурологічних якостей залежить майбутнє країни.

По-перше, побудуємо модель соціальних комунікацій закритого типу. Вона наведена на рис.:

Рис. Шестипозиційна модель соціальних комунікацій в системі «культура молоді»

Для подальшого розвитку уявлень в цьому напрямку були опитані юнаки та дівчини віком 15—16 років — учні 10-го класу середньої школи. Отримані дані наведені в таблицях 1—2:

Таблиця 1

Соціальні комунікації в системі «культура юнаків»

Персона	Школа	Спорт	Суспільне життя	Допомога дорослим	Любовь	Заробітки
А	5	6	2	1	6	3
Б	8	1	2	3	4	1
В	6	8	1	4	3	6
Г	4	2	2	5	4	3
Д	8	3	5	3	5	2
Середн.	5,8	4,0	2,4	3,2	4,4	3,0

Таким чином, загальний ряд пріоритетів виглядає так:
— заняття в школі — 5,8 бала
— любов — 4,4
— спорт — 4,0
— допомога дорослим (також інвалідам) — 3,2
— заробітки — 3,0
— суспільне життя — 2,4.
Взагалі цей ряд становить 22,8 бала.
Поділим виставлені оцінки на суму 22,8 та отримаємо вектор коефіцієнта пріоритету:

$$0{,}25;\ 0,\ 19;\ 0{,}17;\ 0{,}14;\ 0{,}13;\ 0{,}1 \qquad (1)$$

Якщо просумуємо вектор коефіцієнта пріоритету — отримаємо число 0,98.
Близкість такого числа до 1,0 свідчить про те, що розрахунок зроблено правильно.
На підставі розрахунків отримаємо таку послідовність коефіцієнтів пріоритету для всіх 6 факторів, тобто коли «і» змінюється в інтервалі від 1 до 6:

$$\mathbf{a}:\ 0;\ 0{,}21;\ 0{,}24;\ 0{,}28;\ 0{,}73;\ 1{,}1 \qquad (2)$$

На підставі зробленого аналізу можна стверджувати, що на культуру юнаків найбільше впливає навчання в школі та романтичні відносини.
Аналогічний аналіз наведемо для дівчат.

Таблиця 2

Соціальні комунікації в системі «культура дівчат»

Персона	Школа	Спорт	Суспільне життя	Допомога дорослим	Любовь	Заробітки
А	8	2	2	1	6	2
Б	9	1	3	1	5	3
В	8	1	1	1	9	1
Г	6	1	1	1	8	2
Д	7	2	2	1	7	2
Средн.	7,6	1,4	1,8	1,0	7,0	2,0

Як і слід було очікувати, дивчата більш серьйозно ставляться до навчання, більш романтичні, але менш цікавляться спортом, заробітками.
Загальний ряд пріоритетів виглядає так:
— заняття в школі — 7,6 бала
— любов — 7,0
— заробітки — 2,0
— спорт — 1,4
— допомога дорослим (також інвалідам) — 1,0
— суспільне життя — 1,8
Взагалі, цей ряд становить 20,8 бала.
Поділим виставлені оцінки на суму 20,8 та отримаємо вектор коефіцієнта пріоритету:

$$0{,}36;\ 0,\ 33;\ 0{,}09;\ 0{,}08;\ 0{,}06;\ 0{,}04 \qquad (3)$$

Якщо просумуємо вектор коефіцієнта пріоритету — отримаємо число 1,03.

Близкість такого числа до 1,0 свідчить про те, що розрахунок зроблено правильно.

Знов на підставі розрахунків отримаємо таку послідовність коефіцієнтів пріоритету для всіх 6 факторів, тобто коли «і» змінюється в інтервалі від 1 до 6:

$$\mathbf{a}:\ 0;\ 0{,}33;\ 0{,}12;\ 0{,}16;\ 0{,}4;\ 0{,}44 \qquad (4)$$

Те, що в ряду є 2 максимуми, можна пояснити значною розбіжністю показників.

Тепер можна стверджувати, що на культуру дівчат також найбільше впливає навчання в школі та романтичні відносини, але спортом та можливістю заробити вони цікавляться менше.

Питання культури української молоді, як важливої складової суспільства, набувають особливої гостроти в умовах необхідного підвищення моралі, патриотизму, суспільної поведінки, покращення якості життя.

Останнім часом стало зрозумілим, що життєві проблеми тісно пов'язані з культурою, але теоретичні підходи були відсутні.

З появою засад теорії соціальних комунікацій культури вдалось систематизувати культурологічні, економічні, соціальні, психологічні і організаційні фактори й націлити на реалізацію резервів серед молоді.

Висновки

У вихованні моралі, патриотизму та підвищення суспільної поведінки молоді найважливішим є школа, як шлях до свеї реалізації в майбутньому, та романтичні стосунки.

Література

1. *Большаков А. С., Михайлов В. И.* Современный менеджмент: теория и практика. — СПб.: Юпитер, 2000. — 410 с.
2. *Виходець О. М.* Засади культури організації. — Одеса: Олтех, 2008. — 140 с.
3. *Выходец А. М.* О шестипозиционной модели коммуникаций // Маркет-Ревю. — 2005. — Декабрь. — С. 27—29.

А. М. Выходец
кафедра экономики и информатики Одесского института предпринимательства и права,
д. 13 а, ул. Варненская, 65065, г. Одесса-65, Украина

СОЦИАЛЬНЫЕ КОММУНИКАЦИИ В КУЛЬТУРЕ МОЛОДЕЖИ

Резюме

Статья посвящена культуре юношей и девушек, для которой характерны временные негативные явления, которые обеспечивают серьезное воздействие на организационную культуру школы, университета или предприятия, которая в большинстве случаев зависит от ментальности друзей и сотрудников.

Ключевые слова: данные, девушки, квалификация, коммуникации, культура, модель, система, сотрудники, социальные, управление, юноши.

O. M. Vykhodets
Ekonomy and Information Department of business and juridical Instsitute
in Odessa, 13 a, Varna str., 65065, Odessa-65, Ukraine

YOUNG PEOPLE CULTURE SOCIAL COMMUNICATION

Summary
Youth and young girl culture influence on living ideology and mentality depend of conditions at schools and universities. In time teen-agers have negativ and positiv factors, but they must to use onle good.

Key words*:* qualification, communication, culture, mentality model,, system, collaborator, social, youth, young girl.

УДК 316.33:321

Г. М. Падалка,
аспірантка Донецького державного університету управління
кафедри соціології управління, к. 205,
вул. Артема, 94, м. Донецьк, 83050, Україна,
тел.: (062) 3125665, e-mail: anchutka86@mail.ru

ХАРАКТЕР ЕЛЕКТОРАЛЬНИХ ПРОЯВІВ НАРОДОВЛАДДЯ В УКРАЇНІ

Стаття присвячена актуальним питанням, що стосуються визначення електоральних тенденцій у процесі розвитку українського демократичного суспільства. На основі соціологічних даних робиться аналіз електоральних потенцій та характеру участі населення у виборах, а також мотивів, на яких вони базуються.

Ключові слова: електоральні прояви, народовладдя, демократизація, мотивація, електоральний потенціал.

Існування в українському суспільстві залишкових проявів радянських часів, коли мала вплив партійно-ідеологічна складова, вказує на збереження стереотипів, що залишились з тих часів. Перехід на модель електорального вибору, що ґрунтується на раціональному виборі, має стати метою для українського суспільства. Залучаючи раціональний вибір на виборах, населення України буде сприяти демократизації та розвитку демократичних цінностей.

В науковій літературі загалом виокремлюються чотири основні підходи до дослідження природи мотивацій електоральних чинників населення:

соціологічний або статусний підхід — електоральні орієнтації формуються, головним чином, під впливом соціально-демографічних характеристик. Люди, які належать до спільних соціальних груп, голосують однаково, демонструючи тим самим свою солідарність з представниками цієї групи;

соціально-психологічний підхід — електоральна поведінка ґрунтується на партійно-ідеологічній ідентифікації населення, зокрема самоідентифікації виборців з певними ідеологіями або партіями. Формування ідеологічного чинника обумовлюється процесами ранньої соціалізації. Він формується під впливом близького оточення, родини, цінностей і інтересів.

Підхід «раціонального вибору» — електоральний вибір формується під впливом усвідомлених потреб та інтересів, реалізацію яких виборці пов'язують з певними політичними силами. За цим підходом виборцям не обов'язково знати економічні складові політичних програм партій. Лише достатньо оцінити позитивно чи негативно змінився їх особистий матеріальний стан за період знаходження при владі відповідних політичних сил.

Політико-комунікативний підхід — вибір громадян формується під впливом інформаційно-пропагандистської передвиборної кампанії політичних сил та окремих політиків [1].

На практиці можливе використання усіх підходів. Діагностика суспільства крізь призму цих підходів визначає домінуючі мотиваційні стереотипи при електоральному

 © Г. М. Падалка, 2010

виборі. Для демократичного розвитку у суспільстві має домінувати раціональний електоральний вибір. Таким чином, важливо дослідити стан електоральних мотивів та настроїв населення для виявлення домінуючих факторів впливу.

Одним з проявів народовладдя є участь у виборах та пов'язана з цим активна соціальна позиція. У даному випадку важливо вивчати підходи, що визначають стан ціннісних орієнтацій населення, які мають вплив на визначення позицій та поведінки населення напередодні виборів. Визначення домінуючих мотивів та чинників, що впливають на поведінку населення, надасть можливість розставляти соціальні акценти та аналізувати стан й перспективи електорального поля.

Проблеми соціальної діяльності розглядаються вченими у різних вимірах. Питання громадянської участі знайшли віддзеркалення у соціології суспільних рухів, теоретичним базисом та предметом дослідження якої є концепції колективної дії, соціальних мереж, мобілізації ресурсів, соціальної депривації (М. Діані, А. Джемісон, Дж. Коен, Дж. МакКарті, Н. Смелзер, А. Турений).

Проблема залучення громадян до широкої участі в політичному житті все більше привертає увагу українських учених. Останнім часом активно досліджуються процеси політичної соціалізації, соціальна напруженість, ідеологічне самовизначення громадян, взаємодія громадян із владою, вплив ідеологічних стереотипів на політичну активність, демократичні цінності, формування політичної культури (В. О. Васютинський, Є. І. Головаха, О. Г. Злобіна, Н. В. Жабінець, І. В. Жадан, В. П. Казміренко, Л. О. Кияшко, П. Д. Фролов та ін.). Заслуговують на увагу дослідження В. І. Бортніковим теоретичних, соціально-психологічних та практично-політичних аспектів політичної участі громадян у процесі демократичної трансформації України.

Метою статті є визначення чинників, що впливають на характер електоральних проявів народовладдя в України на основі даних про мотиви участі у виборах та передвиборні настрої населення.

Характер та форми соціальної діяльності індивідів визначаються можливостями, які надає для неї соціум. Крім біологічно обумовлених внутрішніх мотивів, на напрями та форми соціальної діяльності впливають суб'єктивні уявлення індивідів про їх потреби, що характеризуються різним ступенем розуміння власних інтересів. Ці уявлення залежать від наявності у індивідів адекватної інформації про навколишній соціальний світ та від того, наскільки сильно впливає на нього маніпуляція з боку інших індивідів та суспільства [2].

У разі узгодженості соціальних норм, вимог з особистісними цінностями, ідеалами, настановами, уподобаннями формуються просоціальні мотиви поведінки: соціальний, альтруїстичний, громадянської відповідальності. Показником ставлення до суспільно-політичного життя є мотив політичного інтересу, що забезпечує людині адаптацію в політичному просторі, відображає зв'язки особистості з політичним світом.

Однією з форм адаптації у політичному світі, на нашу думку, можна вважати готовність населення брати участь у виборах. Як свідчать результати дослідження Аналітичної служби М. Гаврилова (рис. 1), про свою готовність брати участь у виборах по Донецькій області твердо заявили 44 % опитаних, 46 % на момент опитування не планували йти на вибори та 10 % не змогли однозначно відповісти «та» чи «ні».

Рисунок показує, що охочих ще раз гіпотетично проголосувати було якнайбільше серед студентів — 51 % та непрацюючих — 44 %. Явно переживають дискомфортні

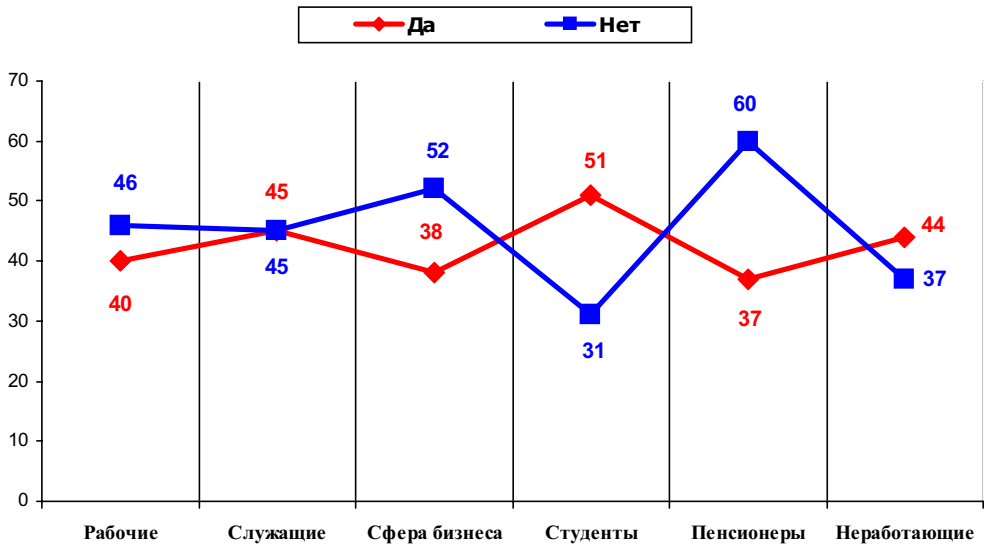

Рис. 1. Готовність населення брати участь у виборах залежно від соціального статусу

відчуття від необхідності брати участь у такій процедурі пенсіонери — 60 % та працівники сфери бізнесу — 52 %.

Якщо розглянути причини, котрими мотивуються люди, що прийдуть на повторні вибори, то вони керуються бажанням проголосувати за своїх (23 %) та ними рухає моральний обов'язок громадянина держави (19 %). Не хочуть йти на вибори респонденти тому, що не бачать в цьому значення (29 %). Вони упевнені, що у будь-якому випадку все вирішать і без їх участі (20 %), вже набридло ходити на вибори (17 %), не хочуть витрачати на це свій час (13 %). Одні з них не бачать гідних політиків, щоб за них можна було проголосувати (5 %), інші — проти розпуску цього складу парламенту (5 %), треті — в такій формі виражають свою аполітичність (2 %). Не стали пояснювати, чому вони не підуть на вибори, 10 % [3].

Отже, широкій спектр мотивацій все одно вказує на небайдужість у цілому до соціального стану країни, але одночасно люди не достатньо повно усвідомлюють свої інтереси, які можливо реалізувати через делегування владних повноважень на виборах.

За даними компанії Research & Branding Group (рис. 2), у жовтні поточного року, напередодні офіційного старту президентської виборчої кампанії, спостерігається достатньо високий рівень готовності громадян країни брати участь у виборах Президента України — 60 % точно проголосували б у разі їх проведення найближчим часом, а 23 % проголосували б «швидше за все».

Порівняно з серпнем 2009 р. на 6 % зросла електоральна активність жителів західних областей (точно голосуватимуть 62 % респондентів) та на 7 % знизилася активність жителів Центру України (точно голосуватимуть 49 % респондентів). На Південному Сході України точно візьмуть участь у голосуванні 65 % опитаних [4].

Майже 60 % українців мають намір проголосувати на виборах так, як вважають за потрібне, незважаючи на можливі вказівки представників місцевої влади або керівників підприємства.

Рис. 2. Динаміка електоральної активності населення

Як повідомив заступник директора соціологічної служби Центра Михайло Міщенко, лише 1,6 % респондентів відповіли, що у випадку, якщо представники місцевої влади або підприємства, на якому вони працюють, будуть примушувати їх голосувати проти їхнього вибору, то вони підкоряться та проголосують так, як їм вкажуть.

При цьому 16 % лише зроблять вигляд, що підкорилися, однак проголосують, як вважають за потрібне; 58,1 % — проголосують, як вважають за потрібне за будь-яких умов; 17,3 % — не візьмуть участі у виборах; 6,3 % опитаних вагалися з відповіддю.

М. Міщенко також відзначив, що чим нижче освітній рівень респондентів, тим частіше вони схильні піддаватися адміністративному тискові.

Так, серед учасників опитування з початковою освітою готові проголосувати відповідно до вказівки керівництва 10 %, тоді як серед осіб із середньо-спеціальною або вищою освітою — лише 0,8 % [5].

В умовах становлення в Україні демократичних інститутів та традицій якісні характеристики виборчого процесу (зокрема, особливості політичної структуризації суспільства) набувають визначального значення для формування легітимної, ефективної та відповідальної державної влади. Ці характеристики є тісно взаємопов'язаними із особливостями розвитку партійної системи у країні, включно із такими супутніми процесами, як формування партійних та ідеологічних ідентифікацій, мотивації електорального вибору [6].

Зокрема, для частини українського суспільства характерна біетнічна національна самоідентифікація. Так:

— найбільшу частину суспільства становлять 62 % моноетнічних українців, тобто тих, хто вважає себе належним виключно до українського етносу;

— 23 % населення України є біетнічними росіяно-українцями;

— 10 % — моноетнічні росіяни;

— 5 % населення належать до інших етнічних груп, які мешкають в Україні [7].

Можна говорити, що особливістю електорального вибору громадян в Україні є досить обмежений вплив соціально-демографічного фактора (зокрема, в порівнянні з регіональним). Ще більше ця мотивація вибору послаблюється такими особливостями

політичної системи України, як нестабільність партійної системи (постійні розколи та трансформації), що не дає можливості виборцям закріпитися за певною політичною силою надовго. А також відсутність чіткої соціальної структури в суспільстві та, відповідно, відсутність політичних партій, які б виражали інтереси окремих верств населення.

Рівень впливу такого чинника електорального вибору, як оцінка населенням ефективності діяльності політичних сил, значно ускладнений, оскільки в Україні відносно недовго існує демократична партійна система та вибори на пропорційній основі, тому немає достатнього досвіду створення парламентських коаліцій і формування ними виконавчої влади. Не пройшло й декілька повних виборчих циклів після внесення відповідних змін до Основного Закону, за результатами яких населення могло б оцінити ефективність політичних сил під час їх знаходження у владі.

Таким чином, серед основних чинників електорального вибору населення найбільш впливовим поки що залишається соціально-психологічний, який ґрунтується на ідеологічних та партійних ідентифікаціях, головним чином, пов'язаних з особливостями політичної соціалізації людини (традиції, культура, родина тощо). В українському суспільстві цей фактор має певні особливості. В основі політичного вибору лежить підтримка тих політичних сил та лідерів, які, на думку громадян, розділяють з ними однакові ціннісні орієнтації, зокрема, щодо мовного питання (одної чи двох державних мов), напрямів зовнішньої політики України.

Визначивши чинники, що впливають на характер електоральних проявів народовладдя в України на основі даних про готовність населення брати участь у виборах та передвиборні настрої людей, можна зробити такий висновок: по-перше, населення України беручи участь у виборах, відштовхуються від партійно-ідеологічних чинників. Зокрема, така позиція ґрунтується на емоційному сприйнятті дійсності.

По-друге, враховуючи, заявлений курс держави на розбудову демократичного суспільства, домінувати має підхід раціонального вибору громадян при вираженні електоральної позиції. Саме у такий спосіб можливе врахування потреб населення як усвідомлених громадян, які будують демократичне суспільство та реалізовують суспільні інтереси.

По-третє, показуючи високий рівень готовності населення брати учать у виборах, незважаючи на адміністративний вплив та виражену різницю ціннісних орієнтацій у регіональному аспекті, українське суспільство розвиває тенденцію зростання соціальної небайдужості та має використати це як умову для демократизації держави.

Вибори виступають однією з активних форм прояву народовладдя. Задля ефективного використання виборів у демократичному суспільстві, котрим намагається стати Україна, важливо визначення стану електоральних настроїв та чинників, що впливають на їх формування. Отже, дослідження у площині мотивацій населення надає матеріал для реалізації електоральних потенцій та адаптації до демократичного розвитку суспільства.

Література

1. Громадська думка за місяць до парламентських виборів 2006 // Український центр соціальних досліджень ім. О. Яременка / [Електронний ресурс]. — Режим доступу: http: //www.uisr.org.ua/mid_6.php.
2. Рациональность мотивов социальной деятельности / [Електронний ресурс]. — Режим доступу: http://sociolog.org.ua/index.php?productID=5213.

3. Про свою готовність брати участь у виборах твердо заявили 44 % опитаних / [Електронний ресурс]. — Режим доступу: http://asng.org.ua.
4. Електоральна ситуація в Україні напередодні офіційного старту президентської передвиборної кампанії / [Електронний ресурс]. — Режим доступу: http://www.eurasianhome.org/xml/t/socials.xml?lang=ru&nic=socials&pid=101.
5. Українці не збираються слухати начальство, коли підуть на вибори президента // Українська правда / [Електронний ресурс]. — Режим доступу: http://www.pravda.com.ua/news/2004/6/21/10079.htm.
6. *Матеріали прес-конференції* // Вибори 2006 року в оцінках громадян. Фонд «Демократичні ініціативи». Фірма «Юкрейніан соціолоджі сервіс». — К.: ДІ/ЮСС. — С. 5.
7. *Хмелько В.* Через що політикам вдається розколювати Україну? // Дзеркало тижня. — 2006. — № 24.

А. Н. Падалка,
аспирантка кафедры социология управления
Донецкого государственного университета управления,
к. 205, ул. Артема, 94, г. Донецк, 83050, Украина

ХАРАКТЕР ЭЛЕКТОРАЛЬНЫХ ПРОЯВЛЕНИЙ НАРОДОВЛАСТИЯ В УКРАИНЕ

Резюме

Статья посвящается актуальным вопросам, которые касаются определения электоральных тенденций процесса развития украинского демократического общества. На основе социологических данных делается анализ электоральных проявлений, которые показывают потенции и характер участия населения в выборах, а также мотивы, на которых они основаны.

Ключевые слова: электоральные проявления, народовластие, демократизация, мотивация, электоральный потенциал.

G. Padalka
Donetsk State University of Management
Department of Sociology management
Artema st., 94, Donetsk, 83050 Ukraine

THE CHARACTER OF ELECTORAL MANIFESTATIONS OF FOLK AUTHORITY IN UKRAINE

Summary

The article is dedicated to actual problems that touch electoral tendencies definition of Ukrainian democratic society development process. Based on sociology facts the analyses of electoral manifestation is making that shows the potential and character people's vote participation and also the reasons it based.

Key words: electoral manifestation, folk authority, democratization, reasons, electoral potential.

УДК 316.334:754

И. А. Дышлевой,
магистр социологии, аспирант кафедры социологии Института социальных наук
Одесского национального университета имени И. И. Мечникова,
к. 40, Французский б-р, 24/26, г. Одесса-58, 65058, Украина,
тел. 68-60-92, dushlevoy@mail.ru

РОЛЬ ФЕНОМЕНА СВОБОДЫ В КОНСЕНСУСЕ И ИНТЕГРАЦИИ СОВРЕМЕННОГО ОБЩЕСТВА

В статье рассматривается феномен свободы с точки зрения его роли в социальном консенсусе и внутренней интеграции современного украинского общества. Выделяется значение свободы в социально-исторической эволюции человечества, приводятся теоретико-методологические подходы к рефлексии свободы как социального феномена на институциональном и самоорганизационном уровнях социальной реальности. Автор определяет интегративную роль феномена свободы через согласование коммуникацией социальных интересов акторов.

Ключевые слова: дискурс о свободе, права гражданина, коммуникация, возможности, «археологическое описание», социальный консенсус, интеграция.

Постановка и актуальность проблемы. С социальным феноменом свободы связано все развитие человеческой цивилизации. Различные мыслители с категорией «свобода» связали изучение глобальных и локальных социальных трансформаций. Социально-историческая ретроспектива позволяет проследить то, что за социальными изменениями, провоцируемыми требованиями «свободы», следуют вопросы управления новой социальной реальностью. Данные вопросы разрешались на основе различных «должных» представлений о свободе. Метафизические и этические (древний мир), теологические (средние века), этические и эстетические (Ренессанс), общие политические и правовые (Новое время) и международно-правовые (XX — начало XXI столетия) утопии, идеи и документы, связанные с пониманием и определением места и роли свободы в общественной жизни, выступают формами и механизмами солидаризации гетерогенных обществ и социальных систем на протяжении всей эволюции человеческой цивилизации. Современные правовые системы и неолиберальная политическая культура Западной Европы, США и Канады в основу государственного строительства и регулирования соотношения власти и социальных интересов личности полагают ценность свободы. Естественно-правовая концепция в праве и политике служит образцом для перехода относительно «несвободных» обществ в число относительно «свободных».

Дискурс о свободе в правовых, политических институтах, а также в масс-медиа независимой Украины в качестве «должного» позиционирует либерально-демократическое понимание свободы как социального феномена. Однако несформированность институтов гражданского общества, слабость механизмов исполнительной власти, непрерывные конфликты политических элит, «тандем» власти и финансово-промышленных групп затрудняют переход «должных» представлений о свободе, оформленных в демократической романо-германской правовой системе и евроинтеграционных

 © И. А. Дышлевой, 2010

политических приоритетах независимой Украины, на уровень групповых социальных практик, выступающих «сущим» в социальной реальности.

Под **свободой** мы подразумеваем **социальный феномен**, понимаем его как готовность и намерение государственной власти защищать и содействовать реализации прав гражданина; уровень значимости прав гражданина, социальных возможностей и социальных интересов в высказываниях дискурсов и в рамках различных социальных групп; осуществление социальных действий акторов по поводу реализации прав гражданина и ситуаций выбора социальных возможностей. В рамках нашего исследования свобода рассматривается в качестве **социологической категории,** связанной с рефлексией гармонизации общественного («должного», институционального, дискурсивного) и личного («сущего», самоорганизационного, гражданского) в ракурсе консенсуса различных форм зависимости от намерений реализации собственных законных социальных интересов группами. Свобода связывается с ответственностью и выделяется интегративная роль этого социального феномена в процессах формирования гражданского общества и правового государства в независимой Украине.

Проблемная ситуация исследования заключается в несоответствии готовности и намерений государственной исполнительной власти, менеджмента частного бизнеса современной Украины реализовывать и защищать права гражданина, демократические стандарты политической жизни мере значимости прав гражданина и данных стандартов для различных социальных групп и слоев. Имеется в виду уровень значимости законных социальных возможностей в видении социальными акторами свободы. Внешнеполитическим ориентиром независимой Украины является интеграция в Европейский Союз. Это предполагает наличие реализации и защиты прав граждан управленческими структурами, а также значимость прав граждан и других законных возможностей для социальных групп и слоев общества.

Актуальность проблемы данного исследования в трансформирующемся украинском обществе обусловлена необходимостью соответствия государственных реформ и внутренней политики внешнеполитическим устремлениям на интеграцию со «свободными» обществами. Актуальность указанной проблемы возрастает в силу того, что от разрешения сложившегося несоответствия институциональной и самоорганизационной форм проявления свободы зависит расширение социальных возможностей акторов в правовых практиках и приближение состояния гражданственности в современной Украине к принятым законодательством стандартам «свободного» общества.

Уровень разработанности проблемы в научной литературе. Феномен свободы с точки зрения его определяющей роли в гармонизации общественного и личного рассмотрен в концепциях следующих западных философов и социологов: Платона, Аристотеля, Плотина, Аврелия Августина, Альберта Великого, Фомы Аквинского, Т. Гоббса, Дж. Локка, А. Смита, Ж.-Ж. Руссо, И. Канта, Дж. С. Милля, А. Камю, Э. Дюркгейма, К. Маркса, М. Вебера, Т. Веблена, М. Хайдеггера, М. Хоркхаймера, Г. Маркузе, А. Шюца, Ж. Бодрийяра, Г. Гарфинкеля, А. Турена, М. Фуко, Э. Гидденса. Можно сделать вывод о наличии сформировавшейся философской традиции рефлексии свободы и продолжительного опыта рассмотрения этого феномена в качестве социального в рамках теоретической социологии.

Проблема свободы актуализируется во многих школах восточной философии. В рамках древнеиндийских Упанишад сформулирована важнейшая идея единства «брахмана» (мира в целом) и «атмана» (отдельного человека) [1, с. 17]. Это методоло-

гически значимо для дальнейшего рассмотрения в мировой мысли идеи свободы с позиции гармонизации общественного и личностного. В контексте древнекитайских идей Конфуция, изложенных в книге «Лунь Юй», признается приоритетность стабильности государства в обществе на основе понимания властью свободы через нравственные добродетели человечности, честности, приличия, мудрости и лояльности [1, с. 23].

«Должный» образ свободы с позиции согласованности решений различных субъектов политической власти с волей подданных обсуждался в России еще в ходе переписки московского царя Ивана Грозного и опального князя Андрея Курбского [2, с. 199]. Дальнейшее осмысление свободы как солидаризирующего социального феномена имеет место в подходах различных российских философов и социологов: И. Кириевского, Ф. Достоевского, А. Герцена, К. Леонтьева, В. Соловьева, П. Флоренского, Н. Бердяева, П. Струве, П. Лаврова, Л. Петражицкого, Н. Михайловского, Е. де Роберти, Г. Осипова, М. Шабановой, В. Добренькова.

Образование Запорожской Сечи в Украине было связано с общественно-политической потребностью украинского народа обладать свободой выбора и действий. Вопрос о свободе с позиции национально-освободительного движения, соборности Украины и целостности демократизирующегося общества поднимается в работах таких украинских философов и социологов: Г. Сковороды, П. Лодия, П. Юркевича, М. Максимовича, М. Костомарова, Г. Драгоманова, В. Липинского, И. Франко, В. Антоновича, П. Христюка, В. Старосольского, М. Грушевского, Б. Кистяковского, В. Танчера, Е. Головахи, В. Бурлачука, Л. Сохань.

Дискурс о свободе: общая характеристика. Дискурс — явление институционального уровня социальной реальности индустриальных и постиндустриальных обществ. Философский и социологический конструкт **дискурса** является методологически значимым для рассмотрения институционального уровня существования феномена свободы, для изучения «должного» в свободе. В нашем исследовании мы опираемся на определение дискурса, сформулированное в работе «Археология знания» Мишеля Фуко. «Я хотел показать, что дискурс — это тонкая контактирующая поверхность, сближающая язык и реальность, смешивающая лексику и опыт; я хотел показать на точных примерах, что, анализируя дискурсы, мы видим, как разжимаются жесткие сочленения слов и вещей и высвобождаются совокупности правил, обусловливающих дискурсивную практику» [3, с. 49]. Согласно данному подходу, дискурс выступает в обществе правилами и ресурсами отображения и конструирования видения социальных процессов и явлений социальными институтами, различные дискурсы имманентны разным социальным институтам. Под дискурсивной практикой понимаются «рефлексивные отношения», классифицирующие, анализирующие, описывающие и оценивающие различные объекты социальной реальности [3, с. 46]. Дискурсы, принадлежащие различным социальным институтам, являются дискурсивными формациями. В своей работе «Археология знания» М. Фуко выделяет основные дискурсивные формации: юриспруденцию, политику, грамматику языка, экономику и психопатологию [3, с. 33—34].

Методологически важным является тезис о высказываниях, посредством которых дискурс функционирует и осуществляет участие в производстве и воспроизводстве институциональных норм и требований. Под «высказыванием» М. Фуко понимает устную или письменную фразу, совокупность знаков, которые выделяют объекты социальной реальности, выражают рациональное или оценочное отношение субъектов де-

ятельности социальных институтов к этим объектам, определяют данные объекты через научные или ценностные концепты, а также формулируют стратегии воздействия этих определений объектов социальной реальности на конструирование правовых норм, политических приоритетов и требований других социальных институтов [3, с. 117—118].

Дискурс о свободе является диффузной формой институционального уровня социума. Данная диффузная форма отображает структурные связи социальных институтов, будучи составляющей дискурсов многих институтов общества [4, с. 166]. Дискурс о свободе наиболее инкорпорирован в дискурсивные формации права, политики и экономики. Свое воплощение дискурс о свободе находит в публичной политике государства и политических партий, а также в деятельности масс-медиа. Можно сказать, что функционирование данного дискурса осуществляется через **высказывания** в публичной политике и средствах массовой информации по поводу ситуаций выбора социальных возможностей (прав гражданина, политических преимуществ в изменении актором собственного социального статуса) и действий относительно законной реализации актором своих социальных интересов, связанных с доступом к власти, участием в принятии политических решений и воплощением социально-экономических ожиданий.

Роль дискурса о свободе в социальном консенсусе и интеграции. Дискурс о свободе обладает значимой ролью **в социальном консенсусе общества,** что особо важно для современного украинского общества с точки зрения вступления его на устойчивый путь развития и внутренней интеграции. Данная роль дискурса о свободе осуществляется через **коммуникацию** в социальных системах трансформирующегося украинского социума. Повышение личностью своего **самоконтроля** М. Фуко рассматривает в качестве основы реализации субъектами прав гражданина и их участия в политической деятельности: индивиду необходимо «избрать надлежащий метод руководства собой, позволяющий человеку занять достойное место в жизни, определить меру законности в притязаниях власти и целиком и полностью включиться в сложную и изменчивую игру управления и подчинения» [5, с. 106].

Н. А. Бердяев связывает самоконтроль с правовой и политической «зрелостью» не на личностном уровне, а в контексте обширных социальных слоев. «Народ достоин гражданской зрелости, когда он научается управлять собой» [6, с. 555]. Повышение личностного самоконтроля, правовой и политической образованности является необходимым условием востребованности в социальных практиках акторов институционализированных в независимой Украине неолиберальных норм и форм свободы. Способом преодоления проблемного несоответствия «сущего» состояния свободы ее «должным» образцам является коммуникация. Высказывания дискурса о свободе, осуществляясь в форме коммуникации, обеспечивают устойчивое развитие общества на основе его внутренней интеграции и консенсуса социальных интересов различных групп.

Согласно подходу Н. Лумана, коммуникация — «операция, в ходе которой производится и воспроизводится общество» [7, с. 72]. Информация, сообщение и понимание, будучи компонентами коммуникации, обеспечивают передачу институциональными структурами содержательных смыслов свободы как выбора возможностей и социальных действий по реализации прав гражданина. Единство актуальности и потенциальности, само-референции и ино-референции в содержательных смыслах свободы выступает в форме совокупности высказываний публичной политики и масс-медиа.

Экспертный уровень публичной политики и аналитические масс-медиа являются необходимыми условиями осуществления высказываний о свободе в форме коммуникации, которая позволяет социальному феномену свободы выступать в качестве единства факторов выбора и возможностей, распределения значимости и доступности социальных возможностей и прав граждан. Феномен свободы в эволюции общества выступает «памятью» коммуникативно обозначаемых образцов социальных возможностей и форм зависимости акторов от социальных интересов. «Если бы какая-то коммуникация попыталась уклониться от этой формы рефлексивной рекурсивности, она бы не имела коммуникативного успеха» [7, с. 151]. Согласно данному тезису системного подхода Н. Лумана, без сохранения ретроспективных актуальных и потенциальных представлений о свободе невозможна солидаризирующая функция свободы в настоящем. Высказывания о мере значимости и реализации прав гражданина, других социальных возможностей, осуществляющиеся в форме коммуникации (единства самореференции социальных институтов и ино-референции — их направленности на повседневные практики акторов) приводят к консенсусу правящие и управляемые социальные группы и слои, интегрируют общество. С консенсусом на основе равенства возможностей, с активностью самоорганизационного уровня, перестающего выступать в качестве продолжения институтов отдельного общества, Н. Луман связывает процессы глобализации, поскольку «индивидуализм Нового времени и, прежде всего, тематизация свободы в девятнадцатом столетии дали мощный импульс для формирования представлений о мировом обществе» [7, с. 168].

Указанная «тематизация» свободы в контексте индивидуализма не выражена в исторической ретроспективе украинского общества. Либеральные трансформации независимой Украины сделали возможной коммуникацию, в форме которой осуществляются высказывания о свободе в единстве социальных и психических, территориальных факторов актуальных и потенциальных мер значимости прав гражданина и выбора социальных действий по поводу реализации прав граждан, других социальных возможностей. Однако повышение самоконтроля, саморефлексии индивидуальных и групповых социальных акторов, адаптация высказываний дискурса государства и других социальных институтов о свободе к индивидуалистическим стандартам европейской правовой и политической культуры создают условия для осуществления интеграции и создания консенсуса в современном украинском обществе.

«Археологическое описание» эволюции феномена свободы. Свобода — один из центральных конструктов эволюции человеческой цивилизации, задававший вектор правовой, политической, философской и идеологической форм мысли. Подход М. Фуко предлагает анализировать эволюцию базовых категорий, аналогичных «свободе», не в рамках методологии «истории идей», а с помощью метода «археологического описания» [3, с. 137—138]. В данном подходе исключается интерпретация представлений о свободе, имевших место в истории, с точки зрения их соответствия «единствам» идей, мировоззрений, которые предполагаются исследователем. Данная интерпретация подразумевает «умножение» смысла в ситуации целенаправленного поиска исследователем скрытых и логически связных значений [3, с. 121]. Главным здесь выступает перевод базовой категории на уровень феноменов социальной жизни через рассмотрение категории как события, обладающего социально-исторической детерминацией, а также как «вещи», имеющей очерченную и ограниченную область своего социально-исторического использования [3, с. 129].

Исследовательский прием «археологического описания», предложенный М. Фуко, позволяет избежать ссылок на те смыслы социально-исторических представлений о свободе, которые определены современными исследователями и считаются принадлежащими данным представлениям **на самом деле.** Применение данного подхода возможно не только в рамках устойчивых демократических социальных систем, но и в реалиях современного украинского общества. Это вызвано тем, что многие социальные группы и слои стран постсоветского пространства ориентированы не на либеральные смыслы дискурсов о свободе, выработанные исторически в Западной Европе и США, а на «собственное представление о мироустройстве, нашедшее отражение во всем: в нашей религиозности, нашем государственном устройстве, в нашем отношении к семье» [8, с. 166]. Низкий уровень либеральной правовой и политической культуры, специфика украинской ментальности, патернализм в социально-экономических ожиданиях обширных слоев населения в условиях несформированного гражданского общества и правового государства обусловливают эвристичность «археологического описания» применительно к исследованию свободы с точки зрения ее реальной роли в социальном консенсусе и интеграции современной Украины.

Характеризуя проблемную ситуацию преобладания у индивидов и групп «практических», «сущих» представлений о свободе, в которых акцент направлен на обособление социальных интересов, а не на их консенсус,

Э. Гидденс отмечает: «Будучи социальными акторами, все человеческие существа хорошо «информированы» относительно знаний, которыми они располагают и которые применяют в процессе производства и воспроизводства повседневных социальных взаимодействий; основная масса этих знаний носит скорее практический, нежели теоретический характер» [9, с. 65].

«Археологическое описание» дискурса о свободе методологически значимо в качестве исследовательского приема, позволяющего выделить роль «должных», «теоретических», институциональных представлений (смыслов), высказываний и коммуникаций, касающихся феномена свободы, в интеграции трансформирующегося украинского социума. Отпадает потребность обращения к методологии «истории идей», предполагающей оценочное соотнесение ретроспективных и настоящих образов свободы к заранее выделенным исследователем юридическим, политическим, мировоззренческим системам.

Выводы. В независимой Украине первой декады XXI века оформились нарушения социальной коммуникации между властью, политикой, бизнесом, масс-медиа и обширными социальными слоями по поводу конкретизации и повышения значимости прав гражданина и других законных социальных возможностей, поскольку дискурс о свободе находит свое идейное и аналитическое обсуждение на институциональном уровне, но не обладает востребованностью в социальных практиках индивидов и различных социальных групп. Разрешение данного противоречия «теоретического» и «практического» знания о свободе возможно посредством выстраивания государственной властью, политическими партиями и другими субъектами политики коммуникационных каналов с гражданами, поскольку функционирующие масс-медиа обсуждают проблематику свободы, но их коммуникация носит преимущественно абстрактно-идейный, либо аналитический характер. Соотнесение «должных» правовых и политических неолиберальных образов свободы с повседневными идеологиями различных социальных групп также представляется значимым путем преодоления трудно-

сти выполнения интегративной роли феноменом свободы в современном украинском социуме.

Спецслужбы и силовые структуры тоталитарных коммунистических режимов (например, КГБ в бывшем СССР, «Штази» в бывшей ГДР, «Секуритате» в социалистической Румынии) были нацелены на поддержание целостности общества на основе приоритета контролирующих функций государства над правозащитными. Данные функции тотального контроля уже остались в прошлом, но реальная солидаризация социума на основе конституционно-правового статуса индивида в современной Украине еще не утвердилась.

Слабость исполнительной власти государства и ее правозащитной функции, малоэффективная бюрократия, политическая нестабильность, несформированность неправительственных организаций, общественных движений и гражданских инициатив как институтов гражданского общества, управляемость бизнеса, административность социально-экономической сферы являются признаками отсутствия консенсуса и интеграции в современном украинском обществе. Взаимосвязи власти и бизнеса способствует наличие экономической помощи от финансово-промышленных групп органам государственной власти и правоохранительным структурам, опосредованной благотворительными организациями и фондами. Отсутствие организационных предпосылок развития государственно-частного сотрудничества в социальной сфере и осуществление социальной политики, допускающей острые социально-классовые диспропорции, также усугубляют трудности формирования социальной сплоченности в украинском социуме.

Выработка правовой, политической и личной культуры через направленность высказываний и коммуникации дискурса о свободе на реальные социальные практики акторов, обладающих различным видением значимости либеральных прав гражданина и других узаконенных широких социальных возможностей изменения собственного социального статуса, способно привести к выполнению феноменом свободы значимой роли в обеспечении консенсуса и интеграции современного украинского социума.

Литература

1. *Кунцман П., Буркард Ф.-П., Видман Ф.* Философия: dtv-Atlas. Пер. с нем. / Науч. ред. пер. В. В. Миронов. — М.: Рыбари, 2002.
2. *Философия* / Под ред. А. Ф. Зотова, В. В. Миронова, А. В. Разина. — М.: Академический Проект; Фонд «Мир», 2005.
3. *Фуко М.* Археология знания: Пер. с фр. / Общ. ред. Бр. Левченко. — К.: Ника-Центр, 1996.
4. *Фуко М.* Слова и вещи. Археология гуманитарных наук: Пер. с фр. — СПб.: A-cad, 1994.
5. *Фуко М.* История сексуальности-III: забота о себе: Пер. с фр. / Под общ. ред. А. Б. Мокроусова. — К.: Дух и литера; Грунт; М.: Рефл-бук, 1998.
6. *Бердяев Н. А.* Падение священного русского царства. Статьи 1917—1922 гг. // Бердяев Н. А. Падение священного русского царства: Публицистика 1914—1922. — М.: Астрель, 2007. — С. 489—846.
7. *Луман Н.* Общество как социальная система: Пер. с нем. — М.: Логос, 2004.
8. *Соловьев В. Р.* Мы и Они. Краткий курс выживания в России. — М.: Эксмо, 2007.
9. *Гидденс Э.* Устроение общества: очерк теории структурации: Пер. с англ. — М.: Академический Проект, 2005.

І. О. Дишлевий,
кафедра соціології Інституту соціальних наук
Одеського національного університету імені І. І. Мечникова,
к. 40, Французький б-р, 24/26, 65058, м. Одеса-58, Україна

РОЛЬ ФЕНОМЕНА СВОБОДИ У КОНСЕНСУСІ ТА ІНТЕГРАЦІЇ СУЧАСНОГО СУСПІЛЬСТВА

Резюме
У статті розглядається феномен свободи з точки зору його ролі у соціальному консенсусі та внутрішній інтеграції сучасного українського суспільства. Виділяється значення свободи у соціально-історичній еволюції людства, наводяться теоретико-методологічні підходи до рефлексії свободи як соціального феномена на інституціональному та самоорганізаційному рівнях соціальної реальності. Автор визначає інтегративну роль феномена свободи через узгодження комунікацією соціальних інтересів акторів.

Ключові слова: дискурс про свободу, права громадянина, комунікація, можливості, «археологічний опис», соціальний консенсус, інтеграція.

I. O. Dyshlevyi,
The Department of Sociology of the Institute of Social Sciences
of Odesa Mechnykov National University, room 40,
24/26 Frantsuz'kyi Boulevard, 65058, Odesa-58, Ukraine

THE ROLE OF THE PHENOMENON OF FREEDOM IN THE CONSENSUS AND INTEGRATION OF MODERN SOCIETY

Summary
The article deals with the phenomenon of freedom in the context of its role in the social consensus and the internal integration of modern Ukrainian society. The author accentuates the importance of freedom in the socio-historical evolution of humanity. There are given theoretical-methodological approaches to reflection on freedom as the social phenomenon at the institutional and self-organizing levels of social reality. The author defines the integration role of the phenomenon of freedom through coordination by communication of social actors' interests.

Key words: discourse about freedom, civil rights, communication, opportunities, «archaeological description», social consensus, integration.

УДК 316.77:304

Ю. Л. Антонова,
аспирант кафедры социологии Института социальных наук
Одесского национального университета имени И. И. Мечникова,
к. 40, Французский б-р, 24/26, г. Одесса-58, 65058, Украина,
тел. 719-43-43, fehlerfehler@mail.ru

ДИАЛОГ В МЕЖДИСЦИПЛИНАРНОМ КОНТЕКСТЕ

Статья раскрывает содержание понятия «диалог» в междисциплинарном контексте. В работе анализируется понимание категории «диалог» в таких гуманитарных областях знания, как философия, культурология, психология, педагогика, лингвистика, социология. В процессе анализа выделяются общие и специфические характеристики диалога, свойственные данным отраслям знания.

Ключевые слова: диалог, речь, взаимодействие, общение.

Статья посвящена изучению категории диалог в междисциплинарном контексте; обоснованию социологического контекста исследуемого понятия. Важным элементом исследования является выделение специфического и общего в определениях диалога в тех или иных теориях. В результате нам представляется возможным разработать междисциплинарную концепцию диалога. Такой подход важен и для получения более полного и объемного представления о диалоге в социологической науке.

С исследованием и изучением диалога связаны такие науки, как психология, философия, педагогика, лингвистика, культурология и др. Тем не менее в социологии категория «диалог» еще не заняла своего места в структуре социологического знания. Наше исследование посвящено поиску социологического контекста категории «диалог».

Слово «диалог» происходит от греческого dialogos, первоначальное значение которого — разговор между двумя людьми. А впервые понятие диалог встречается еще в античной философии. Так, например, философское учение Платона известно миру из его диалогов.

Начнем рассмотрение содержания данной категории **в философии**. Философское начало исследования обусловлено методологической функцией философии в научном знании.

Философская концепция диалога предполагает межсубъектное общение, единение сознаний на метафизическом уровне взамен гносеологической структуры «субъект-объект». Многие философы нашего века, такие как Ю. Лотман, М. Бахтин, М. Бубер, считали, что «объективирующее» мышление в философии не было исконным, и видели в нем скорее искажение и деформацию, нежели воплощение традиции — традиции философии, которая сама вырастает из диалога и многим обязана ему: и своим методом «диалектики», и своей проблематикой и, возможно, самим пониманием бытия.

Диалог по М. Буберу — радикальный опыт инаковости Другого, признание этого Другого «своим иным», узнавание Другого, «наделенного голосом». Здесь «голос» понимается очень широко: «голосом» является «присутствие», «голосом» может быть молчание. Диалогическое мышление признает, что Другой имеет не только уши, но и рот и что Другой может сказать нечто такое, что тебя удивит... Онтология точнее

 © Ю. Л. Антонова, 2010

всего, по Буберу, может быть определена как состояние «между», состояние отношения, того, на что можно указать, но что нельзя целиком понять, находясь вне «встречи», в которой это состояние себя проявляет» [6, с. 17].

Далее обратимся к **культурологии** как к наиболее приближенной к философии области знания. Тут диалог обеспечивает общение между разнообразными, разнородными культурами.

Смыслы одной культуры не переводятся без остатка на язык другой культуры, что иногда трактуется как несоизмеримость различных культур и невозможность диалога между ними [7, с. 327]. Между тем такой диалог возможен в силу того, что у истоков всех культур общий творческий источник — человек с его универсальностью и свободой. Будучи творцом культуры, человек способен найти способ диалога между различными культурами [2, с. 185].

О диалоге культур мы узнаем из работ П. С. Гуревича, А. С. Кармина и др. Проблемой диалога интересовался русский философ, литературовед и теоретик искусства М. М. Бахтин. Его культурологическая концепция основана на идее диалога, который истолковывался им как форма общения отдельных личностей, а также как способ взаимодействия личности с объектами культуры и искусства и различных культур в исторической перспективе.

М. М. Бахтин полагал, что «соприкосновение с любым предметом культуры становится спрашиванием и беседой, то есть диалогом» [2, с. 156]. Диалог, с точки зрения Бахтина, есть способ взаимодействия сознаний.

Более частными видами знания являются психология, педагогика, лингвистика.

Психология, как и многие другие науки, занимается изучением конкретного вида диалога. А. Г. Рубенштейн, Л. С. Выготский, С. В. Ковалев и др. касаются этой проблемы. Понятие диалога с точки зрения психологии — это диалектически развивающийся процесс; это взаимодействие двух субъектов, приводящее к развитию и углублению общения. Диалог может породить новый смысл той или иной ситуации.

Однако существует еще и внутренний диалог, который является механизмом личностной трансформации. Возникновение и разворачивание внутреннего диалога происходит при наличии у субъекта неразрешенной проблемы. В процессе внутреннего диалога затрагиваются основные понятия сознания, самосознания, образного Я и взаимодействие их с окружающим Миром.

Л. С. Выготский вводит категорию внутренней речи как нетождественной речи внешней. Соглашаясь с тезисом Ж. Пиаже о том, что «детское размышление возникает после того, как в детском коллективе возникает спор в истинном смысле этого слова», Выготский предполагает, что этот спор порождает внутренний спор ребенка с самим собой. В этом внутреннем общении слова, которыми пользуется ребенок, отвечая своим внутренним собеседникам, приобретают совершенно особый характер. Ребенку не нужно произносить слова до конца: ведь он всегда в курсе своей собственной внутренней ситуации, он знает, о чем говорит [3, с. 207].

Особое место диалогу уделяется в современной **педагогической науке**.

Диалог в обучении, или учебный диалог, — своеобразная форма общения. Это взаимодействие между людьми в условиях учебной ситуации, осуществляющееся в форме речи, в ходе которого происходит информационный обмен между партнерами и регулируются отношения между ними. Специфика учебного диалога определяется целями его участников, условиями и обстоятельствами их взаимодействия. Диалогом

в педагогике интересовались такие ученые, как М. С. Каган, З. И. Равкин, В. Г. Богин, С. И. Гессен, И. А. Ильин и др.

Диалог при изучении различных педагогических явлений выступает в различных своих проявлениях. В работах философа, богослова, педагога В. В. Зеньковского идею диалога можно рассматривать как методологический принцип.

Диалогичность педагогики В. В. Зеньковского выражена им самим в принципе: «человек к человеку неравнодушен». Эта элементарная социальная отзывчивость, этот простейший и основной социальный резонанс создает возможность (субъективную) социального общения, открывает в замкнутой системе индивидуальной психики «двери и окна» для проникновения в чужой социальный мир, для раскрытия своего мира» [5, с. 32].

Еще один взгляд на форму существования диалога раскрывает перед нами такая наука, как **лингвистика**. Исследуемая тема раскрыта в работах таких ученых, как Ф. Соссюр, Ю. С. Степанов, К. Бремон. Рассуждая о диалоге, российский лингвист В. З. Демьянков считает, что главной целью диалога является достижение взаимопонимания. В изучении природы диалога его в первую очередь волнуют ответы на вопросы: как заставить собеседника выслушать и понять то, в чем вы его убеждаете, заставить его перейти на рельсы конструктивного решения общей задачи, как заставить этого собеседника сменить выбранный им ключ сценичности в вашем общении, отказаться от работы на публику, заставить вслушаться в здравый смысл аргументов?

В своей статье «Загадки диалога и культуры понимания» В. З. Демьянков писал, что сегодня мы возвращаемся к исходной проблеме диалога между людьми как обладающей непреходящей актуальностью и значимостью, безотносительно к сиюминутным технократическим перспективам. В самом диалоге проблематичны абсолютно все моменты, начиная с его определения и кончая практическими стратегиями достижения взаимопонимания между людьми [4, с. 63].

В диалоге мы стремимся: понять другого человека, понять себя, понять только текст и т. п. — в зависимости от нашей техники понимания, от того, к чему мы подготовлены в большей степени своим предшествующим диалогическим опытом.

Особый контекст диалога мы находим в **социологической науке**.

«Социологическое «видение» диалога заключается в признании его общественного характера, социальной природы. Социальная природа диалога раскрывается во взаимодействии социальных групп, классов, государства, общества — различных социальных образований, обладающих собственными интересами, ценностями, установками, отличными друг от друга» [1, с. 10].

Изучением диалога в социологии занимаются такие украинские ученые, как Н. В. Балабанова, В. И. Жуков, В. Е. Пилипенко. Социальный диалог рассматривается ими, прежде всего, в его отношении к общественной практике — с позиции деятельностного подхода. Диалог выступает как одно из средств при решении социальных проблем [1, с. 16].

В заключение следует подвести итог проделанному компаративистскому анализу. Что особенного в понимании диалога имеют все рассмотренные области знания?

Все частные особенности диалога в различных общественных науках заключаются, в первую очередь, в предмете исследования и категориальном аппарате. Выделив эти различия, мы можем обосновать особенности и социологического контекста в том числе.

Название науки	Предмет изучения науки	Категории науки
Философия	Существующие независимо от человека и его сознания вещи, которые включаются в человеческую деятельность.	Бытие, познание, материя, сознание, пространство, время.
Культурология	Культура как исторический и социальный опыт людей.	Формы, цели, ценности.
Психология	Психика человека, проявляющаяся в его жизнедеятельности в психических процессах, психических состояниях, свойствах и поведении.	Мотивация, образ, действие, общение, личность.
Педагогика	Процесс обучения, система образования.	Образование, воспитание, обучение, социализация, развитие.
Лингвистика	Естественный человеческий язык во всех его проявлениях.	Язык, концепт, факт, мнение.
Социология	Особенности деятельности социальных субъектов, социальная сущность их деятельности.	Взаимодействие, коммуникация, ценности, установки, цели.

Общее же заключается, во-первых, в объекте исследования и, во-вторых, в структуре исследуемого понятия.

Структура диалога включает:

1) как минимум двух участников, наделенных сознанием и владеющих нормами некоторой семиотической системы, например языка;

2) ситуацию или событие, которые они стремятся осмыслить и понять (предмет диалога, причина);

3) тексты, выражающие смысл ситуации в языке или элементах данной семиотической системы;

4) мотивы и цели, делающие тексты направленными, т. е. то, что побуждает субъектов обращаться друг к другу;

5) процесс материальной передачи информации, текстов.

Литература

1. *Балабанова Н. В., Жуков В. И., Пилипенко В. Е.* Социальный диалог. Социальное партнерство. Социальное государство / Академия труда и социальных отношений Федерации профсоюзов Украины; Отв. ред. В. Е. Пилипенко. — К., 2002. — 189 с.
2. *Бахтин М. М.* Эстетика словесного творчества. — М., 1979. — С. 229.
3. *Выготский Л. С.* Мышление и речь. — 1999. — 351 с.
4. *Демьянков В. З.* Загадки диалога и культуры понимания // Текст в коммуникации. — М.: Институт языкознания АН СССР, 1991. — С. 109.
5. *Зеньковский В. В.* Проблемы воспитания в свете христианской антропологии. — М., 1993. — С. 89.
6. *Фридман М.* Четыре шага к свободе // Общественные науки и современность. — М., 1991. — № 3. — С. 59.
7. *Шпенглер О.* Закат Европы. — М., 1993. — Т. 1. — С. 635.

Ю. Л. Антонова,
аспірант кафедри соціології Інституту соціальних наук
Одеського національного університету ім. І. І. Мечникова,
к. 40, Французький б-р, 24/26, 65058, м. Одеса-58, Україна

ДІАЛОГ У МІЖДИСЦИПЛІНАРНОМУ КОНТЕКСТІ

Резюме
Стаття розкриває зміст поняття «діалог» в міждисциплінарному контексті. В роботі аналізується розуміння категорії «діалог» в таких гуманітарних науках, як філософія, культурологія, психологія, педагогіка, лінгвістика, соціологія. В процесі аналізу виділяються загальні і специфічні характеристики діалогу, властиві даним галузям знання.

Ключові слова: діалог, мова, взаємодія, спілкування.

J. L. Antonova,
Sociology Department of Social Sciences Institute
of Odessa Mechnikov National University, r. 40,
24/26 Frantsuzsky Boulevard, 65058 Odessa-58, Ukraine

DIALOGUE IN DIFFERENT FIELDS OF SOCIAL KNOWLEDGE

Summary
The article is devoted to the problem of definition the «dialogue» category. Author analyzes this notion in different fields of social knowledge — philosophy, psychology, cultural studies, linguistics, pedagogical science, sociology. This analyzes permits to find common and specifically features of the «dialogue» category.

Key words: dialogue, language, interactions, communication.

УДК 316:028

А. П. Тутова,
аспирантка кафедры социологии Института социальных наук
Одесского национального университета имени И. И. Мечникова,
к. 40, Французский б-р, 24/26, г. Одесса-58, 65058, Украина,
тел. 68-60-92, Angela.v87@mail.ru

ЧТЕНИЕ КАК ВИД СОЦИОКОММУНИКАТИВНОЙ АКТИВНОСТИ В СОВРЕМЕННОМ ОБЩЕСТВЕ (СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ)

Статья посвящена исследованию места и роли чтения как вида социокоммуникативной активности в современном обществе. Проводится анализ понятий «читатель», «читательская аудитория», выделяются основные характеристики читателя, перечислены основные концепции чтения. Также анализируется читательская активность среди современной студенческой и ученической молодежи на основе проведенных исследований.

Ключевые слова: чтение, читатель, читательская аудитория, читательское поведение, активность чтения.

Важным индикатором уровня культурного развития общества выступает его отношение к книге, чтению, читательской деятельности. Так, еще вначале XX в. Н. А. Рубакин отмечал, что «процесс создания, циркуляции и утилизации библиопсихологических ценностей является одним из основных процессов, на каких держится современная, в сущности, вербальная цивилизация и культура человечества» [1, с. 12]. А в конце XX в., анализируя взаимоотношения визуальной, письменной и компьютерной культур, философ Умберто Эко прогнозировал разделение в ближайшем будущем социума на два класса: большинство, которое пользуется только зрительной телекоммуникацией и получает готовые образы, литературную и компьютерную элиту, управляющую этими коммуникациями [2, с. 235].

В наше время чтение как вид социальной активности отходит на второй план. Общеизвестна тенденция снижения частоты обращения к чтению во всех возрастных группах населения, как среди молодежи, так и среди взрослого населения. Такая ситуация обусловлена экономической недоступностью книг, отсутствием времени и желания обращаться к чтению, что явно противоречит общественным потребностям роста грамотности и образованности населения, а также возможностям расширения культурной компетентности и способности противостоять различным попыткам манипуляции сознанием граждан демократических обществ. Основным «соперником» книги видится электронная коммуникация (телевидение, видео- и аудиокассеты, СД, DVD и др.) и Интернет. В результате этот процесс может привести к исчезновению культуры чтения, появлению новых средств для получения информации.

К тому же читательское поведение все чаще трактуют шире — не только как чтение романов (сидя в удобном кресле), но и чтение прессы, специальной литературы, а также считывание различной информации с экранов мониторов.

© А. П. Тутова, 2010

Подобная ситуация становится все более распространенной еще и в связи с тем, что существуют расхождения в мировой исследовательской практике относительно понятия «читатель». Отнесение к читателям тех, кто прочитал хотя бы одну книжку в год, исключение тех, кто читает не книги, а только прессу, усложняют сравнительные межнациональные сопоставления. Можно добавить, что различие «чтение для удовольствия» и «рациональное чтение» важно для анализа содержания печатного слова, но все более широкое использование электронных средств информации делает это отличие размытым.

Для того чтобы проанализировать чтение как один из видов социокоммуникативной активности в современном обществе, необходимо рассмотреть чтение как вид социальной и коммуникативной активности; разобрать понятие читательской аудитории, основные характеристики читателя; рассмотреть основные теоретические подходы к изучению чтения; проанализировать читательское поведение в современном обществе (в данном случае на примере ученической и студенческой молодежи).

Иногда кажется, что чтение можно определить как акт расшифровки письменного текста. Но это мало что говорит. Такая расшифровка может происходить на различных уровнях и раскрывать либо один, либо многие коды, использованные в одном и том же тексте [3, с. 46].

Нельзя рассматривать чтение как деятельность, которая ограничена простым контактом с печатным текстом, заключенным в переплет или обложку. Важны мотивы в чтении: чем они сильнее, тем меньше читатель ограничивает себя чтением одних книг [4, с. 139].

Чтение с точки зрения психологии рассматривается как сложный вид психической деятельности, процесс восприятия и переработки текста, результатом которого является его понимание.

В социологии же чтение рассматривается как активное взаимодействие между коммуникатором и реципиентом. В этом плане чтение считается законченным коммуникативным актом, в процессе которого происходит передача знаний с печатного текста к личности и влияние этого знания на ее поведение [5, с. 581].

Чтение художественных текстов по существу есть встреча читателя с зафиксированным в образно-языковой форме актом самоактуализации автора. Процесс чтения здесь рассматривается как определенный опыт постижения мысли-чувства автора, в плоскости которого анализируется процесс читательского смыслообразования [6, с. 121].

Таким образом, можно утверждать, что чтение не должно рассматриваться в отрыве от всей коммуникации в целом. Ведь если рассудить, то проблема «читать или не читать» звучит совершенно по-разному для человека, живущего в обществе, в котором для чтения нет ни места, ни цели, ни постоянной поддержки, и для человека, постоянно вовлеченного — пусть даже неосознанно — в чтение огромного количества разнообразных материалов, например газет, рекламы, печатных бланков, инструкций, среди которых чтение книг представляется всего лишь частным случаем.

Читательскую аудиторию можно дифференцировать исходя из нехудожественных параметров (социальные, этнические, демографические, образовательные) и художественных параметров (предпочтение определенных видов жанров; господствующие художественные установки, идеалы, нормы; господствующие типы восприятия).

Публика (аудитория) может быть актуальной (фактически участвующей в общении с тем или иным видом искусства) и потенциальной (совокупность людей, кото-

рых при определенных условиях можно вовлечь в аудиторию). Актуальная публика может быть ситуативной (публикой конкретного произведения) и постоянной (публикой вида или жанра).

Характеризуя читателя по возрасту, можно выделить у каждой возрастной группы свои психологические особенности.

В период детства (период дофинансовой и правовой самостоятельности; активного познания мира; образования, поглощения огромных объемов информации) наблюдается интерес ко всему новому, яркому, необычному. Преобладает чтение сказок, экзотических приключений, фантастики, энциклопедий. Наблюдается стремление перепробовать разные жанры. Вкусы складываются годам к 11—12. Большие объемы учебной литературы.

В период молодости (период относительно финансовой самостоятельности, активного практического исследования мира, профессионального самоопределения) преобладает учебная литература.

В период зрелости (финансовая и правовая самостоятельность, стабильный статус, устоявшийся образ жизни, стабильная система ценностей и сформировавшееся мировоззрение) на чтение отводится часть свободного времени, преобладает профессиональное чтение.

В период старости (финансовая и правовая самостоятельность, стабильный статус, устоявшийся образ жизни, стабильная система ценностей и сформировавшееся мировоззрение, выраженный консерватизм) на досуг отводится много времени. Читательские предпочтения обычно уже сформированы. Преобладает чтение привычной литературы, перечитывание книг. Прагматическая направленность чтения (садоводство, здоровье, домоводство) [7, с. 43].

Если рассматривать читателя, исходя из гендерного признака, то многие исследования, проведенные, в частности, в России, показывают, что женщины являются более активными читателями, чем мужчины. Объясняется это тем, что современные женщины читают не только профессиональную и художественную литературу, но также достаточно много источников по воспитанию детей, по ведению домашнего хозяйства, о методах оздоровления.

Существуют группы респондентов, для которых обращение к чтению — это практика их повседневной жизни. Это должно отразиться на разнообразии источников и интенсивности чтения. Выявление связей между такими показателями, как чтение прессы, художественной литературы, общественно-политической литературы, изучение специальной литературы и посещение библиотек, помогает установить наиболее характерный тип читательского поведения и изменения их конфигурации.

Выделяют следующие группы читателей:

— нечитатели;

— постоянные читатели газет и книг;

— активные читатели (различных видов печатного текста) с широким спектром интересов и высшей интенсивностью читательской практики.

Наиболее распространенный тип читательского поведения — читатели прессы и беллетристики [3, с. 45].

Изучение духовно-коммуникативной сущности чтения требует серьезного концептуального определения исходных позиций. Анализ исследований чтения позволяет выделить несколько парадигм, подходов, которые могут использоваться как теорети-

ческая основа эмпирической исследовательской деятельности. Это *креативная парадигма*, в которой чтение рассматривается как социально значимое творчество; *коммуникативная парадигма* — чтение рассматривается как особый вид коммуникации; *социализационная парадигма* — чтение изучается как способ социализации; *кибернетическая парадигма* — чтение трактуется как специализированная система приема информации; *структурно-деятельностная парадигма*, которая рассматривает чтение как деятельность, строящуюся по схеме «потребность — установки — действие — результат». А также *аксиологический подход* к проблеме чтения, который ставит во главу угла ценностного отношения к чтению его включенность в систему ценностей; и *социально-функциональный подход*, рассматривающий социальную полезность чтения [8].

Социальная информация о чтении, которой мы располагаем сегодня, носит, как правило, узкопрофессиональный (преимущественно библиотечный характер), поскольку собирается в основном в библиотеках. В основном все исследования в области чтения проводятся также специалистами ведущих библиотек. Рассмотрев результаты исследований, проводимые детскими библиотеками Украины, «Что читают дети Крыма» (Республиканская детская библиотека Крыма); «Школьная программа и запросы читателей» (Запорожская областная детская библиотека (ОДБ)); «Твое свободное время и мир твоих увлечений» (Закарпатская ОДБ); «Читательские запросы детей и подростков и состояние их удовлетворения в районных детских библиотеках» (Тернопольская ОДБ); «Украинская книга в чтении читателей-детей 1—9 классов» (Хмельницкая ОДБ), можно выяснить, что сегодня юный читатель — качественно новый тип читателя. Изменились досуговые предпочтения детей, их познавательные и читательские интересы, источники получаемой информации. Одной из основных тенденций детского чтения сегодня является доминирование «делового» чтения над «свободным». Сегодня можно сделать выводы, что ученики не стремятся охватить тему целиком, посмотреть на нее под разными углами зрения, прочитать что-то дополнительно. Подтверждается факт, что чтение из жизни ребенка не уходит, но становится другим: более индивидуальным, прагматичным, информационным и поверхностным.

Данные российских исследований говорят о том, что сегодня в досуговой деятельности подростков проявляется тенденция активного использования окружающей их «электронной среды», где, наряду с традиционным занятием — чтением книг, обнаружилось их стремление не только к использованию теле- и видеоэкрана, но и компьютера (в основном в качестве источника компьютерных игр), а также Интернета (где они не только играют, но и «путешествуют по сетям», скачивают нужную информацию). В целом же сегодня изменился характер чтения детей и подростков: оно становится более прагматичным (и носит инструментальный характер), индивидуальным и функциональным, что наблюдается и в среде юных украинских читателей. Возрастающие учебные нагрузки ведут к тому, что в чтении детей (и особенно подростков) преобладает «программная» литература. С другой стороны, досуговое чтение становится более развлекательным [9, с. 26].

В 2008—2009 гг. при написании квалификационной и дипломной работ было проведено два социологических исследования читательского поведения — студенческой и ученической молодежи. В 2008 г. было проведено первое исследование — опрос студенческой молодежи. В качестве объекта исследования были взяты студенты трех факультетов (ИМЭМ, ИСН, филологический) ОНУ им. И. И. Мечникова. Выборку

составили 359 человек, из них 161 мужчина и 198 женщин (2983 чел. — генеральная совокупность). Резюмируя полученные данные, можно утверждать, что действительно на сегодняшний день даже в среде активных читателей отношение к чтению изменяется. Постепенно развивается прагматизация отношения к чтению. Современная молодежь читает, но это в основном учебная литература (69,4 %), которая необходима для получения определенного образования. Молодые люди также отдают предпочтение классике (как зарубежной, так и отечественной (37,3 %)), что стоит на втором месте по чтению после учебной литературы. В качестве новых читательских интересов может быть отмечено появление интереса к массовой литературе — это чтение фантастики (12,0 %), детективов (10,3 %), любовных женских романов (8,4 %). Следует также заметить, что у молодежи появляется интерес к эзотерической и мистической литературе, к религиозным источникам. 7,8 % опрошенных предпочитают научную фантастику, 5,8 % интересуются религиозной литературой. Наиболее неприемлемой среди студенческой молодежи является литература по ведению домашнего хозяйства, о методах оздоровления, исцеления, приключенческий роман, «боевик», мемуары, воспоминания. Сильных различий в чтении юношей и девушек не наблюдается. В мотивации обращения к чтению также преобладают учебные (53,5 %), познавательные мотивы, что является вполне логичным, поскольку была опрошена студенческая молодежь, которая на данном этапе своей жизни получает высшее образование. Это говорит о том, что современные студенты, в первую очередь, обращаются к чтению, при необходимости подготовиться к семинарскому занятию, контрольной работе, сессии или же для написания курсовых, дипломных работ, что, так или иначе, связывает чтение с процессом обучения. Таким образом, современное чтение выполняет как бы две основные социальные функции — познавательную и релаксационную, постепенно утрачивая, имевшийся ранее статус престижного в общественном мнении занятия.

Основным источником для получения информации является Интернет (76 %), что изменило ситуацию, которая наблюдалась исследователями до сих пор. Интернет как источник информации отодвинул ТВ (51,8 %) на второй план.

Литературу для чтения молодые люди в основном берут из Интернета (57,9 %), библиотеки (46,2 %). Основной причиной того, что молодежь мало читает, является отсутствие свободного времени (66 %). Нельзя сказать, что молодежь перестает читать художественную литературу, — читает, и чтение является для них актуальным, просто не в таких больших количествах, из-за отсутствия свободного времени, недоступности литературы (6,4 %), недостатка материальных средств (8,6 %). Значимых гендерных различий во взглядах на книжную культуру и чтение не наблюдается.

В 2009 г. было проведено исследование читательской активности ученической молодежи. В качестве объекта исследования были взяты ученики всех общеобразовательных средних школ I—III ступеней Арцизского района Одесской области. Было опрошено 947 старшеклассников (учеников 9, 10, 11-х классов), что составило 96 % от генеральной совокупности (генеральная совокупность = 986 чел.). Из них 455 мужчин и 492 женщины; 310 человек в возрасте от 14 до 15 лет, 315 — от 15 до 16 лет, 322 — от 16 до 18 лет; 350 9-классников, 299 10-классников, 298 11-классников; 700 человек являются учениками сельских школ, 247 — городских. В ходе исследования мы получили такие данные. Основными источниками для получения информации выступают — ТВ (68,1 %), Интернет (35,6 %), газеты и журналы (37,2 %); в чтении в основном преобладает учебная литература (58 %); в мотивации обращения к чтению также

преобладают учебные (53,5 %), познавательные мотивы (55,9 %); Читают, в основном, несколько раз в неделю 1—2 часа. Притом с возрастом все меньше времени уделяется чтению. Наиболее популярным жанром литературы для старшеклассников являются приключения (32,8 %); литературу для чтения школьники, в основном, берут в библиотеке (72,9 %). Чтение для старшеклассников является актуальным (64,6 %). Девочки являются более активными читателями, чем мальчики. Следует обратить внимание на то, что старшеклассники сельских школ читают чаще старшеклассников городских школ. Образование родителей не влияет на то, как часто старшеклассники обращаются к чтению.

Список наиболее понравившихся авторов и литературы составляют: Булгаков «Мастер и Маргарита», Гоголь, Горький, Толстой «Война и мир», Шолохов «Поднятая целина», Стендаль «Красное и черное», Чехов «Дама с собачкой», Достоевский, Грибоедов, А. Кристи, Улас Самчук, Т. Шевченко, И. Франко, Л. Костенко «Маруся Чурай». Из современных писателей чаще всего отмечались Б. Акунин, Лукьяненко, Набоков, Дарья Донцова, Паоло Коэльо, Ден Браун и его «Код да Винчи», Джоан Роуллинг «Гарри Поттер». Старшеклассниками названа в основном литература, которая входит в учебную программу.

Среди литературы, которую школьники хотели бы прочитать, но у них нет такой возможности, названа научная литература о различных аномальных явлениях, НЛО, чудесах мира; З. Фрейд «Введение в психоанализ», произведения Т. Шевченко, Ден Браун «Код да Винчи», М. Брикер «Ангел», Барбара Пирс «Запретное влечение».

В заключение можно сказать, что нельзя говорить о том, что в современном обществе исчезает культура чтения и молодые люди перестают читать. Безусловно, читают, но уже не то и не так, как предыдущие поколения, одним словом, чтение трансформируется, меняется его характер, цели и мотивы обращения к чтению, что, безусловно, должно стать предметом дальнейшего научного осмысления.

Литература

1. Общенациональный конгресс по чтению «Чтение в современном мире: опыт прошлого, взгляд в будущее»: секция «Философия чтения». — М., 1992. — 34 с.
2. Анкудович Я. Книга в современном мире // Роль книги и чтения в культурном развитии: материалы междунар. семинара ИФЛА. — М., 1987. — С. 232—241.
3. Дубин Б., Зоркая Н. Книги в сегодняшней России: впуск, распространение, чтение // Вестник общественного мнения. — 2005. — № 5. — С. 39—57.
4. Эскарпи Р., Баркер Р. Жажда чтения. — М, 1979. — 205 с.
5. Волович В. И. Социология. Краткий энциклопедический словарь. — К.: Украинский центр духовной культуры, 1998. — 786 с.
6. Шюкинг Л. Социология литературного вкуса. — Л., 1929. — 177 с.
7. Миронова М. В. Психология и социология чтения. — У., 2003. — 65 с.
8. Бутенко И. А., Бирюков Б. В. Чтение 90-х годов: предмет раздумий, предмет исследований / И. А. Бутенко, Б. В. Бирюков // Homo legens: памяти С. Н. Плотникова: Сб. науч. тр. — М., 1999. — С. 183—201.
9. Социологические исследования в библиотеках: Практическое пособие. — СПб.: Профессия, 2002. — 176 с.

А. П. Тутова,
кафедра соціології Інституту соціальних наук
Одеського національного університету імені І. І. Мечникова,
к. 40, Французький б-р, 24/26, 65058, м. Одеса-58, Україна

ЧИТАННЯ ЯК ВИД СОЦІОКОМУНІКАТИВНОЇ АКТИВНОСТІ У СУЧАСНОМУ СУСПІЛЬСТВІ (СОЦІОЛОГІЧНИЙ АНАЛІЗ)

Резюме
Стаття присвячена дослідженню місця й ролі читання як соціокомунікативної активності у сучасному суспільстві. Проводиться аналіз понять «читання», «читацька аудиторія», виділяються основні характеристики читацької аудиторії, перераховані основні концепції читання. Також проаналізована читацька активність серед сучасної студентської молоді та старшокласників на основі проведених досліджень.

Ключові слова: читання, читач, читацька аудиторія, читацька поведінка, активність читання.

A. P. Tutova,
Sociology Department of Social Sciences Institute
of Odessa Mechnikov National University,
r. 40, 24/26 Frantsuzsky Boulevard, 65058 Odessa-58, Ukraine

READING AS A FORM OF SOCIO-COMMUNICATIVE ACTIVITY IN THE MODERN SOCIETY (SOCIOLOGICAL ANALYSIS)

Summary
Article is devoted to the research of a place and a role of reading as kind of socio-communicative activity in a modern society. The analysis of concepts of a reader and a reader's audience has been realized, the basic characteristics of a reader have been denoted and also the basic concepts of reading have been interpreted. The reader's activity among modern student's and student's youth has been analyzed on the basis of the sociological researches.

Key words: reading, the reader, a reader's audience, reader's behavior, activity of reading.

УДК 316.723

Т. П. Андреенкова,
магистр социологии, аспирант кафедры социологии Института социальных наук
Одесского национального университета имени И. И. Мечникова,
к. 40, Французский б-р, 24/26, г. Одесса-58, 65058, Украина,
тел. 751-41-13

МУЗЫКАЛЬНЫЙ ФЕСТИВАЛЬ КАК СПОСОБ КОММУНИКАЦИИ МОЛОДЕЖНЫХ СУБКУЛЬТУР

В статье рассматривается соотношение понятий «культура» и «субкультура», выделяется эскапистское направление субкультур, описываются формы организации субкультур в процессе фестивального действа. Для анализа систем ценностей, стереотипов поведения и форм взаимодействия использовался метод включенного наблюдения.

Ключевые слова: культура, субкультура, эскапистское направление в субкультурах, «тусовка».

Одной из ярких черт любого современного общества являются молодежные субкультурные объединения и движения. Они — следствие глобализационных процессов и ответ на вызов необходимости разнообразия и множественности культур.

В современной зарубежной социологической литературе вектор понятий «субкультура» представлен следующими значениями:

— автономное целостное образование внутри господствующей культуры, обладающее собственными институтами и характеризующее определенный способ мышления и действия различных социальных групп;

— профессиональная культура, в которой своеобразно преломляются ценности и идеалы (кинематографическая, театральная, профессиональная среда и т. д.);

— совокупность некоторых негативно интерпретированных норм и ценностей в рамках традиционной и современной культур [1, с. 85].

Субкультуры характеризуются попытками формирования собственных повседневных идеологий, исходящих из мировосприятия социальной реальности других социальных групп или поколений; своеобразными манерами поведения, досуговыми практиками, стилями одежды и т. д. Природа их формирования различна, но общим является оппозиция пропагандируемому официальной властью и государством образу мысли и жизни [2].

Вопросы становления и развития неформальных молодежных объединений первоначально рассматривались зарубежными социологами. Большой вклад в изучение их в рамках научного анализа внесли такие авторы, как Т. Парсонс, Ш. Азенштадт, Р. Браунгарт, М. Брейк, Г. Гризе, Т. Джеферсон, С. Коэн, К. Мангейм, Ж. Паис, Т. Роззак, К. Соарес, Ф. Тенбрук, С. Фриз, Д. Хэбдидж, Д. Янг. В частности, в концепции М. Брейка была предложена методика анализа молодежной субкультуры, которая также применима и при рассмотрении неформальных молодежных объединений [3, с. 162]. В работах ученых Г. Гризе и Ф. Тенбрука подробно проанализированы причины объединения молодых людей в неформальные группы и их особой роли в жизни молодого человека [4].

 © Т. П. Андреенкова, 2010

Среди российских и украинских авторов наиболее известны труды П. С. Гуревича, Ю. Н. Давыдова, Л. Г. Ионина, Н. В. Кофырина, С. С. Фролова, Н. А. Щепанской, Н. А. Победы, С. И. Левиковой, В. А. Лукова, Е. Я. Прохоренко.

Объектом нашего исследования являются представители молодежных субкультур эскапистского характера (панки, готы, эмо, металлисты).

Эскапизм (эскейпизм) (англ. ascape — бежать, спастись) — стремление личности уйти от действительности в мир иллюзий, фантазии в состоянии кризиса бессилия, отчуждения [5,с. 1581]. По мнению большинства исследователей, субкультуры эскапистского толка активно навязывают и внедряют в повседневную практику собственную систему ценностей, социальные нормы, образ жизни, атрибуты, сленг и т. д., предлагая специфические формы преодоления кризисных ситуаций. Нам было важно проверить специфику проявления субкультур эскапистского направления в украинской среде.

Задача исследования состояла в необходимости обозначения методологического подхода, в частности обоснования выделения этой группы субкультур, и анализе их мировоззрения и стиля жизни.

Для оценки форм организации субкультурных объединений эскапистского толка используют разные ***методы:*** метод включенного наблюдения, метод раздаточного опроса, полуформализированное интервью, метод визуализации.

Задачей настоящей статьи является обобщение наблюдений, связанных с формами самореализации представителей выделенных субкультур в рамках музыкального фестиваля. Наблюдение носит неструктурированный характер, предполагает временной характер действия.

Единицами анализа в данном наблюдении являются:

— представительство различных субкультур на фестивале;

— пространственная локализация с точки зрения развертывания действа во времени;

— использование наркотических и алкогольных средств для поддержания тонуса;

— внешняя атрибутика представителей различных субкультур;

— сленговые характеристики и тезариус;

— взаимоотношения представителей субкультур друг с другом в процессе фестивального действа, а также с органами местной власти, жителями «околофестивальной» территории.

В перспективе в качестве единиц анализа будут использованы печатные и электронные СМИ, которые отображают фестиваль с журналистской точки зрения. Для представления социального портрета представителей разных субкультур использовался метод визуализации.

На фестивале предполагалась и проверка инструментария, связанного с измерением исследуемых субкультур, стилевых характеристик одежды (панк- стиль, блэк-стиль, хард-кор-стиль и т. д.); терминологического словаря (его дешифровка); оценки состояния приобщенности представителей субкультур к алкоголю и наркотическим средствам; поведенческих стереотипов (взаимодействие членов внутри одного объединения и с другими группами) и описания социального портрета представителей различных субкультур с помощью метода визуализации. Учитывая, что музыкальный фестиваль сопровождался разнообразными тусовками, поясним смысловое содержание этого понятия.

Тусовка (от рус. «тасование карт, тасовка, перемешивание, также от франц. toussier — кашлять, в том числе и от дыма) — первоначально: досуговая встреча сту-

дентов; впоследствии — досуговое совместное времяпровождение молодежи. На жаргоне «Системы» — компания, группа людей; мероприятие, примечательное событие [6, с. 302].

В ходе исследования опрошено 220 респондентов, у 23 информантов взяты полуформализированные интервью.

Необходимость выделения фестивального действия в качестве предмета наблюдения объясняется тем, что наиболее ярко проявляется внешняя атрибутика исследуемых, это уникальная возможность наблюдать поведенческие характеристики представителей различных субкультур, оказывающихся в «естественной среде».

Музыкальный фестиваль «“Metal Heads” Mission» ежегодно собирает тысячи участников со всего мира и является самым крупномасштабным рок-мероприятием на территории СНГ. На нем, как правило, представлены всемирно известные группы, играющие в современных стилях рок-музыки, таких как: brutal death, grindcore, black, alternative, hardcore, metalcore, nu-metal и т. д. Предполагалось, что в июне 2009 года могут выступить более 30 коллективов, представляющих Украину, Россию, Белоруссию, Молдавию, Польшу, Англию, Канаду, Турцию, Италию, Швецию и другие страны. Финансовые затраты для участников фестиваля могли быть 600 грн за три фестивальных дня, а количество посадочных мест составляло около 80 (в 2008 году их было около шестисот).

Первый день фестиваля 31.08.2009. 11:00

Моими первыми информантами стали представители молодежной субкультуры «металлистов». Они позиционировали себя как «брутальные», представившись так потому, что они предпочитают музыкальное направление под названием «брутал», что в свою очередь формирует определенное мировосприятие и поведение. Быть «брутальным» означает быть грубым, злым, агрессивным, пренебрежительно относиться к общепринятым нормам и законам. С субкультурой «брутального металла» неразрывно связано, в основном, девиантное поведение его представителей. У них культ алкоголя и как следствие — воздействие на психику человека в виде агрессии, злости, жестокости. Мужчины демонстрируют маскулинность: в их внешнем облике длинная борода, элементы камуфляжной формы одежды, короткая стрижка.

Стиль рок-музыки «брутал дэт» предполагает кровавую картину, предстающую перед глазами. Варианты брутал: брутал-дэд, брутал-дэз, брутал-дэт-мэтал. Музыканты вышеуказанных стилей обладают своеобразной манерой исполнения: вместо пения — имитация рычания животных, неестественно низкий тембр голоса (которым зачастую обладают девушки-вокалистки). Во время концерта исполнители часто кидают в толпу собравшихся фанатов различные предметы (чаще всего бутылки от алкогольных напитков). Задача образа брутал — «чем более ты безобразен и устрашающ — тем более ты брутален и выше твой статус в тусовке», как объяснили нам опрашиваемые респонденты. Культура «брутального металла», став популярной в Европе, оказала заметное влияние на рок-культуру стран СНГ, о чем скажем позже.

31.08.2009. 12:00

Знакомимся с представительницами «брутал-металла» города Москвы. Поначалу девушки враждебно отнеслись к предложению заполнить анкеты и всячески демонст-

рировали агрессивность. В речи исследуемых присутствовало обилие ругательств, неопрятная внешность. Одежда чаще всего из грубых тканей, цветовая гамма преимущественно темных, мрачных оттенков. Но черный цвет одежды не является обязательным, как в случае «блэк- металлистов», «хэви- металлистов» или «готов». Украшения исследуемых: металлические бусы, браслеты, перстни, массивные серьги в носу, ушах, бровях, губах, бороде. Присутствуют элементы камуфляжной формы: штаны, жилеты, портупеи. Из обуви чаще всего можно заметить ботинки (берцы), кроссовки, кеды либо сандали с массивной подошвой. Девушки весьма маскулинны: употребляют алкоголь наравне с мужчинами, участвуют в драках, носят мужскую одежду, их внешний облик лишен женственности. Более того, демонстрируя «брутальность», они специально подчеркивают антиженственность, считая это проявлением высокого статуса в тусовке.

31.08.2009. 15:00

Вскоре мы заметили весьма многочисленную тусовку панков и решили вступить с ними в разговор. Лидер этой тусовки — сорокалетний панк Гога. Несмотря на возраст и наличие семьи, Гога уже на протяжении 25 лет ведет антисоциальный образ жизни и считает это нормой. Это яркий пример «гуру», «олдового» панка, который «воспитал» не одно поколение неформалов. В «олдовых» панк-тусовках распространены традиции и обычаи, выработанные самими членами субкультурного образования (например, строгая иерархия внутри группы, обряд инициации и т. д.), чего нельзя сказать о «неопанках», признаком сплоченности которых служит зачастую лишь общие музыкальные предпочтения и возможность совместного проведения досуга.

Гогу и его друзей по тусовке большинство воспринимает как «аскеров» (от англ. ask — просить). Но если «молодые» панки активно знакомятся с отдыхающими на фестивале и без тени смущения просят у них еду и алкоголь, то Гога ведет себя абсолютно иначе. Мы заметили, что среди единомышленников он пользуется большим уважением. Многие сами зовут его, дарят ему одежду, фенечки, спиртные напитки, еду.

Внешняя атрибутика: выбрит «ирокез», пряди волос замотаны синей изоляционной лентой в виде острых торчащих шипов. Сигаретные окурки использованы в качестве украшения (он прикрепил их к волосам). К одежде приклеены скотчем куски туалетной бумаги. На лице обилие пирсинга: в ушах-серьги, булавки, гвозди. Я заметила своеобразный значок на груди с надписью «шериф». Он был сделан из фрагмента обычной консервной банки. Исследуемый объяснил, что так наряжается на каждый рок-фестиваль, чтобы шокировать и удивлять публику. Соратники Гоги выглядят немного скромнее, чем их «гуру». Футболки с надписями-лозунгами (типа: «долой буржуев», «панки живы» или названиями любимых панковских групп. Прически в стиле «ирокез» или «помойки» (волосы укладываются с помощью пива и мыла). Панки, представляя свое обобщенное «Мы» заявили, что они моются крайне редко, чтобы злить окружающих запахом, исходящим от них. На это Гога ответил весьма известной в неформальных кругах фразой: «Панки не умерли, просто они так пахнут». Все эти признаки роднят их с панками начала 90-х годов.

Во время проведения интервью к нам подошла девушка. Она выглядела как самая обыкновенная «панкерша»: ирокез, шипованный ремень, слегка подкатанные штаны, кеды. Но вид ее был необычно опрятный для данной субкультуры. Она позиционировала себя как ойстер (это смешение двух контркультур: скинхедов и панков). В руках

у нее была бейсбольная бита. Ойстеры не отрицают своей принадлежности к панк-тусовке, но ратуют за чистоту нации, отрицают наркотики, осуждают «аскерство» и бродяжничество. Чаще всего ойстеры являются переходным контркультурным образованием из «панков в скинхеды».

После недолгого общения незнакомка заявила Гоге, что он и его друзья позорят украинскую нацию. Когда панки попытались убедить ее в обратном, она замахнулась битой на одного «пионера» из тусовки. Гога подошел к ней и дал пощечину. После этого конфликт был исчерпан и девушка удалилась.

Во многих субкультурных образованиях, даже анархического направления, существуют лидеры, котрые диктуют правила поведения остальным членам группы. Как правило, это люди с высоким статусом в неформальной среде, который можно с легкостью потерять. Вышеописанная ситуация ярко иллюстрирует процесс отстаивания статуса внутри тусовки, доказательства «олдовости». Поняв, что противник старше и сильнее, нападающая ретируется.

31.08.2009. 18:00

В палаточном городке, где была первая площадка наблюдения, становится все меньше людей. В ДК начинается концерт. Вокруг здания ДК, напротив, образовывается большая толпа. Внутри помещения работает «метал-базар», где продается фестивальная рок- атрибутика.

Концертный зал в июне 2009 года абсолютно не соответствовал уровню предыдущих фестивалей (2007—2008 гг.): поломанные кресла, маленькая сцена, некачественный звук.

31.08.2009. 21:00

Около входа наблюдаем молодого человека в монашеской рясе, волосы собраны в хвост, длинная борода дополняет образ. Предлагаем ему заполнить анкету. Мужчина представляется Монахом, позиционируя себя как «блэк-металлист». «Блэкеры» (как они сами себя называют) являются весьма самобытным образованием в металл-движении. Фетиш крови, Сатаны, насилия. Блэк-металлист Монах своим внешним обликом символизирует принадлежность к сатанизму. Вскоре он познакомил нас со своей тусовкой. Внешняя атрибутика блэкеров очень напоминает готическую, но все-таки заметны некоторые отличия. Блэкеры также гриммируются в черно-белой гамме, как и «готы», но мужчины не придают себе женственности. В качестве украшений используют огромные перевернутые кресты и пентограммы. На футболках — изображения демонов, трупов, сатанинская символика. Ниже указаны прозвища блэк-металлистов.

Мужские: Демон, Бес, Сволочь, Киллер, Упырь, Гор, Зверь, Гардероб, Утроба.

Женские: Ламия, Кошка, Горгона, Люси, Батори.

«Блэк-металлисты» ведут себя сдержанно, почти не улыбаются, держатся обособленно, соглашаются на интервью только после долгих уговоров. Лица исследуемых разрисованы белой и черной краской. Девушки повсюду следуют за мужчинами, молчаливы и неприветливы.

31.08.2009. 23:00

Несмотря на то, что концерт в полном разгаре, количество людей внутри помещения не увеличивается. Посетители предпочитают тратить деньги на рок-атрибутику,

а не на входные билеты. Это обьясняется тем, что девять лет подряд фестиваль МНМ проходил под открытым небом на территории базы отдыха «Солнышко». Его отличали достойный уровень организации, высококачественный звук и всемирно известные группы-хэдлайнеры. Они привлекали поклонников рок- музыки со всего мира.

По традиции, фестиваль МНМ сменял RED ALERT и действие ежегодно продолжалось 6—7 дней. На МНМ организаторы традиционно приглашали рок-ансамбли, играющие классический рок, а на RED ALERT выступали команды-участники экстремального направления металла. Десятилетие МНМ ознаменовалось совмещением этих двух фестивалей в один. Но отход от традиции «open air» вызвал разочарование посетителей и нежелание платить большую сумму денег за низкий уровень мероприятия. Мои попытки встретить на территории фестиваля неформалов-европейцев не увенчались успехом, хотя в предыдущие годы их количество было велико.

Возвращаясь в палаточный городок, мы увидели любопытную картину: около выхода из ДК стоял наш знакомый панк Гога и просил «милостыню» у посетителей фестиваля. С просьбой помочь бывшему шерифу, Гога обращался к проходящим мимо людям. Емкость для денег была весьма оригинальной: половина арбуза, лишенная мякоти. Его соратники по тусовке спали недалеко от здания ДК. Это яркий пример традиционной панк-тусовки. Представители данной субкультуры зачастую являются маргиналами среди неформальной молодежи, провоцируя такое отношение своими действиями.

2-й день фестиваля. 1.08.2009. 10:30

Стало известно о том, что местное население отрицательно относится к проведению рок-фестиваля в селе Морском. Доказательством этому служит текст листовки, которую мне вручили недалеко от здания ДК. Полное содержание листовки приводится ниже:

«МОРСКОЕ В ОГНЕ!

Начался рок-фестиваль наркоманов. В единственном месте Крыма, в селе Морском, где у власти стоят возомнившие себя царями Курунин—Шипков и «княжна» Маша Лукаша. Все они, заботящиеся только о набивании своих карманов деньгами и плюющие на местных жителей, пригласили в наше село «наркоту», которую по Крыму нигде не пускают.

Этот фестиваль сразу стал заметен в селе. Из близлежащих к ДК домов стали съезжать отдыхающие, возле Дома культуры больше не гуляют с детьми, так как там валяются шприцы, битые стекла, в ночное время торгуют наркотиками и ужасный шум до утра.

По улице Карла Маркса, где до приезда хулиганов, был местный «Бродвей», сейчас дорога наркоманов к морю. Даже на пляже, где обычно не хватает места, отдыхающие разбегаются, так как абсолютно без всякого стыда голые и грязные участники фестиваля справляют свою нужду прямо на пляже и в море, не обращая внимания на людей, и заявляют, что их здесь больше 3-х тысяч и у них за все заплачено местным властям и милиции. Входной билет на фестиваль стоит 65 у. е., по самым скромным подсчетам это составляет около 200 тыс. долларов. Билеты были проданы через Интернет еще в мае. А сколько будет перечислено на ремонт ДК, так как он полностью разгромлен?

Когда приехал на встречу с избирателями мэр Судака, не было места для проведения собрания, так как зал ДК разгромлен, сцена разобрана.

В первую ночь фестиваля сбылась давняя мечта Шипковых, которые много лет мечтали избавиться от конкурентов любыми способами, привлекая налоговую, местную власть, милицию. Но это оставалось мечтами до приезда Рок-фестиваля. Кто же сжег магазин «Корона» до тла? Это предстоит узнать нашей доблестной милиции. Только сможет ли она?».

Без подписи.

Этот текст был составлен жителями с. Морское и помещен в местной газете. Но тем не менее фестиваль продолжался.

По моим наблюдениям субкультура металлистов весьма неоднородна: это представители направлений «трэш», «брутал», «хэви», «блэк», «пауэр», «дэз», «фолк» и т. д.

Они дифференцируются, прежде всего, по музыкальным предпочтениям, а также внешнему виду и своеобразной идеологии, присущей каждому движению. Заметны отличия между рокерами «старого» и «нового» образца.

На фестивале МНМ можно было заметить и представителей других субкультур: «эмо», «панки», «готы», «сатанисты», «индианисты».

Вскоре мы заметили тусовку панков. Они позиционировали себя как «панки», но значительно отличались от тусовки, которую возглавлял Гога. Представители этого вновь наблюдаемого сообщества были одеты в дорогую одежду, выглядели опрятно. Рядом с палаткой стояло несколько бутылок «Абсента». Внешние признаки свидетельствовали о том, что мы имеем дело с панками: ирокезы, подкатанные штаны (на одной из панкерш я заметила дорогостоющие джинсы торговой марки «Дизель»), почти у всех замечена обувь известных брэндов, но при этом отсуствовала традиционная панк-атрибутика: булавки, шипы, значки и т. д.). Если бы не прически исследуемых и одежда в соответствующем стиле, то можно было бы принять их за «мажоров». Чтобы завязать знакомство с «неопанками», как мы назвали их для себя, пришлось обращаться за помощью к Гоге. Мы надеялись на то, что человек с высоким статусом в неформальной среде поможет нам завязать знакомство с представителями молодого панк-движения. Нашли Гогу и его тусовку на местной помойке: они собирали бутылки. Узнав о наших проблемах, возникших в ходе исследования, Гога с радостью согласился нам помочь. Мы снова отправились в лагерь к «неопанкам». «А что вы хотели!», — заметил Гога по дороге в палаточный городок, — «*настоящих* панков почти не осталось».

1.08.2009

Тусовка «неопанков», судя по внешним данным, была представлена девятью людьми возрастом от 16 до 20 лет. Компания состояла из пяти парней и четырех девушек. Было заметно их волнение, они боялись вести себя неправильно, «не по-панковски» при Гоге. Он устроил им настоящий экзамен, задавая вопросы типа: в каком году возникло панк-движение, какие альбомы у группы «Exploited», какова панк-идеология. Ребята, теряясь от смущения, отвечали. Гога, разочаровавшись в их ответах, рассказал о мировоззрении панков и историю возникновения субкультуры. Оказалось, что подобные «экзамены» традиционны для панк-культуры.

Как нам затем объяснил Гога, его агрессивное поведение было тоже своеобразным «экзаменом», и ребята его не сдали. Как *настоящие* панки они должны были защищаться и не позволить себя унизить. Исследуемые позиционировали себя как *«при-*

панкованные», но твердо панками так себя и не назвали. Позиция исследуемых такова: «мы являемся панками, когда нам это удобно и когда мы этого захотим». Панк-движение для них — это увлекательная игра, уход в другую реальность, но никак не образ жизни.

1.08.2009. 20:00

Отправляемся к зданию ДК. Как и ожидалось, людей было очень мало. Около входа стояли посетители, но заходить в помещение никто не торопился. Заглянув внутрь, мы были удивлены: в зале ДК было еще меньше людей, чем вчера. Было очевидно, что фестиваль МНМ-2009 станет убыточным. Замечено было и употребление наркотических средств среди посетителей фестиваля. При этом за время проведения МНМ не появился ни один представитель правоохранительных органов.

3-й день фестиваля 2.09.2009. 10:00

Наблюдаем Гогу и его соратников, как главных действующих лиц фестиваля. Они пригласили нас сходить в местный магазин. Несмотря на то, что эта тусовка панков приехала на фестиваль абсолютно без денег, благодаря «аскерству», т. е. попрошайничеству, они почти ни в чем не нуждались. Гога рассказал мне, что, будучи «пионером», ему приходилось обеспечивать едой и алкоголем «олдовых» панков. По тому же принципу он «воспитывает» свою тусовку. Это отдаленно напоминает образец панк-тусовки конца 80-х годов. Панки нового поколения абсолютно отрицают иерархию внутри субкультуры, не выдвигают протестов, ценят комфорт и материальные блага. Более того, «олдовые» и «пионеры» не «тусуются» вместе, как это было принято в период расцвета панк-движения, а существуют параллельно друг другу. Тусовка «молодых» панков во главе с опытным наставником — это редкость в настоящее время. Своей харизмой и умением подчинять себе людей Гога сумел создать свою «тусовку» (ее численность составляет 19 молодых людей возрастом от 15 до 30 лет). В неформальной среде его уважают за то, что на протяжении долгих лет он не изменяет своим принципам и не отчуждается от панк-движения.

Немного позже мы окончательно поняли, в чем разница между панками «старого» и «нового» образца. «Давайте погоним с попсовиков!» — неожиданно воскликнул Гога и пошел в сторону палатки «неопанков». Все пошли за ним, и мы в том числе. Они еще спали. Но Гогу это не остановило. Он разбудил их. К палатке был прикреплен флаг с символом анархии. «Пионеры» испугались, увидев нас. К «неопанкам», как выяснилось позже, присоединились их единомышленники из города Симферополя. Это были трое молодых людей и одна девушка. Лагерь «неопанков» составлял тринацать человек. Мы предложили им пойти в магазин, на что они ответили согласием. С нами пошли только парни, а девушки остались в лагере, так как они опасались встреч с местным населением. Это весьма нехарактерно для традиционного панк-движения, где девушки бесстрашны и агрессивны.

Чтобы попасть в магазин, необходимо было перейти дорогу. Выйдя на середину дороги, Гога и все его «пионеры» одновременно опустили штаны и стали показывать проезжающим мимо водителям голые ягодицы. Я заметила проезжающую мимо милицейскую машину. Удивленные «неопанки» побежали в сторону палаточного городка. Сотрудники правоохранительных органов попросили документы. В ответ Гога показал значок шерифа, сделанный из фрагмента консервной банки. Несмотря на то, что

обе группы молодых людей позиционируют себя как панки, они в то же время придают разные смыслы этому движению. Группа «олдовых» или «старых» панков представлена в наблюдении как контркультура, потому что обладает всеми ее признаками (нарушения закона, агрессивная манера поведения, шокирующий внешний вид и т. д.). Группа «пионеров» или «молодых» панков представлена совершенно иначе: стандартный внешний вид с намеком на панк- атрибутику, стеснительность и невраждебность по отношению к незнакомым людям, незнание идеологии и истории выбранной субкультуры.

2.08. 2009. 12:00

Наблюдаем металлистов около местного кафе. Это представители направления фолк-металл. Внешняя атрибутика. У парней — длинные волосы, заплетенные в одну или две косы, отсутствие пирсинга, татуировок,одежда в этническом стиле, наличие фенечек. У девушек — длинные платья, вышитые вручную рубашки, на руках — фенечки, самодельные браслеты из бисера. Изначально мы приняли их за «хиппи». Но исследуемые позиционировали себя как «фолк-рокеры». Одна из девушек играла на флейте. Исследуемые легко шли на контакт, охотно согласились заполнить анкеты. Они сообщили нам, что являются сторонниками старославянской языческой веры и живут в гармонии с природой. В отличие от других участников фестиваля фолкеры не употребляли спиртные напитки и наркотики, вели себя скромно и миролюбиво. Девушки веселы и приветливы, пели песни, танцевали. Парни играли на варганах, флейтах. Фолкеры-язычники не вступали в коммуникацию с преставителями других субкультур, в их речи не было ненормативной лексики, начитаны, вежливы.

2.08.2009. 20:00

Начинается концерт. Я замечаю блэк-металлиста Монаха, исследуемый одет в монашескую рясу, он серьезен и суров. Я предполагаю, что невеселость и мрачность блэк-металлистов — это часть их имиджа, а не эмоциональное состояние.

Вскоре замечаю Гогу. Его лицо в синяках. Гога поведал мне, что его с друзьями отпустили через три часа после задержания. Когда он сообщил сотрудникам правоохранительных органов, что они живут на территории фестиваля, парней избили, но все-таки освободили из-под стражи. Можно сделать вывод о том, что организаторам МНМ-2009 все-таки удалось договориться с местной властью. Несмотря на дерзкий поступок «панков», их отпустили. Если бы на территории фестиваля дежурили наряды милиции, то большая часть посетителей МНМ оказалась бы за решеткой. А это — явная антиреклама фестиваля. В руках Гоги я заметила большую металлическую кружку, именуемую на слэнге панков «аскеркой». С этой кружкой панк подходит к посетителям концерта, и они наливают в нее алкоголь. Хиппи-музканты называют «аскеркой» шляпу для денег.

2.08.2009. 23:56

Объявляют команду — хэдлайнера. Организатор подходит ко входу в концертный зал и снова заглядывает внутрь. Затем он дает команду охранникам впустить всех желающих бесплатно. С первыми аккордами публика начинает оживляться. Я заметила, что представители разных субкультур различны по тому, как они реагируют на музыку во время концерта. Блэк-металлисты чаще всего стоят неподвижно с мрачным

выражением лица, Монах и его тусовка стояли обособленно в конце зала. Панки и скинхеды участвуют в *слэме*. Этот танец — естественный способ выплеска собственных эмоций. Слэм имеет свои разновидности. Slam-участники танца толкают друг друга, но при этом не наносят телесных повреждений. Slam Diving — прыжок в толпу спиной или головой вперед.

Crowt sirfing. Этот стиль распространен на фестивалях типа «open air». Толпа фанатов поднимает одного человека и кидает его на сцену. Skanking — бесконтактная разновидность слэма, напоминает бег на месте или по кругу. High jump — групповые прыжки в высоту. Иногда слэм заканчивается для кого-то из участников телесными повреждениями [7].

Металлисты классических музыкальных направлений «качаются» под музыку, неистово размахивая распущенными волосами. На их слэнге это называется «трясти хаером» [8]. Фолкеры и хиппи, как правило, не участвуют в слэме, танцуют, водят хороводы. Во время музыкальных фестивалей представители субкультур различаются по знакам, которые они показывают руками. Знак «коза» — символ металлической силы: рука согнута в кулак, подняты вверх указательный палец и мизинец,присущ металлистам. Знак «V» символизирует веру в победу Революции цветов — два пальца подняты вверх и разведены в виде латинской «V», используют хиппи, фолкеры [9]. Панки пользуются знаком «пистолета»: поднят вверх большой палец, указательный и средний вытянуты вперед, символизируя «дуло». Этот знак произошел от легендарной панк-группы «Sex Pistols» и означает агрессию и вседозволенность. Скинхеды используют знак вытянутой ладони (символ нацистов). Весьма символичен и внешний облик представителей разных субкультур. *Блэкеры, сатанисты* внешней атрибутикой выражают почтение силам зла, *готы* — фетиш смерти, *панк-имидж* символизирует насмешку над обществом и его нормами, *скинхеды* идеализируют физическую силу и агрессию, *фолкеры, язычники* — гармонию с природой, почтение богам (древняя скандинавская или словянская символика). *Эмо* — несправедливость и жестокость окружающей действительности (смешение розового и черного цветов как символ борьбы доброты и жестокости) [10].

Подводя итог наблюдениям, которые имели место на фестивале МНМ сезона 2009, можно сделать следующие **выводы:**

— финансовые затраты для посетителей фестиваля МНМ–2009, как и планировалось, составили 600 грн за три фестивальных дня;

— общее количество посетителей фестиваля МНМ–2009 составило 2113 чел., что значительно отличается от показателей прошлого года (около 4000 чел);

— численность зарубежных групп-участников значительно уменьшилась по сравнению с предыдущими сезонами фестиваля (2007—2008 гг.);

— уровень мероприятия, с точки зрения представительства зарубежных групп, качества звука и организации концертной программы, стал ниже прошлогоднего, по мнению большинства посетителей МНМ–2009;

— по предмету данного исследования — проявления и манифестации субкультур эскапистского направления (панки, металлисты, готы, сатанисты, эмо);

— учитывая, что фестиваль посвящен направлению музыкального течения «металл», субкультура металлистов имела наибольшую представленность;

— коллективы — участники фестиваля играли в современных стилях рок-музыки: brutal death, grindcore, black, alternative, hardcore и т. д.;

— на рок-мероприятии субкультура «металлистов» характеризовалась многочисленными музыкальными подвидами (дэз, пауэр,брутал, фолк, нью-метал, металкор, блэк и т. д.);

— представители вышеперечисленных направлений «металла» активно контактировали как друг с другом, так и с представителями других субкультур (кроме скинхедов);

— в свою очередь, представители «скинхедов» мирно сосуществовали в рамках своего объединения, но агрессивно относились к членам других субкультур;

— субкультура «панков» на фестивале представлена двумя подвидами — «грязных» (являются аналогом советского образца) и «чистых» (имеющих сходство с европейским панк-движением). Оба образования внутри субкультуры отчуждены друг от друга. Их представители различались как по внешней атрибутике, так и по поведенческим характеристикам. «Панки» чаще всего вступали в конфликты со «скинхедами», а «готы», «эмо», «металлисты» активно общались между собой и с представителями других субкультур, но в то же время избегали столкновений с «ойстерами» и «скинхедами»;

— особенность многих украинских субкультур эскапистского направления по сравнению с первоисточниками западного образца заключается в том, что они носят скорее игровой (action) характер, ориентированы на проведение досуга в среде единомышленников либо на передачу и распространение информации, символов, но не столь агрессивны и политически инертны. Если в США, странах Западной Европы альтернативные движения, выросшие не на почве молодежных субкультур 60—70-х гг. активно участвуют в социально-политических процессах этих стран, гуманитарных программах, помощи больным, инвалидам, престарелым, наркоманам и т. п., то в украинском социальном пространстве они носят более демонстративный характер, лишенный глубинных основ и социально-политической значимости. Западные образцы субкультурных стилей, ритуалы и ценности во многих случаях переработаны и переосмыслены в соответствии с особенностями украинской ментальности.

Литература

1. *Победа Н. А.* Социология Культуры. — Одесса: Астропринт, 1992. — С. 85—86.
2. www.subcult.ru.
3. *Волков Ю. Г.* Социология молодежи. — Ростов н/Д: Феникс, 2001. — С. 162—181.
4. *Михайлова Л. И.* Социология культуры: Учебное пособие. — М.: ФАИР-ПРЕСС, 1999.
5. *Советский энциклопедический словарь*. — Москва: Советская энциклопедия, 1989. — С. 1581.
6. *Левикова С. И.* Молодежная субкультура. — М.: Вузовская книга, 2002. — С. 302.
7. www.punx.ru.
8. www.molod.mephi.ru.
9. *Щепанская Т. Б.* Система: тексты и традиции субкультуры. — М.: ОГИ, 2004. — С. 128.
10. www.mhpi.ru.

Т. П. Андреєнкова
Кафедра соціології Інституту соціальних наук
Одеського Національного університету імені І. І. Мечникова,
к. 40, Французький б-р, 24/26, 65058, м. Одеса-58, Україна

МУЗИЧНИЙ ФЕСТИВАЛЬ ЯК СПОСІБ КОМУНІКАЦІЇ МОЛОДІЖНИХ СУБКУЛЬТУР

Резюме
У статті розглядається співвідношення понять «культура» та «субкультура», виділяється ескапістський напрямок субкультур, описуються форми організації субкультур у процесі фестивального дійства. Для аналізу системи цінностей, стереотипів поведінки використовувався метод включеного спостереження.

Ключові слова: культура, субкультура, ескапістський напрямок в субкультурах, «тусовка».

T. P. Andryeyenkova
Sociology Departament of Social Sciences Institute
of Odessa Mechnikov National university,
r. 40, 24/26, Frantsuzsky Boulevard, 65058, Odessa-58, Ukraine

MUSICAL FESTIVAL AS INTER -SUBCULTURAL COMMUNIKATION'S FORM

Sammary
The article deals with problems of communikation between yoth subcultures. The author analyzes the interplay of «culture» and «subculture» categories, describes the process of festive action as subcultures imparting. The participant observation was conducted to explore forms of interaction, subcultenses values and stereotypes.

Key words: culture, subculture, subcultural escape, partying, «nexus».

УДК 316. 33

А. В. Хандожинская,
аспирантка кафедры социологии, ИСН, ОНУ имени И. И. Мечникова,
к. 40, Французский б-р, 24/26, г. Одесса-58, 65058, Украина
тел. (0482) 68-60-92, e-mail: nastya_vitol@yahoo.com

ПОНЯТИЕ «ПОКОЛЕНИЕ» В МЕЖДИСЦИПЛИНАРНОМ КОНТЕКСТЕ

В статье представлены трактовки понятия «поколение» с точки зрения различных наук. Рассматриваются генеалогический, демографический, философский, исторический, социологический аспекты данного понятия. Показана специфика межпоколенных отношений в различных областях научного знания (социальной философии, культурологии, социологии и т. д.). Статья посвящена малоисследованной области — взаимоотношениям поколений в условиях трансформации современного украинского общества.

Ключевые слова: поколение; взаимодействие поколений; междисциплинарный подход.

Темпы развития современного общества являются такими быстротечными, что люди в большинстве случаев стоят перед решением задач, с которыми не сталкивались предыдущие поколения. Это обусловливается ускорением темпов общественного развития и появлением глобальных проблем, которые касаются всего общества. Сегодня имеют место общественные дискуссии по проблематике устойчивого развития общества, в связи с чем особую актуальность приобретает поиск моделей, путей, стабилизирующих развитие общества и отношения между его представителями. Одной из таких важнейших социальных групп являются поколения как неотъемлемый элемент любого общества и его структуры. В этом контексте взаимоотношение поколений становится междисциплинарной проблемой, поскольку сегодня существенно актуализируется дифференциация поколений, их роль в социокультурной преемственности и инновационном развитии. Французский социолог Кюблер-Росс пишет, что «парадокс современной цивилизации состоит в том, что она умножает число стариков, воспроизводящих культуру прошлого, в то время как знания и культурные ценности эволюционируют с невиданной быстротой». Перед большинством цивилизованных стран со стареющим населением стоит проблема оптимального сочетания во властных структурах людей старшего и молодого поколения [1].

В начале 20-х годов нашего века бурно развивались этнографические исследования возрастных изменений личности, представленные в работах Р. Бенедикт, Ф. Боас, К. Леви-Брюль, М. Мид [2].

Характеристику взаимодействия поколений дает М. Мид в работе «Культура и мир детства» (1988), выделяя три типа культуры межпоколенных отношений:

— постфигуративные, в них дети учатся у своих предков;

— кофигуративные, дети и взрослые учатся у своих сверстников;

— префигуративные, взрослые учатся у своих детей.

Об историческом смысле взаимодействия поколений К. Маркс и Ф. Энгельс в «Немецкой идеологии» говорят: «История есть не что иное, как последовательная смена

 © А. В. Хандожинская, 2010

поколений, каждое из которых использует материалы, капиталы, производительные силы, переданные ему всеми предшествующими поколениями; в силу этого данное поколение, с одной стороны, продолжает унаследованную деятельность при совершенно изменившихся условиях, а с другой — видоизменяет старые условия посредством совершенно измененной деятельности» [3].

Этимологический анализ понятия «поколение» представлен в работе Ф. Энгельса «Происхождение семьи, частной собственности и государства» (1884). Касаясь вопроса об использовании Л. Морганом в книге «Древнее общество» (1877) понятия «*gens*» для обозначения родового союза, Ф. Энгельс отмечал, что понятие «поколение» происходит от общеарийского корня «gan», означающего — производить потомство.

В работах английских этнографов Э. Тайлора и Дж. Фрэзера заложены основы антропологического подхода к трактовке поколений и чередования в ходе истории возрастных, этнических, социальных групп [4].

Иное звучание проблема поколений получила в XX веке. К. Мангейм в работе «Проблема поколений» предложил новый подход к явлению, учитывающий совмещение объективистских (позитивистских, марксистских) и субъективистских (символических) аспектов, и ввел в науку понятие «поколенческий союз» [5]. Им рассмотрены три типа поколений в зависимости от осознания себя как субъекта деятельности, когда у каждого поколения есть своевременное измерение и историко-культурное пространство. Мангейм придал понятию «поколение» социологическое содержание, связав процесс формирования поколений с процессами социальных изменений. Согласно определению ученого, критерием принадлежности к данному поколению является не только рождение каждой совокупности населения в один период времени, но и прохождение основополагающих жизненных этапов в конкретный период быстрых социальных изменений, что придает ей особое «историко-социальное самосознание», или коллективную идентичность. Последнее определяет дальнейшее отношение к жизни, поведение данной группы населения, что составляет ее отличительную особенность по сравнению с другими группами населения и позволяет выделить ее в «поколение».

Испанский философ Х. Ортега-и-Гассет в работе «Восстание масс» трактовал поколения как динамическую систему притягивания и отталкивания, которая в любой данный момент составляет реальность жизни [6]. Для него культурный и биологический процессы составляют некое единство, а развитие поколенческих групп, которые он измерял 15-летними периодами, определяется связями возраста с типичными характеристиками действия каждого человека. В целом поколение для испанского мыслителя выступает в виде субъекта исторической деятельности, верного политическим идеям своего времени.

Середина и конец XX века в западной (преимущественно — американской) научной традиции характеризуются двумя подходами к решению межпоколенческих проблем: с одной стороны, поколение трактуется как объект социализации (например, в исследованиях Т. Парсонса, Ш. Айзенштадта, М. Мида), с другой — как субъект социально–политического конфликта (Г. Маркузе, Л. Фойера).

Русский профессор-демограф А. П. Рославский-Петровский дал первую в истории социально-философской мысли классификацию поколений. В трудах Л. И. Мечникова, П. Л. Лаврова и Н. К. Михайловского содержится анализ социальной сущности поколений, их роль в жизни общества, рассмотрены проблемы преемственности и конфликтов поколений. Н. А. Плеханов в разрабатываемой им теории личности и ее роли

в историческом и социальном прогрессе не отделял ее от своего поколения и прямо указывал на зависимость формирования личностных качеств от участия в сходных общественных отношениях при восприятии личностью законов объективной необходимости и общественного развития.

Крупнейший русско-американский социолог П. А. Сорокин первым заговорил о социальном пространстве, имея в виду неоднородность поколенческих общностей, и социальное разделение внутри них в связи с характером социальной мобильности. В его трудах ведущее место занимает проблема взаимодействия поколений. Анализируя социальную структуру общества, ученый выделяет в ней поколенческие группы (по возрастному признаку), деля их на «закрытые» группы (по возрастным и некоторым социальным признакам) и открытые поколенческие ассоциации (по признаку добровольного взаимодействия).

Один из первых раскрывает понятие «поколение» И. С. Кон в «Социологии личности» (1967 г.). Он выделяет несколько значений данного понятия:

— степень происхождения от общего предка (генеалогическое поколение);

— сверстников, т. е. людей, родившихся приблизительно в одно и то же время;

— современников, т. е. одновременно живущих людей разного возраста;

— отрезок времени от рождения родителей до рождения их детей [7].

Системную разработку понятия «поколение» в 1973 г. представили авторы коллективной монографии «Преемственность поколений как социологическая проблема». Наиболее обстоятельно ее осветили социологи А. И. Афанасьева, А. А. Коробейников, Э. Я. Мозговая. Их объединяет в трактовке понятия «поколение» выделение двух главных признаков: возрастной дифференциации и характера социальной деятельности. Они также обратили внимание на то, что поколения не только следуют друг за другом, но и живут, взаимодействуя и совместно решая определенные задачи [8].

А. И. Афанасьева определяет поколение как «объективно складывающуюся конкретно-историческую совокупность близких по возрасту и сформировавшихся в один и тот же исторический период людей, характеризующуюся специфическими демографическими чертами» [9].

Понятие «поколение» включает в себя целый комплекс психологических, нравственных качеств как миллионов людей, так и личностных качеств наиболее ярких его представителей.

Итак, поколение это понятие, обозначающее разные аспекты родственной и возрастной структур исторического развития общества. Исключительным правилом социологии является изучение особенностей поколенного положения (статуса и роли людей различного возраста в данном обществе, их потенциальных возможностей), особенностей межпоколенной трансмиссии культуры, проблем поколенного единства, солидарности, адаптации каждого нового поколения в социокультурном информационном пространстве, соотношение поколенных структур и институтов с другими образованиями — национальными, половыми и классовыми.

Во-первых, поколение — это звено, ступень, колено в цепи происхождения от общего предка; это люди «однокровные в восходящем и нисходящем порядке с праотцами и потомками». Биолого-генеалогическое значение этого слова имеет древнейшее происхождение. Генерация, генеалогическое поколение характеризуется определенной длиной, при этом учитывается средний возраст до рождения ребенка: у женщин примерно 25—30 лет, у мужчин — на несколько лет больше, в среднем — 30—33

года. Родословная, «поколенная роспись», генеалогическое древо фиксируют историю рода, историю человека.

Во-вторых, понятием «поколение» обозначают однородную по возрасту группу людей — когорту. Совокупность сверстников образует возрастной слой населения. Это, например, юноши, прошедшие инициацию, или более широкое понятие — молодежь, или пенсионеры.

В-третьих, большое значение для социального анализа имеет понятие «хронологическое поколение», с помощью которого характеризуется определенный период времени, в течение которого живет то или иное поколение, стадии онтогенеза, процесса социализации, жизненного пути от детства до старости.

В-четвертых, понятие «поколение» употребляется как духовно-символическое, объединяющее историко-культурную общность современников, жизнь которых связана с какими-либо важными историческими событиями, пронизана «духом времени», единством идейных, нравственных позиций (например, «комсомольцы 20-х годов», «поколение Великой Отечественной войны») [10].

Проблемы поколений носят междисциплинарный характер. В силу своей многозначной и многоаспектной природы отношения поколений являются предметом исследования разных наук.

Поколение, рассматриваемое демографами (демографическое поколение), определяется исходя из года рождения определенной совокупности населения, и намного ближе к статистическому определению «когорта». Часто в исследованиях рассматривается семейное поколение, критерием которого служит принадлежность к различным ветвям семейного генеалогического древа (прародители, родители, дети, внуки и т. д.). Одно из наиболее старых определений, пришедших еще из XIX века, связано с трактовкой поколения как временной категории, представляющей разницу между возрастом родителей и детей. Оно широко использовалось при анализе истории общественной мысли и истории человеческого прогресса. Данное определение скорее определяет длину поколения, причем не очень точно: она имеет слишком большую вариацию значений — от менее 20 лет до более 40 лет. Кроме того, длина поколения зависит от социальных норм в области деторождения и размера семьи, характерных для разных обществ, что также ставит под вопрос универсальность данного определения [9].

Социальная философия трактует поколение, в первую очередь, как тип социальной связи и символической солидарности действующих индивидов в конкретном социальном пространстве. Поколение воспринимается в рамках представления о границах в его общих социальных и культурных нормах, значимого опыта, типовых реакций, а также в способах перехода от поколения к поколению. Человек рассматривает себя в составе ровесников как единой возрастной единицы, ощущая одновременную связь как минимум с двумя подобными группами — молодежью и пожилыми людьми, субъектами социального пространства. Жизнедеятельность поколений, хронологически определенных, особенности социализации индивида в рамках различных исторических периодов и этнических сообществ изучает этнография. Изучение этногенеза, быта, культурно-исторических отношений органически связано с социологией. В этнографии членение жизненного пути выглядит не просто как естественно-биологическое, а как социокультурное, культурно-символическое. Выяснение культурно-специфических свойств возрастных общностей сближает этнографию и социологию.

Огромную роль в познании и регулировании процессов развития личности играют возрастная психология как относительно самостоятельная наука, а также педагогика, соционика и др.

В советский период проблема поколений освещалась с позиций господствующей идеологии. После распада СССР данная проблема выразилась в отказе от ориентации молодежи на ценности старшего поколения, породив новый виток острых межпоколенческих конфликтов. Изменились демографический состав поколений, их возрастная и групповая характеристика, что потребовало от социологов, демографов, философов описания и изучения картины, сложившейся внутри поколенческих сообществ. Разрушение советской системы привело не только к краху экономической и политической структур, но и к глобальной переоценке ценностей. При этом ценностный ряд, свойственный молодым людям, воспитанным во времена нарушения и разрушения практически всех возможных общественных табу, был едва ли не полностью противоположным тому, при котором росло и формировалось поколение их родителей. Советская система внедряла в сознание граждан убеждение в полностью устроенной личной и общественной судьбе; молодые люди перенимали опыт старших без тени сомнения, ибо прошлое гарантировало будущее [4].

В современных исследованиях понятие «поколение» имеет ярко выраженное экономическое содержание. Поколение трактуется как группа населения, характеризующаяся специфическим уровнем благосостояния, или более широко — уровнем социально-экономического благополучия. Поколение — результат структурирования общества, в процессе которого отдельные возрастные группы отличаются присущими им особенностями последовательного прохождения через основные этапы жизненного цикла: образование, период занятости, пенсионный период. При этом критерий поколения имеет количественное выражение в виде оплаты труда, вклада в систему социального обеспечения и размеров получаемых пособий [11].

При всем значении различных наук в изучении поколений как субъектов общественного развития общесодержательная сторона проблемы может решаться лишь социологией. Социальный смысл идеи единства всех поколений рода человеческого, исторической преемственности культуры, особенностей поколенного положения (статуса и роли людей различного возраста и происхождения в данном обществе) — все это прерогатива социологии. Идея единства поколений явилась одной из центральных в трудах О. Конта, которого называют «отцом социологии». Он писал о Человечестве как о совокупности ушедших, ныне живущих и будущих поколений. Социология изучает поколенное положение — статус, место людей определенного возраста в данном обществе, их потенциальные возможности; особенности межпоколенной трансмиссии культуры, прерывность и непрерывность, неравномерность в развитии процессов преемственности и конфликтности между поколениями «отцов» и «детей», проблемы поколенного единства, солидарности, адаптации каждого нового поколения в социокультурном, информационном пространстве; выработки общих идеалов; соотношение поколенных структур и институтов (молодежные организации, объединения ветеранов и пр.) с другими социальными образованиями — национальными, половыми, классовыми и др.

Литература

1. *Василенко Н. Ю.* Социальная геронтология: Учебное пособие. — Владивосток: ТИДОТ ДВГУ, 2005. — С. 34.
2. *Антология исследования культуры.* — СПб.: Университетская книга, 1997.
3. *Маркс К., Энгельс Ф.* — Соч. Т 3.
4. *Качалов П. Н.* Воспроизводство социального пространства региона (демографический аспект) / П. Н. Качалов // Регионология. — Саранск, 2007. — № 2. — С. 154—161.
5. *Манхейм К.* Избранное. Социология культуры. — М., 2000.
6. *Ортега-и-Гассет Х.* Восстание масс // Эстетика. Философия культуры. — М., 1991. — С. 482.
7. *Кон. И. С.* Социология личности. — М., 1967. — С. 109.
8. http://zykov.name/doc_6.html
9. *Афанасьева А. Н.* Исторический процесс и смена поколений // Преемственность поколений как социологическая проблема. — М., 1973. — С. 20—24.
10. *Кошарная Г. Б., Чернюк П. Д., Андросова Л. А., Капезина Т. Т., Попов А. С.* Социология: Методические указания. — Пенза: Пензенский гос. ун-т, 2003. — 87 с.
11. *Смирнова Е. А.* Риск конфликта между поколениями в современной России: семья, общество, государство. — М., 2003.
12. *Спасибенко С. Г.* Поколения как субъекты общественной жизни // Социально-политический журнал. — 1995. — № 4. — С. 118.

А. В. Хандожинська
кафедра соціології, ІСН, ОНУ імені І. І. Мечникова,
к. 40, Французький б-р, 24/26, м. Одеса-58, 65058, України

ПОНЯТТЯ «ПОКОЛІННЯ» В МІЖДИСЦИПЛІНАРНОМУ КОНТЕКСТІ

Резюме

У статті наведені трактування поняття «покоління» з точки зору різних наук. Розглядається генеалогічний, демографічний, філософський, історичний, соціологічний аспекти цього поняття. Показана специфіка стосунків між поколіннями в різних галузях наукового знання (соціальній філософії, культурології, соціології і так далі). Стаття присвячена малодослідженій галузі — відносинам поколінь в умовах трансформації сучасного українського суспільства.

Ключові слова: покоління; взаємодія поколінь; міждисциплінарний підхід.

A. Khandozhynska
Odessa National I. I. Mechnikov University,
The Institute of Social Sciences, sociology.
r. 166a, Frantzuzskiy bul'var, 24/26, Odessa-58, 65058, Ukraine

A CONCEPT «GENERATION» FROM POINT OF DIFFERENT SCIENCES

Summary

Interpretations of concepts are presented in the article «generations» from point of different sciences. Examined — genealogical, demographic, philosophical, historical, sociological aspects of this concept. Displayed the specific of relations between generations in the different areas of scientific knowledge (social philosophy, culture, sociology etc.). The article is devoted scantily explored area — to the mutual relations of generations in the conditions of transformation of modern Ukrainian society.

Key words: generations; relations between generations; «generations» from point of different sciences.

«ПАМЯТИ ИРИНЫ МАРКОВНЫ ПОПОВОЙ: УЧЕНОГО, УЧИТЕЛЯ, ДРУГА» — по материалам «круглого стола», проведенного 12 сентября 2008 года в рамках Второй международной конференции «Одесские социологические чтения», посвященной памяти И. М. Поповой

Невосполнимо быстро течение земного времени — минуло уже два года с того момента, когда 28 мая 2008 года безвременно ушла из жизни Ирина Марковна Попова, доктор философских наук, профессор кафедры социологии Института социальных наук Одесского национального университета им. И. И. Мечникова. Ее жизнь вместила в себя прекрасную и трагическую эпоху — вторую половину XX века, начало нового XXI столетия — время воодушевлений и разочарований, время веры в безграничные возможности человека и необходимость социального прогресса и время глобального переосмысления человеческого предназначения в этом мире. Все эти вехи Ирина Марковна Попова прожила как участница событий и как ученый-социолог, которому было присуще «социологическое воображение»: неравнодушие ко всему происходящему, чуткое внимание к судьбе каждого встретившегося на ее пути человека, осмысление всего свершающегося и свершившегося сквозь призму интересов простых людей и одновременно умение подняться над эпохой и увидеть достижения и просчеты как в жизни всего общества, так и в жизни научного сообщества социологов, которому она верно служила такое долгое и такое невосполнимо короткое время, всю свою земную жизнь.

Формат «круглого стола» позволил нам собрать воедино разножанровые размышления коллег, друзей и учеников Ирины Марковны Поповой, в которых нашли воплощение не только научные рефлексии, но и повседневные воспоминания о талантливом Ученом, великолепной Женщине, великодушном и мужественном Человеке, замечательном Учителе и Друге.

В «круглом столе» приняли участие: Е. И. Головаха, доктор филос. наук, профессор, зам. директора Института социологии НАН Украины, Г. П. Бессокирная, канд. экон. наук, доц., старший научный сотрудник Института социологии РАН, Н. А. Победа, доктор филос. наук, проф. кафедры социологии ИСН ОНУ им. И. И. Мечникова, Э. А. Гансова, доктор филос. наук, проф. кафедры социологии ИСН ОНУ им. И. И. Мечникова, Е. В. Князева, канд. соц. наук, доц. кафедры социологии ИСН ОНУ им. И. И. Мечникова, О. Р. Лычковская, канд. соц. наук, доц. кафедры социологии ИСН ОНУ им. И. И. Мечникова, С. В. Романенко, канд. соц. наук, доц. кафедры социологии ИСН ОНУ им. И. И. Мечникова.

Е. И. Головаха

СОЦИОЛОГИЧЕСКАЯ ШКОЛА И. М. ПОПОВОЙ И ЕЕ УРОКИ

Ирине Марковне Поповой принадлежит уникальное место в украинской социологии. Она была первым социологом Украины, чей профессиональный статус получил

официальное подтверждение. Ее докторская диссертация защищена по экзотической в 70-е годы прошлого столетия философской специальности «прикладная социология». Этот факт сам по себе свидетельствует об уникальной позиции И. М. Поповой в отечественном социологическом сообществе. Быть первооткрывателем всегда трудно. И не только потому, что нужно осваивать технические нюансы защиты по новой и весьма рискованной специальности. Главная трудность — это отсутствие привычных рамок, стандартов, идеологических клише, которые в те времена были атрибутом «успешных» диссертационных работ по общественным наукам. Все понимали, как писать работы по канувшим в Лету историческому материализму и научному коммунизму, но мало кто мог представить себе, с какими проблемами столкнется философ, специализирующийся в загадочной области прикладной социологии. И великое благо для нашей социологии, что именно Ирина Марковна отважилась стать первым дипломированным доктором.

Я не буду специально говорить об Одесской социологической школе в классическом науковедческом понимании категории «научная школа» — пусть об этом скажут ученики и последователи Ирины Марковны. Когда ученый и педагог такого масштаба более полувека трудится в одном городе — руководит многочисленными исследованиями, преподает в университете, постоянно выступает в городских СМИ — результаты его работы должны во многом повлиять на интеллектуальную жизнь города и самосознание его жителей. Думаю, об этом должны сказать сами одесситы, отдавая дань памяти выдающемуся ученому и удивительному человеку, каким я знал Ирину Марковну и по научным трудам, и по личному общению. Впрочем, об этом уже написала О. Д. Куценко в блестящей рецензии на последнюю книгу Ирины Марковны «Диагноз времени»: «Если признать, что научная школа — это традиция, преемственность, особый научный этос, исследовательские программы, генерируемые крупным ученым, вокруг которого группируются ученики, сделавшие совокупный заметный вклад в науку, то мы вполне можем говорить об уникальной Одесской школе социологии, лидером которой была Ирина Марковна Попова» [1].

Чем Ирина Марковна отличалась от многих авторитетов общественной науки в советские времена — так это полным отсутствием интереса к месту человека в социальной иерархии. Каждый мог получить от нее заслуженную похвалу или хулу независимо от статуса. Я это почувствовал и на своей ученой шкуре в те времена, когда критики в мой адрес мне стало явно не хватать. Вот тут-то Ирине Марковне и попалась моя статья про более высокий уровень благосостояния обнищавших граждан независимой Украины в середине 1990-х в сравнении с гражданами блаженных времен застоя начала 80-х. Мне казалось, что я все очень удачно обосновал эмпирически и вполне адекватно сделал вывод о феномене «массового психологического обнищания», непосредственно не связанного с реальным обнищанием, о котором в те времена принято было говорить как о факте постсоветской действительности, который невозможно подвергать сомнению. Не считал необходимым реагировать на обвинения левых идеологов в апологетике либеральных иллюзий, в манипулировании данными социологических исследований, поскольку понимал, что к науке эти обвинения никакого отношения не имели. Поначалу несколько снисходительно воспринял и возражения Ирины Марковны, которые она высказала мне в личном общении. Ее аргументы, в отличие от моих, основывались не на конкретных данных. А вот и первый урок, который я вынес из Школы И. М. Поповой: через пару лет в наш журнал пришла

статья, в которой ученица Ирины Марковны уже на основе конкретных исследований опровергала мои выводы. До сих пор не знаю, кто из нас был прав. Наверное, истина находилась где-то посредине. Но зерно сомнения было посеяно. С тех пор я был осторожнее в своих выводах, поскольку недоразрушенное и недостроенное постсоветское общество — противоречиво в самой своей сути.

Другой урок — это отношение Ирины Марковне ко мне — тогда еще относительно молодому социологу, которого высшие инстанции в начале 80-х годов прошлого столетия послали в Одессу проводить опрос. Приданные мне городскими властями социологи оказались ленивыми и лукавыми. Жаловаться на них инстанциям я, конечно же, не стал, а просто обратился за помощью к Ирине Марковне, которая никаких обязательств передо мной не имела. Она посмотрела анкету, ей идея понравилась, и несколько дней она и ее ученики помогали мне проводить опрос, вводить и обрабатывать данные. Помоги слабому и не дай обнаглеть сильному — думаю, эти уроки из Школы Ирины Марковны Поповой могли бы извлечь многие из нас. Это не означает, конечно, что в Школе не было санкций. Вспоминаю ученые советы по защите диссертаций, на которых присутствовала Ирина Марковна. Когда она брала слово, уши прижимали все — критика была справедливой, жесткой и последовательной. Для меня во многом было критерием высокого качества диссертации желание соискателя пригласить оппонентом Ирину Марковну. Если не убоялся ее возможной критической оценки, значит работа подготовлена добросовестно и профессионально. В связи с этим хочу привести цитату из текста, подготовленного ведущими нашими социологами Наталией Костенко и Сергеем Макеевым в номер журнала «Социология: теория, методы, маркетинг», посвященный памяти И. М. Поповой: «Поддержать притязание быть социологом в условиях глубокого дефицита обучающей литературы и образцов, которым стоило бы следовать, увидеть в первом научном труде то, что самому автору еще не разглядеть, обозначить перспективу — это мы также перенимали у Ирины Марковны. Тем более что оказались включенными в опыт ее работы. У нас обоих она была оппонентом и кандидатских, и докторских диссертаций, и мы хорошо помним, как высоко значимыми были ее поощрения и порицания, как непоколебимо уверены мы были в том, что ее-то вердикт будет справедлив» [2].

Еще один очень важный для меня урок связан с постоянным творческим поиском, который отличал Ирину Марковну в последние годы работы, когда она, освободившись от административных функций, смогла полностью сосредоточиться на творчестве. Все ее статьи, которые мы с гордостью публиковали в нашем журнале, отличалась не просто свежими идеями, но, прежде всего, открытием новых направлений социологических исследований. Меня поражало то, что она не подводила итоги многолетней исследовательской работы, а искала новое там, где многие ее более молодые коллеги этого не видели. В этом она была очень похожа на своего однокурсника Владимира Александровича Ядова, который, как и Ирина Марковна, вполне мог пожинать плоды заслуженного признания, но постоянно находится в творческом поиске. Общей их чертой является и ясность мышления, способность о сложном говорить так, что не понять их мысль могут только совсем уж ограниченные и малообразованные люди. Именно поэтому учебники, подготовленные Ядовым и Поповой, до сих пор являются одними из лучших в постсоветском социологическом пространстве. Мое мнение в оценке учебника для студентов, наверное, не самое веское, поскольку со студентами общаюсь редко. Но вот мнение преподавателя социологии: «Существуют

тексты, которые стали привычными для восприятия, поскольку не один год по ним учатся студенты, тексты, которые ты рекомендуешь для прочтения, не задумываясь, ведь это то, что будущим специалистам-социологам знать просто необходимо. К таким текстам относится учебник Ирины Марковны Поповой «Социология. Пропедевтический курс», за 12 лет ставший своеобразным украинским научным бестселлером. Его особенностью является простота изложения материала, четкость формулировки базовых научных понятий и особый авторский стиль. Такого рода тексты — учебники по введению в специальность — представляют собой особый и крайне сложный для написания жанр научной литературы. Только настоящий профессионал, обладающий щедростью и даром просветителя, может написать учебник, пользующийся длительным читательским спросом. Такой учебник оставила нам Ирина Марковна Попова» [3].

Особое значение для меня имеет одна из последних публикаций Ирины Марковны, которую она подготовила по материалам своего доклада на I Международных социологических чтениях памяти Наталии Паниной в декабре 2007 года. Это истинное научное завещание, в котором с особой нравственной силой звучит ее обращение к молодым социологам: «Помните о том, что за вами — не пустота, вам есть от чего отталкиваться. Мы были и мы еще есть, и желаю вам активно и успешно работать на благородном поприще социологии» [4].

И последнее... В 2001 году мы отмечали юбилей Ирины Марковны. В связи с этим в нашем журнале было опубликовано интервью, подготовленное ее учениками и коллегами. Были там и два вопроса, ответы на которые оказались пророческими:

«**Ваше самое заветное желание?**

И. П.: Если смерти — то мгновенной. Если раны — небольшой.

Какова Ваша главная жизненная цель?

И. П.: Сейчас одна главная цель — оставить о себе добрую память в сердцах людей, чтобы вспоминали «не злым, тихим словом» [5].

Мы помним. И должны сделать все, чтобы эта память оставалась живой и после нас.

Литература

1. *Куценко О.* Диагноз времени глазами Ирины Марковны Поповой (Попова *И. М.* 1989–1991. Диагноз времени (Одесситы о себе и переменах в обществе). — Одесса: Астропринт, 2006. — 232 с.) // Социология: теория, методы, маркетинг. — 2008. — № 3. — С. 218.
2. *Костенко Н., Макеев С.* Дорогая Ирина Марковна // Социология: теория, методы, маркетинг. — 2008. — № 2. — С. 10—11.
3. *Отрешко Н.* Запоздалая читательская благодарность... // Социология: теория, методы, маркетинг. — 2008. — № 2. — С. 11.
4. *Попова И.* Публичность как проблема функционирования социологии в Украине // Сучасний стан та перспективи розвитку соціології в Україні та Європі: Матеріали Міжнародних соціологічних читань пам'яті Н. В. Паніної — К.: Ін-т соціології НАНУ, 2008. — С. 59.
5. *Интервью с Ириной Марковной Поповой* // Социология: теория, методы, маркетинг. — 2001. — № 1. — С. 210.

Н. А. Победа

РАЗМЫШЛЯЯ О СОЦИОЛОГИЧЕСКОМ ТВОРЧЕСТВЕ И. М. ПОПОВОЙ

Круг научных интересов И. М. Поповой достаточно широк. Если только обратиться к научным изданиям, то это «сознание и трудовая деятельность», «сознание и реальное поведение»», социальные технологии как приложение теоретической социологии к социальным практикам в разных областях национальной экономики», «повседневные идеологии в их эволюции развитии» и «социальное время», фиксирующее качественные изменения в способах мышления и способах действия отдельных групп и целых государств.

Но при всем разнообразии тематики внимание Ирины Марковны сосредотачивалось на предмете методологии социального познания или реалиях социальной практики, за необходимость преобразования которой она выступала и ратовала как активный борец со своими конкретными предложениями и действиями.

Оценивая вклад в развитие социологической науки, остановлюсь на трех позициях, которые кажутся мне особенно значимыми.

I. Прежде всего это **категория «социальность»**, представляющая базис методологических подходов к любому виду структурирования исходных концептуальных позиций. «Социальность», по мнению И. М. Поповой, означает совместный характер деятельности индивидов и разных социальных групп, связанный с удовлетворением многообразных потребностей, интересов и осуществляющийся посредством присвоения предметно-вещественных, материальных условий и обеспечивающих воспроизводство человека как общественного существа. В связи с этим *социальная сфера* обозначается как основание поддержания жизни или как бы сказали мы сейчас — развития (совершенствования) качества жизни, а *социальные отношения* — характеристика *связей между людьми*, *способы взаимодействия*, которые складываются в процессе присвоения материальных, предметно-вещественных условий и средств жизнедеятельности.

Неразрывность связи экономических, политических, культурных отношений в их общем социальном статусе очевидна. Однако трудность разграничения так же вызывала в свое время много дискуссий в научной среде, поскольку связь их не только сложна, но и противоречива. И. М. Поповой удалось, как мне кажется, достаточно корректно развести смыслы, составляющие сущность каждой пары. И «социальные» и «экономические» отношения, работая одновременно на задачу распределения, обмена и потребления, с одной стороны, акцентируют внимание на вовлеченности человека в жизнедеятельность, его воздействии на воспроизводство и развитие различных качеств, свойств, умений, компетенций (социальные отношения), с другой — на результативности такой деятельности и способе связи, проявляющейся в производительности труда, воплощенных в нем свойств и умений (экономические отношения). В свою очередь «социальные» и «культурные» отношения фиксируют зависимость человеческого взаимодействия как от объективно-предметных, вещественных факторов (условий жизни и вовлеченности в деятельность по производству, распределению, обмену), так и субъективно-ценностных, неизбежно сопровождающих критическое отношение к уже сделанному или планируемому, и представленное обычно в символических и знаковых системах. В связи с этим различением И. М. Попова рас-

сматривает далее такие категории, как «социальная политика», «социальное государство», «социальное благосостояние», и оценку гражданами проводимой государством политики.

Таким образом, используя тезис К. Маркса о присвоении условий бытия и выстраивая специфические научные конструкции вовлеченности в реальные и многообразные социальные практики, удается до некоторой степени обосновать собственно социологический угол зрения относительно «социального» как базиса всех видов общественных отношений, «увязать» взаимодополнительность и некую самостоятельность «объективного» и «субъективного».

II. Понимание природы «социального» непосредственно связано с характером социологического объяснения, того глубинного уровня, который не лежит на поверхности, а представляет собой латентные и многомерные связи. Традиционно такими отработанными направлениями факторной зависимости являются условия жизнедеятельности, либо ценности и нормы. Либо социально-демографические характеристики. В современном понимании системы ценностей классифицируются по разным основаниям (школа М. Рокича — «базисным» и «инструментальным», Инглехартом — «материалистическим» и «постматериалистическим», ситуативным, религиозным и т. д.). В конце 60-х годов таких развернутых конструктов еще не было. Т. Парсонс, вводя понятие системы в социологическую науку, относил их к «культурным компонентам», понимая под этим совокупность оценок, представлений о хорошем и плохом, справедливом и несправедливом, должном и не должном». По его мнению, система ценностей определяет лицо общества, положение различных институтов и «завязывает» действующих лиц в систему.

Сам системный подход к рассмотрению общества начал только формироваться. А. И. Уемов один из первопроходцев представления об обществе — системе как предмете исследования. Замечал, что для построения модели системы недостаточно констатировать отношения между вещами. Необходимо выделить то свойство отношений, которое будет играть роль *системообразующего признака*. И. М. Попова, работая под руководством А. И. Уемова и разделяя его увлеченность системным подходом, включилась в соответствующие научные дискуссии. Публикуя статью «Системный подход и проблема ценности» («Вопросы философии», 1968, № 5), она обратила внимание на то, что с помощью теорий системного анализа и ценностно-нормативных регуляций можно нащупать те механизмы, с помощью которых «идеи овладевают массами», и те силы, которые делают идеи практически значимыми. Отдавая дань новой теории, она считала инструментом объединение микро- и макроподходов, эмпирической и теоретической социологии. Со свойственной ей последовательностью она обратилась к категориям «норма» и «ценности», показала их несводимость друг к другу и обратилась к научному сообществу с вопросом «Как формируется система ценностей и чем объясняется ее противоречивость?»

И в последующие годы И. М. Попова критично относилась к ценностной системе. Она считала, что не следует рассматривать ее как общую социологическую теорию, а скорее следует перевести в разряд специальных. А в переводе В. А. Ядова ценностной школы американского социолога М. Рокича усматривала неточность предаваемых смыслов.

«В конце 90-х годов категории «ценностных систем и ценностных ориентаций» активно разрабатывались разными национальными школами с учетом разных поста-

новочных задач». В современном понимании они рассматриваются и как рамочные объективные условия субстанционального характера, в которых действуют люди, и как отношения между социальными позициями, выражающие их оценку, и как социальные структуры, организующие социум наряду с другими аналогичными формами. Но всегда вовремя поставленные вопросы получают то или иное разрешение. И это сделала И. М. Попова.

III. Динамическая социология или социология изменений — сравнительно новое направление в социальных науках. Общества никогда не являются тем, чем они кажутся или хотят казаться. Это подчеркивает уязвимость лютой системы отношений. Все общества обнаруживают случайности функционирования, делающие нестабильными временное равновесие. В то же время каждое общество заключает в себе новое и любой социальный порядок имеет проблематичный характер, поскольку является нестабильным компромиссом сил структурации и деструктурации. Как же понять характер изменений и их направленность для общих целей развития?

Динамическая социология выбирает в качестве предмета исследования специфические феномены, при этом не меняет своего взгляда: объективности, одновременно «понимающей» и «объясняющей» характер перемен.

Представленная монография И. М. Поповой «Диагноз времени» отвечает этому новому направлению и рассматривает «критические феномены»: кризис перестроечного времени, который проходил, по мнению автора, на конец 80-х годов; ожидания населения, связанные с переменами, отхода от государственного социализма и тоталитаризма; и изменения общественного сознания, вызванные ломкой традиционных структур. Она удачно укладывается в жанр историко-социологических очерков, поскольку объясняет новые смыслы ожиданий, всплеска активности населения, разочарованный в контексте социального сравнения и одновременно, не загадывая структурные и системные схемы, проблематизирует социальную реальность и социальное время фрагментами взаимодействия или «игры» власти с разными политическими силами, суть социально-экономических отношений, обозначенного периода, а также конфигурации межнациональных тенденций.

Теоретическая значимость работы состоит в проблематизации переходного периода, когда происходят изменения структур. Дискуссиям о диаметре традиционного и современного общества придается новый смысл: какого рода традиционализм вытесняется — фундаментальный, формальный (советского типа), инструментальный или демонстрационный. Неслучайно автор выбирает в качестве категории, вокруг которой обсуждается вектор проблем, — «социальную справедливость». Она по-новому открывает тему власти, динамизма отношений между структурами власти и рядовыми гражданами, призванными обеспечить развитие страны. Это относится и к ряду других категорий.

Удачно найдена форма подачи материала. Историческая логика событий и опросов, характеризующих сложный период, — конец жизни советского государства — предваряется исторической хроникой деятельности государства и КПСС указанного периода. Драматургический сюжет интенсивных действий структур власти показывает, как нарастает напряженность в обществе. Это особенно важно для молодого поколения, которое не знает о роли фракции «Демократическая платформа» и попытках демократизации общества в контексте жестокой ломки традиционализма в пользу современности.

Институциональный аспект как самостоятельная сюжетная линия не нашел отражения в работе, но примечателен факт взаимодействия политических радикалов, средств массовой информации и социологов в едином порыве — донести до общества суть перемен и высветить гражданскую позицию субъектов перестройки. Каждая из дисциплин — политология, журналистика, социология — оперировала при этом своими средствами при общей цели.

Заслуживает уважения авторский комментарий: он фиксирует как эволюцию общественного сознания, так и прозрение самих социологов, выстраивающих инструментарий исследования на определенном историческом отрезке времени. Тем самым И. М. Попова «феномен кризиса» развертывает во всем спектре — как обнажение противоречий социальной реальности, как момент просветления тех, кому не удается контролировать саморегулирующуюся социальную реальность, как желание верить и способность обманывать тех, кто полагается только на управление сверху и как «прозрение» самих социологов, оттачивающих способы анализа и интерпретации «порядка в социуме».

Работа снабжена приложением, что подтверждает диагностику социальной реальности того периода и верифицирует собственно социологические задачи. Методически отработанная и структутированная по стратегическим целям монография И. М. Поповой имеет самостоятельное значение как для оценки исторического и социального контекста, так и для хроник собственно социологической деятельности.

Вместе с тем рефлексивный взгляд на событья конца 1980 — начала 1990-х годов мог быть более острым. Категория «социальной справедливости» не устарела и сейчас. Но в новом общественном устройстве она не столь идеологизирована, как ранее, а скорее сильно прагматизирована. Хотелось бы надеяться, что появится новое поколение социологов, у которых она сможет раскрыться.

Не вполне обоснован в работе выбор методов, которыми добывалась информация в период конца 1980 — начала 1990-х годов. Создается впечатление, что такой выбор был данью моде или подтверждением отсутствия финансирования. Однозначно одно — украинская социология и в конце XX века только открывала окно в большой мир, все еще пребывая на этапе становления.

Есть претензии к специфике объекта исследования — одесситам как социальной общности. Он обладает своими особенностями. Из материалов исследования не вытекает как Одесса, которая говорит о себе, что она «не первый город, но и не второй», выглядит в этом общем для страны зеркале общественного мнения.

Э. А. Гансова

ИРИНА МАРКОВНА ПОПОВА — ЧЕЛОВЕК И СОЦИАЛЬНЫЙ ФЕНОМЕН (феноменальный человек)

Социология для И. М. Поповой была не абстрактной наукой. Это было эмоционально пережитое знание. Рациональность в данном случае проходила эмоциональную проверку на истинность и отвергалась, если не находила чувственного подтверждения.

Повседневность была для нее источником идей, творческих концепций. Огромный объем научной информации она осмысляла по-своему.

Эмоциональная доминанта не позволяла ей быть беспристрастной. Но ее субъективность привносила в социологическое знание свежесть и новизну.

Еще одной особенностью И. М. Поповой было отсутствие чувства конъюнктуры. Будучи духовным диссидентом в советское время, она сохраняла «верность» марксизму в постсоветский период, когда творчество К. Маркса было «обесценено» на идеологическом рынке. Ее привлекало в марксизме все то, что подтверждалось повседневной практикой, ее жизненным опытом, событиями, происходившими в стране и мире.

Собственное осмысление классики и современности делало ее работы творческими и новаторскими.

И. М. Попова вместе с блестящей плеядой представителей ленинградской (питерской) школы (В. Ядовым, А. Здравомысловым) была автором и разработчиком «социологии труда», «промышленной социологии», «социологии управления» в 1960—1970-е годы.

Ее книги «Сознание и трудовая деятельность», «Введение в социологию: пропедевтика», «Повседневные идеологии», как и многие другие монографические издания, статьи в российских и украинских журналах, являются бесценным научным и учебным материалом.

Тексты ее работ заставляют читателя задуматься над множеством современных проблем. Вот те из них, которые имеют форму открытых вопросов. «Какой вид деятельности можно называть словом «труд» сегодня?»; «В условиях рыночной экономики труд — это «самоценность» или средство приобретения ценностей?»; «Что следует называть идеологией в XXI веке?»; «В условиях «идеологического вакуума» идеология творится массовым сознанием?»; «Каковы причины динамики ценностного сознания украинского общества?» и многие другие.

Дистанция, возникшая между И. М. Поповой и нами, вызванная ее неожиданной смертью, позволяет по-новому взглянуть на нее как на ученого и человека, педагога и исследователя социальных систем. Диапазон ее научных интересов охватывал как макропроцессы (экономика, политика), так и микропроцессы (проблема «социального сиротства»).

Научное наследие И. М. Поповой, концепции, принципы и подходы, которые мы находим в ее книгах и статьях, продолжают влиять на формирование социологического сознания и социологических знаний нового поколения профессиональных социологов.

С. В. Романенко

ИСТИННЫЙ УЧЕНЫЙ В РЕАЛЬНОМ МИРЕ

Ирина Марковна Попова принадлежала к славной когорте ученых, сформировавшихся в эпоху тотального материализма и веры во всемогущество науки. Задача социологической науки для нее, как человека глубочайших и всесторонних познаний, не ограничивалась изучением и коллекционированием социальных закономерностей, а состояла в необходимом использовании их для изменения и совершенствования социальных процессов. Социология как наука должна была настойчиво развиваться по этому трудному, но замечательному и единственно перспективному пути.

Именно поэтому Ирина Марковна неутомимо включалась в борьбу за то, что считала правильным, не жалела сил на хождение по инстанциям и кабинетам с тем, чтобы

изменить существующее положение дел. Результаты проводимых исследований подсказывали ей очередную болевую точку нашего общества, которая требовала всеобщего внимания. Так Ириной Марковной была начата и завершилась победой борьба с реформой ЖКХ в Одессе. Она настойчиво указывала чиновникам на несостоятельность мер, предпринимающихся для помощи беспризорным детям. Доказывала необходимость введения изучения русского языка в одесских школах и т. д.

Мое знакомство с работами Ирины Марковны началось с книги «Стимулирование трудовой деятельности как способ управления». Тогда еще начинающего исследователя с математическим образованием, меня поразила строгость, логичность и следующие из этого простота и ясность определений. Ее научные доклады на конференциях, кафедральных семинарах всегда были невероятно глубоки и содержательны, опирались на солидную теоретическую и эмпирическую базу, но при всем этом неожиданно просты для понимания.

Секрет этой простоты заключался в кропотливом труде Ирины Марковны, а также ее невероятной щедрости. Эта щедрость проявлялась в желании поделиться с другими результатами своего труда. Именно это заставляло искать те слова, которые наиболее кратко и точно выражали мысли; отказываться от искушения использовать излишне сложную терминологию; строить свое выступление логично и последовательно. Ирина Марковна всегда внимательно вычитывала статьи и работы ее учеников и четко указывала на малейшие логические противоречия, что было очень полезно и существенно упрощало дальнейшую работу.

Ирина Марковна всегда готова была поделиться собственными идеями и наработками с другими, упорно добивалась создания банка данных проводимых исследований с тем, чтобы поставить социологию на службу общественным потребностям, а также более прочно привязать исследовательскую активность подрастающего поколения социологов к реалиям нашего дня. Ирина Марковна не приветствовала занятия наукой ради «спортивного интереса» или удовлетворения собственного научного любопытства. Изучать всегда следовало то, что соответствовало запросам общества в данный момент.

Именно поэтому так тяжело было работать в последние годы: жизнь вокруг теряла ту логику, которой так тщательно следовала Ирина Марковна, мир перестал быть логичным. Общественные явления и происходящее рядом все чаще не подчинялись законам элементарной логики, приходилось довольствоваться только сиюминутным объяснением событий. Как понимающему социологу, ей удавалось тонко чувствовать, понимать и объяснять происходящее, но как ученый с глубоким рациональным мышлением, она упорно искала и указывала рациональный и логичный путь решения проблемы.

Социологу мало понимать и объяснять происходящее, социология как наука должна предлагать реальные способы совершенствования и развития общества, а также настойчиво пропагандировать их внедрение. Именно таким социологом была Ирина Марковна: истинным ученым в реальном мире.

О. Р. Лычковская

HOMO SAPIENS — ЧЕЛОВЕК ПРАКТИЧЕСКИЙ

Ирина Марковна Попова известна как ученый, занимавшийся проблемами социальной философии, системной методологии, общей теории социологии, социологи-

ческой методологии, экономической социологии и социологии труда, социального управления, социологии повседневности и социологии личности. Но сама она себя считала автором концепции стимулирования как качественно отличного от ценностно-нормативного способа регулирования человеческого поведения и деятельности, и концепции «двойственности человеческого опыта» (предметно-практического и символического).

Размышления о субъекте как человеке практическом, как «действующем лице» Ирина Марковна всегда предваряла методологическими рефлексиями о значимости «объективно-предметной» составляющей социума. Так, в своей статье «**Был ли Маркс социологом?» [1]** Ирина Марковна замечает: «Но существует иная, не натуралистическая в строгом смысле слова, версия «объективно-предметного» подхода к общественным явлениям. Согласно этой версии, принадлежащей Марксу, проводится четкое различение «природного» и «общественного», «вещей» и «субъектов деятельности», признается значимость человеческого опыта и человеческой активности. Однако признание специфики «общественного» не связывается здесь с культурно-ценностной природой общественных систем и ценностно-смысловой стороной человеческой деятельности. И то и другое описывается и объясняется под определенным углом зрения: главное — это объективная логика действий, предметно-практической деятельности. Соответственно, общество рассматривается Марксом как совокупность качественно-различных отношений (экономических, социальных, политических, нравственных, правовых, религиозных и др.), которые носят объективно-практический характер. Прибегнув к языку системного анализа, можно сказать: представление, что общество является системой качественно различных отношений, неразрывно связано с тем, посредством какого «системообразующего свойства» она «задается». Поскольку в макросоциологических концепциях, использующих «культурно-ценнностную» модель общества, социальная система задается иным свойством, по сравнению с марксистской концепцией, здесь иначе трактуются и социальные отношения. Они понимаются как ценностные отношения, носящие ценностно-смысловой характер [1, с. 225].

Трансцендентальный реализм Бхаскара и Аутвейта позволяет увидеть, что субъекты деятельности не творят общество, а воспроизводят или преобразуют его, ибо «сознательная деятельность осуществляется на данных наличных объектах, и ее нельзя представить себе протекающей в их отсутствие... всякая деятельность предполагает первичное существование социальных форм» [1, с. 227].

В другой своей знаковой монографии «**Повседневные идеологии. Как они живут, меняются и исчезают» [2]** Ирина Марковна Попова раскрывает концепт двойственности человеческого опыта, выделяя культурно-символический опыт предшествующих поколений, передаваемый другими, владеющими «языками культуры» и индивидуально-прижизненный, чувственно-предметный, в процессе которого люди сами взаимодействуют с различными объектами и присущими им свойствами, а также друг с другом. Общепринятые идеальные значения, заключенные в языке и многообразных кодах культуры, являются средством осознания человеком окружающего мира и собственного я, своей собственной деятельности. «Общезначимость» обусловливает ценностный характер сознания и самосознания [2, с. 54—55]. Именно культурный опыт характеризует специфически человеческую субъективность — восприятие окружающего через образ «я».

«Характеристика современных концепций практики позволяет также заключить следующее: какая бы концепция практики ни рассматривалась, в явном либо в неявном виде, **под практикой все же имеется в виду предметная деятельность: совокупность навыков обращения с различными предметами (в частности, предметами обихода), использование определенного «инструментального снаряжения» (конкретное «оснащение»), наличие либо отсутствие в деятельности тех или иных «вещей», физическое взаимодействие («изоляция», «заключение») [2, с. 72—73].**

Таким образом, Ирина Марковна Попова придерживается такой дефиниции практики, согласно которой практика понимается именно как предметно-вещественный, чувственно-предметный опыт человека и человечества. Практика задана предметно-вещественной средой и данную среду преобразует [2, с. 73].

«Прижизненный, предметно-практический опыт, — утверждала И. М. Попова, — является социальным, независимо от того, осуществляется ли он индивидуально или коллективно, является базовым и в онтогенетическом и в филогенетическом плане. Он, в конечном счете, играет решающую роль не только в генезисе тех или иных идей, но и в их усвоении, в изменении смысловых значений, соответствующих различным культурным формам, в придании словам иного смысла, в изменении их положения в «центрально-переферийном» измерении (терминология М. Рокича), в перестройке систем представлений, которые правомерно и целесообразно именовать «повседневными идеологиями» [2, с. 198].

И, наконец, Ирина Марковна полагала, что именно социальная практика является основой легитимации и любого вида согласия, именно в процессе практики реформирования утверждаются либо теряют свое значение социальные представления, в той или иной степени, функционирующие на «заре» реформирования и обеспечивающие поддержку населением реформаторских идей [3, с. 131].

Но главным предметом исследования Ирины Марковны Поповой всегда оставался «обычный, простой человек, тот, которого мы встречаем каждый день, живем и работаем бок о бок. Обычный человек с его эмоциями и надеждами, предубеждениями и стереотипами, ценностями и интересами, которые причудливо переплетены в его повседневном сознании и практической деятельности. Она любила этого незамысловатого человека, принимала и объясняла его поведение, а главную функцию социологии видела не только в научной интерпретации мира, но и в его улучшении, в снабжении надежной научной информацией тех, кто руководит, и неустанной заботе о тех группах общества, кто нуждается в помощи и защите» [4, с. 84].

Литература

1. *Попова И.* Был ли Маркс социологом? // Соц. журнал. — 1995. — № 3. — С. 71—86.
2. *Попова И. М.* Повседневные идеологии. Как они живут, меняются и исчезают. — Киев: Ин-т социологии, 2000. — 219 с.
3. *Попова И. М.* Социальная практика как основа легитимации и согласия // Вісник Одеського національного університету. Серія «Соціологія и політичні науки. Том 8. Вип. 9. — Одеса, 2003. — С. 128—135.
4. *Лычковская О. Р.* Памяти Ирины Марковны Поповой // Социологический журнал. — 2008. — № 3. — С. 82—84.

Е. В. Князева

ПРЕДНАЗНАЧЕНИЕ СОЦИОЛОГА — ЖИТЬ ДЛЯ ДРУГИХ

ПРОБЛЕМА «СОЦИАЛЬНОГО СИРОТСТВА» и детской беспризорности в течение нескольких последних лет находилась в поле зрения профессора И. М. Поповой. Она обращала внимание на то, что систематических обследований, имеющих научно обоснованную базу для изучения данного социального явления, в масштабах Украины или крупных регионов не проводится, а имеющаяся информация не дает возможности охарактеризовать специфику различных групп детей, находящихся «в неблагоприятных жизненных обстоятельствах» и, соответственно, определить эффективные меры, которые следует применять к различным категориям неблагополучных детей. Основанием для такого заключения явилось знакомство с системой учета беспризорных детей, а также предпринятый под руководством Ирины Марковны анализ информации, содержащейся в личных делах детей, прошедших через приюты г. Одессы в течение 2002—2007.

На основании анализа 3326 личных дел детей, находящихся в Одесских городских приютах: приют № 1 (всего 1306 дел) и приют № 2 (1930 дел), за период с 2002 по май 2007 г. была сформирована электронная база данных. Информационная база данных была создана по инициативе и на средства сотрудников кафедры социологии Института социальных наук Одесского национального университета имени И. И. Мечникова при активном участии студентов. Копии БД были переданы сразу же во все курирующие проблему детской беспризорности инстанции. С отчетом по результатам исследования 8 февраля 2008 г. мы выступили на рабочем совещании в управлении криминальной милиции МВД в Одесской области. Практически все присутствующие на этом совещании чиновники негативно отреагировали на результаты отчета. 23 февраля 2008 г. в газете «Вечерняя Одесса» было опубликовано Открытое письмо председателю областной администрации Н. Сердюку и одесскому городскому голове Э. Гурвицу «Что делать с беспризорными детьми?». Хотелось бы в вкратце остановиться на тех выводах, которые были сделаны Ириной Марковной, и на том, чего так испугались местные чиновники:

1. Общение с этими детьми, изучение их образа жизни и личностных особенностей свидетельствуют о том, что в данном случае требуется *длительная социально-психологическая реабилитация и одновременно медицинское лечение.* К сожалению, для совмещения этих функций отсутствуют необходимые условия, несмотря на множество всевозможных организаций и различного рода фондов. Ирина Марковна считала, что определение эффективных мер, направленных на реабилитацию **именно этой категории детей,** предполагает сотрудничество государственных и общественных организаций с научными группами, занимающимися исследованием данной проблемы, а также координацию работы различных ведомств: Министерства внутренних дел, Министерства образования и науки, Министерства по делам семьи, молодежи и спорта, Министерства здравоохранения.

2. Выяснилось, например, что 50% детей, внесенных на основании данных учета приютов в исследуемый нами массив, упоминаются в нем два и более раз. Такой способ учета, с нашей точки зрения, не является корректным, т. к. реабилитация беспризорного ребенка предполагает индивидуальную работу с ним и понимание исто-

рии его небольшого жизненного пути, возможность иметь в поле зрения особенности его поведения в различные периоды жизни вплоть до совершеннолетия. Это так же необходимо, как и знакомство с историей болезни при лечении больного.

3. Оказалось, что основной причиной выбытия из приюта и характеристикой направления выбытия является «самовольный уход». **Улица, таким образом, постоянно воспроизводит себя, причем положительной динамики в этом отношении не наблюдается.** Парадокс состоит и в том, что, несмотря на все тяготы уличной жизни, она, несомненно, привлекает детей, которые там уже побывали. Она полна приключений и порождает иллюзию свободы, отсутствия каких-либо обязанностей.

И, наконец, последнее, Ирина Марковна неоднократно настаивала на том, что сегодня крайне необходимо прежде всего на законодательном уровне перестроить всю систему мер, направленных на преодоление беспризорности, и в первую очередь:

— создать централизованную, научно обоснованную **электронную систему** учета беспризорных и безнадзорных детей, на **основании** которой можно было бы определить местонахождение ребенка, проследить изменение его состояния, динамику поведения;

— разработать критерии и определить управленческие механизмы, позволяющие дифференцировать (стратифицировать) безнадзорных и беспризорных детей на группы для их дальнейшей реабилитации в местах, соответствующих степени дезадаптации детей и имеющих необходимые условия для оказания персональной (адресной) помощи;

— перепрофилировать имеющиеся учреждения в различные центры реабилитации, соответствующие разным категориям детей, предусмотрев создание специального центра медикосоциальной реабилитации, в котором были бы совмещены функции лечения. Психологической реабилитации, обучения и воспитания.

Г. П. Бессокирная

СОЦИАЛЬНАЯ СПРАВЕДЛИВОСТЬ ВОЛНОВАЛА ИРИНУ МАРКОВНУ ВСЕГДА

Социальная справедливость волновала Ирину Марковну всегда и периодически была предметом социологических исследований с ее участием. В конце 1980-х гг. проводились прессовый опрос и опрос занятого населения г. Одессы по месту работы. Результаты этих опросов оперативно публиковались [1]. К проблемам социальной справедливости Ирина Марковна вернулась через 10 лет [2]. В своих монографиях, опубликованных в 2000-е гг., Ирина Марковна также возвращается к этой теме [3, 4]. О том, что проблемы социальной справедливости волновали Ирину Марковну и в последние годы жизни, свидетельствует статья, опубликованная уже после ее смерти [5].

Со всеми этими публикациями при желании можно ознакомиться. Здесь хочу привести отрывки из писем, которые писала мне Ирина Марковна по электронной почте во время совместной работы над данной статьей. Они, как мне кажется, говорят о ней не только как об ученом, но и в не меньшей степени как о человеке.

8.04.2008

Посылаю первую часть после доработки (редактировала и кое-что вставляла) так, чтобы Вы видели изменения. Что касается второй части (2007 год), то попробовала ее

начать (посылаю «начало»). Далее не редактировала, так как буду ждать нового текста. Относительно плана второй части. В общем вроде бы логично. Я потом посмотрю и, если будет необходимость, — доработаю. Я думала о коэффициентах. Они действительно необходимы (у Вас в прошлом тексте только один раз ссылка на лямбду). Еще пожелания: в некоторых случаях целесообразно напоминать постановку вопросов, хотя бы в скобках. И еще: там, где сложные шкалы, хорошо бы сделать индексы со ссылкой, как они рассчитывались.

9.04.2008

Я Вас сильно перегрузила. Ваше замечание к таблицам о повышении квалификации и принятии участия в решениях (присланные ранее) справедливы: потому и «более справедливо», что не ценится, так как неактуально. Это соответствует тем положениям, которые сформулированы в постановочной части. Эти таблицы можно дать в сравнении в 1989 годом — сразу видна разница. Сравнительные таблицы можно дать и об успешности борьбы: любопытно — в тоталитарном обществе рабочие считали свою борьбу с несправедливостью более успешной. Но это я могу сделать сама.

12.04.2008

Прочитала Вашу с Темницким главу в «Человек и его работа». Заинтересовали данные, которые там в таб. 6, 7, 8, 9, но без разбивки на молодых и старше 30 лет. А главное — я жду текст, который Вы собирались переконструировать. Над ним и буду работать, так как для меня важны логические связки. В общем, пока у меня в голове какие-то противоречивые данные. Пытаюсь все это связать во что-то последовательное.

Ваши соображения о двух видах справедливости интересны. Термин «индивидуальный» для оценок — нехорошо. Лучше «своего труда» и «оплаты труда на предприятии».

Таблицы открыла, буду думать.

13.04.2008

Получила письмо с ответами на все мои вопросы. Буду думать. Попыталась сравнить связи справедливостей с удовлетворенностями. Сделала для себя такую схему. Получается любопытно.

Насчет нетрудовой интерпретации справедливости буду искать более веские аргументы.

17.04.2008

Интересно насчет удовлетворенности. В 1989 году удовлетворенность жизнью и материальным положением были связаны с оценками справедливости ЛИЧНОГО положения (оплаты труда, соответствия заработка трудовому вкладу). А удовлетворенность предприятием — с оценкой справедливости в трудовом коллективе и оплаты труда тоже в КОЛЛЕКТИВЕ. В 2007 году — прямо наоборот. Что бы это значило?

Жду текст. Если бы были все необходимые данные, писала бы сама. Но следующая неделя будет очень трудной: каждый день ГЭК. 19-го у Л. Н. день рождения, а вчера у него поднялась температура. Сегодня нормальная, лечим. У нас проливной дождь и ярко светит солнце. Такое вижу впервые в жизни.

22.04.2008

Спасибо за таблицы. Хотела бы, чтобы Вы дали некоторые пояснения.

И еще? Мне ждать Вашего нового текста? На этой неделе времени будет немного: каждый день ГЭК. Но на следующей могла бы заняться статьей.

Л. Н. поправляется, но чувствует себя неважно.

24.04.2008

Оксана мне передала 3-й номер. Спасибо. Он очень интересен для нас. Интересны статьи Трушкова и Максимова. Трушков прямо пишет о том, о чем, как я считала, свидетельствуют и наши данные: о деградации труда (я, как помню, даже употребляла этот термин) и это главный вывод. А еще выводы методологические: бросаться нужно в первую очередь не туда, что считают несправедливым, а постараться понять, почему относительно справедливыми считают вещи (а значит незначимыми), которые на самом деле важны.

26.04.2008

Я так увлеклась статейными вопросами, что даже не спросила, как Витя. Вам сейчас не до этого, тогда не спешите. Самое главное — как Витино и Ваше здоровье.

Список литературы

1. *Попова И. М.* Социальная справедливость. Ваше мнение?/ Знамя коммунизма. — 1989. — 21 дек.
2. *Попова И. М.* Социальная справедливость: Ваше мнение // Вечерняя Одесса. — 1999. — 23 нояб.
3. *Попова И. М.* Самоочевидные представления, идея «справедливости» // Повседневные идеологии. Как они живут, меняются и исчезают. — К.: Институт социологии НАНУ, 2000. — С. 129—139.
4. *Попова И. М.* Что понимали под социальной справедливостью и как ее оценивали. «Справедливость» в 1989 и в 1998 гг. // 1989—1991 Диагноз времени (Одесситы о себе и переменах в обществе): Историко-социологические очерки. — Одесса: Астропринт, 2006. — С. 57— 86.
5. *Попова И. М., Бессокирная Г. П.* Социальная справедливость: представления и оценки рабочих // Социологический журнал. — 2008. — № 3. — С. 82—105.

СПИСОК ПУБЛИКАЦИЙ ИРИНЫ МАРКОВНЫ ПОПОВОЙ (собран и подготовлен к печати А. В. Худенко, канд. соц. наук, доц. кафедры социологии ИСН ОНУ им. И. И. Мечникова)

1960

1. Психологическое направление современной буржуазной социологии в свете идей труда В. И. Ленина «Материализм и эмпириокритицизм» // Философские науки. — 1960. — № 2.

2. Место и роль социальной психологии в американской социологии // Вестник МГУ. Серия: Экономика и философия. — 1960. — № 6.

1961

3. К вопросу о социальной почве психологизма в социологии // Вопросы философии. — 1961. — № 3.

4. Критика психологизма как одной из черт позитивистской социологии // Диалектический материализм и современный позитивизм: Тезисы докладов межвузовской научной конференции. — М., 1961.

1963

5. Что такое буржуазная эмпирическая социология. — М.: Знание, 1963.

6. Грушин В. А. Очерки логики исторического исследования (в соавторстве) // Вопросы истории. — 1963. — № 6.

1964

7. Системы и метод их исследования (в соавторстве) / Наукові доповіді. — Одеса, 1964.

8. Психологическое направление в социологии / Философский словарь. — М.: Госполитиздат, 1964.

1965

9. Теория социального контроля в американской социологии // Вопросы философии. — 1965, — № 6.

10. Использование ценностно-нормативного подхода к обществу при решении проблемы социального управления // Социально-политические и этнические проблемы управления в социалистическом обществе. — К., 1965. — Вып. 2.

11. Системи і методи їх досліджень // Ювілейна наукова сесія, присвячена 100-річчю Одеського державного університету: Суспільні, історичні та юридичні науки (тези доповідей). — Одеса, 1965.

1967

12. Социальный детерминизм и системный анализ // Некоторые теоретические вопросы коммунистического строительства в СССР: Сб. статей. — Одесса, 1967.

1968

13. Системный подход в социологии и проблемы ценностей // Вопросы философии. — 1968. — № 5.

14. Ценностно-нормативный подход и некоторые аспекты социальной активности: Материалы всесоюзной научной конференции по проблемам социальной активности. — Курск, 1968.

15. Использование ценностно-нормативного подхода при решении проблемы социальной активности: Материалы Всесоюзной научной конференции по проблемам социального управления. — Львов, 1968.

1969

16. Про побудову спеціальної соціологічної теорії соціального управління // Філософська думка. — 1969. — № 2.

1970

17. Н. К. Михайловский и некоторые проблемы социальной психологии (в соавторстве) / Философия в ВУЗе: научно-методический сборник. — Одесса, 1970.

18. Некоторые проблемы соотношения общественного идеала и социологической теории в свете ленинского наследия (в соавторстве) // Ленин и социология: Информационный бюллетень ССА и ИКСИ. — М, 1970. — Вып. 1. — № 42.

19. Философия и социология (в соавторстве) // Логика и гуманитарные науки. — К, 1970.

20. Прогнозирование поведения и социальное планирование // Социальное планирование в условиях экономических реформ: Информационный бюллетень ССА и ИКСИ. — М, 1970.

1971

21. Використання системних уявлень для розрізнення понять «особистості» та «суспільні» відносини // Філософська думка. — 1971. — № 2.

22. Системы знания и системы ценностей (в соавторстве) / Методология системных исследований. — Новосибирск, 1971.

23. Прогнозирование поведения и некоторые проблемы социального управления (в соавторстве) // Социальное планирование в условиях экономических реформ: Информационный бюллетень ССА и ИКСИ. — М, 1971.

24. О характере упорядоченности социальных идей (в соавторстве) // Системный метод и современная наука. — Новосибирск, 1971.

1973

25. Проблемы социального регулирования на промышленных предприятиях (в соавторстве). — К.: Наукова думка, 1973.

26. Соціологічні проблеми прийняття і здійснення управлінських рішень // Філософська думка. — 1973. — № 5.

27. Ценность трудовой деятельности специалистов высшей квалификации (в соавторстве) // Тезисы научной конференции. — Каунас, 1973.

28. Заработная плата как фактор стимулирования трудовой деятельности // Проблемы моря и мирового океана. — Одесса, 1973.

1974

29. Избыточно ли образование // ЭКО. — 1974. — № 1.

1975

30. Управление как стимулирование трудовой деятельности // Социальные проблемы НТР. — К., 1975.

1976

31. Стимулирование трудовой деятельности как способ управления (Социологический анализ). — К.: Наукова думка, 1976.

32. Использование результатов социологических исследований при создании подсистемы «Кадры» // Материалы I Межотраслевой конференции: Автоматизирование подсистем «Население» и «Кадры». — М, 1976.

1977

33. Методологическое значение теории ценностей для социологических исследований // Вестник Сегедского университета. — Сегед, 1977.

1978

33. Концепция стимулирования и проблемы регулирования образа жизни // Социальная структура советского общества: Материалы Всемирного социологического конгресса. — М, 1978. — Ч. II.

34. Ценности трудовой деятельности специалистов высшей квалификации // Тезисы научной конференции. — Каунас, 1978.

1979

35. Стимулирование как метод управления // Социальные проблемы производства. — М, 1979.

36. Престиж и привлекательность профессии (в соавторстве) // Социологические исследования. — 1979. — № 4.

37. Концепция стимулирования и проблемы прогнозирования социального поведения личности // Прогнозирование социально-типических свойств личности. — Пермь, 1979.

38. Бригадные формы организации труда: опыт и проблемы (по материалам социологических исследований, проведенных на судоремонтных заводах г. Одессы) (в соавторстве) // Коммунист Украины. — 1979. — № 10.

39. Показатели и методы оценки социальной эффективности коллективных форм организации труда (в соавторстве). — М, 1979.

1981

40. Методологические проблемы инновационного исследования // Проблемы инновации. — М, 1981.

41. Ценности, неопределенность и творческая природа управления (в соавторстве) / Третий семинар по проблемам методологии и теории творчества. — Симферополь, 1981.

42. Престиж как феномен культуры // Проблемы изучения культуры как целого. — Пермь, 1981. — Ч. II.

1982

43. Методологическое значение исследования ценностных аспектов сознания для конкретных социологических исследований // Проблемы социального познания. — М., 1982.

44. Проблемы взаимоотношения сознания и деятельности // Філософська думка. — 1982. — № 2.

45. Проблемы социально-профессиональной ориентации // Філософська думка. — 1982. — № 1.

46. Содержание труда и функция руководителя в условиях АСУ // Социальное управление и АСУ. — К.: Наукова думка, 1982.

47. Комплексное исследование проблем миграции населения сельского района (в соавторстве) // Социальные резервы повышения эффективности производства в условиях аграрно-промышленного комплекса: Материалы конференции. — Кишинев, 1982.

1983

48. Заработная плата как социальная ценность (в соавторстве) // Социологические исследования. — 1983. — № 2.

49. Некоторые методологические подходы к характеристике социально-экономических аспектов исследования образа жизни (в соавторстве) // Доходы и потребление семьи: проблемы методологии изучения и моделирования. — Москва; Ереван, 1983.

50. Деякі теоретичні питання культури у викладанні марксистсько-ленінської філософії // Філософська думка. — 1983. — № 6.

1984

51. Ценностные представления и «парадоксы» самосознания // Социологические исследования. — 1984. — № 4.

52. Человеческий фактор в АСУ (в соавторстве) // Общественные науки. — 1984. — № 5.

1985

53. Социально-экономический базис культуры и понятие «условия жизнедеятельности» // Проблемы философии. — К., 1985. — Вып. 64.

54. Сознание и трудовая деятельность (ценностные аспекты сознания, вербальное и фактическое поведение в сфере труда) (в соавторстве). — К.; Одеса: Выща школа, 1985.

55. Гносеологический и социологический подходы к проблеме понимания (в соавторстве) // Социальная детерминация познания. — Тарту, 1985.

56. Проблема критериев творческого мышления (в соавторстве) // Проблемы творчества: категории эвристики. — Рига, 1985.

57. Проблемы и перспективы организации оперативной социологической работы на предприятиях отрасли (в соавторстве) // Вопросы судостроения ЦНИИРумб. — 1985. — Вып. 56.

1986

58. Социальная инженерия: ее природа и роль в общественном развитии (в соавторстве) // Социальные аспекты современного экономического и научно-технического развития: Навстречу XI Всемирному социологическому конгрессу (Нью-Дели, Индия, 18—22 августа 1986 г.). — М., 1986.

59. Методологическое значение исследования ценностных аспектов сознания // Методологические проблемы общественных наук. — М., 1986.

60. К вопросу о социально-экономических предпосылках творчества (в соавторстве) // V семинар по проблемам методологии и теории творчества. — Симферополь, 1986.

61. Общественные науки и социально-инженерная деятельность // Кардинальный рост эффективности живого труда — главный фактор ускорения социально-экономического развития. — Свердловск, 1986. — Ч. II.

62. Рецензия на книгу В. Л. Оссовского «Формирование трудовых ориентаций молодежи» // Социологические исследования. — 1986. — № 4.

1987

63. О перестройке в социологической науке // Філософська думка. — 1987. — № 3.

64. Исследование интересов: проблемы и иллюзии // Проблемы совершенствования социально-классовых отношений в советском обществе: Тезисы всесоюзной научной конференции. — Харьков. 1987. — Раздел 1. — Вып. 2.

65. Преподавание общественных наук: пути перестройки // Социологические исследования. — 1987. — № 4.

1988

66. От социального знания к социальной инженерии // Социологические исследования. — 1988. — № 1.

67. Теоретико-познавательные и общественно-политические аспекты социально-инженерной деятельности (в соавторстве) // Научно-технический прогресс и творческий потенциал человека. — К.: Наукова думка, 1988.

68. Сотрудничество или конфронтация (преподаватель глазами студента) // За наукові кадри. — 1988. — 29 квіт.

69. Перестройка образования, цифры и мнения // Знамя коммунизма. — 1988. — 17 фев.

70. Без компромиссов // Знамя коммунизма. — 1988. — 11 июня.

71. Пути перестройки. Мнения читателей // Знамя коммунизма. — 1988. — 23 июня.

72. За словом — дело // Знамя коммунизма. — 1988. — 24 июля.

73. Необходимость или очередная кампания (в соавторстве) // Знамя коммунизма. — 1988. — 17 дек.

1989

74. Город как социально-пространственная среда деятельности трудовых коллективов (в соавторстве) // Философская и социологическая мысль. — 1989. — № 3.

75. Социологическая работа на предприятии: цели, особенности, методическое объяснение (в соавторстве). — Одесса, 1989.

76. Демократия и личная ответственность // За наукові кадри. — 1989. — 26 трав.

77. Мнение читателей // Знамя коммунизма. — 1989. — 24 мая.

78. Демократия и личная ответственность // Знамя коммунизма. — 1989. — 26 мая.

79. Съезд окончен. Диалог продолжается // Знамя коммунизма. — 1989. 15 июня.

80. Дадим ли власть Советам? // Знамя коммунизма. — 1989. — 27 сент.

81. Читатели о выборах // Знамя коммунизма. — 1989. — 4 окт.

82. Социальная справедливость. Ваше мнение? // Знамя коммунизма. — 1989. — 21 дек.

83. О нравственности // Вечерняя Одесса. — 1989. — 25 окт.

1990

84. Что я могу сделать один (размышления о нашей гражданской зрелости) // Одесский университет. — 1990. — 11 мая.

85. Ищем выход из тупика. Мнения о выборах // Знамя коммунизма. — 1990. — 13 февраля.

86. Позиций кандидата// Знамя коммунизма. — 1990. — 15 февр.

87. Поле сражения — социология // Знамя коммунизма. — 1990. — 21 февр.

88. Кандидаты и избиратели // Знамя коммунизма. — 1990. — 28 февр.

89. Подведем итоги? (в соавторстве) // Знамя коммунизма. — 1990. — 1 марта.

90. Определяем позицию // Знамя коммунизма. — 1990. — 2 марта.

91. Ваше досье // Знамя коммунизма. — 1990. — 3 июня.

92. За консолидацию партии на принципах перестройки (с 28-й областной партийной конференции) // Знамя коммунизма. — 1990. — 13 июня.

93. А вы народ спросили? // Деловая Одесса. — 1990. — 9 ноября.

1991

94. Социальные представления в обыденном сознании // Социологические исследования. — 1991. — № 11.

95. Социальная справедливость как феномен общественного сознания (мнения трудящихся г. Одессы) // Резонанс. Социологический вестник. — 1991. — № 1.

96. Социальные отношения и интересы в массовом сознании (в соавторстве). — Одесса, 1991. Деп. № 02910015041 ИНИОН АН СССР.

97. Людина і соціальні відносини // Філософська і соціологічна думка. — 1991. — № 7.

98. Опыт и история учат // Знамя коммунизма. — 1991. — 15 янв.

99. Социологи сомневаются // Знамя коммунизма. — 1991. — 22 февр.

100. С точки зрения социолога // Знамя коммунизма. — 1991. — 20 авг.

101. Референдум завершен. Спор продолжается // Знамя коммунизма. — 1991. — 23 марта.

102. Немного статистики // Одесский университет. — 1991. — 1 окт.

103. Социологический опрос // Пале-Рояль. — 1991. — № 5 (октябрь).

104. Осень тревоги нашей. О явном пессимизме и... осторожном оптимизме // Знамя коммунизма. — 1991. — 24 окт.

105. Претенденты определились? // Знамя коммунизма. — 1991. — 29 окт.

106. Нужен ли референдум? // Знамя коммунизма. — 1991. — 5 нояб.

107. Оценки противоречивы // Знамя коммунизма. — 1991. 13 нояб.

108. Межнациональные отношения. Существуют ли проблемы?// Знамя коммунизма. — 1991. — 23 нояб.

109. Кто пойдет голосовать? // Знамя коммунизма. — 1991. — 28 нояб.

110. На каком языке общаться // Знамя коммунизма. — 1991. 4 дек.

111. Доверяем ли своим избранникам // Знамя коммунизма. — 1991. — 7 дек.

112. Национальности в Советах: есть перекосы // Знамя коммунизма. — 1991. — 17 дек.

113. Навстречу референдуму: Мнения и ориентации населения // Вечерняя Одесса. — 1991. — 15 марта.

114. Власть и народ. Размышления по поводу государственного переворота // Вечерняя Одесса. — 1991. — 4—5 окт.

115. Готовы сделать выбор? // Вечерняя Одесса. — 1991. — 22 нояб.

116. За что проголосует одессит // Вечерняя Одесса. — 1991. — 26 нояб.

117. Остаются долг и надежда // Вечерняя Одесса. — 1991. — 27 нояб.

118. Нетерпение и нетерпимость // Вечерняя Одесса. — 1991. — 28 нояб.

119. А решаться надо... // Вечерняя Одесса. — 1991. — 29 нояб.

120. Общественность да услышит! // Вечерняя Одесса. — 1991. — 28 дек.

1992

121. «Уравнительность» — иллюзия массового сознания? // Социологические исследования. — 1992. — № 3.

122. Популярен ли сепаратизм на Украине // Одесский университет. — 1992. — 17 февр.

123. Интеллигенты... (или кое-что о нравственной позиции) // Одесский университет. — 1992. — 19 окт.

124. Одесса — самая одесская из всех Одесс // Всемирные одесские новости. — 1992. — № 2 (5).

125. Памяти Тамары Андреевны Тарасенко // Одесский университет. — 1992. — № 9.

1993

126. Массовое сознание, социология и власть // Современное общество. — Харьков, 1993. — № 1.

127. Языковая ситуация как фактор политического самоопределения и культурного развития (на материале изучения Одессы и Одесской области) // Социологические исследования. — 1993. — № 8.

128. К. Маркс: «Я не марксист» // Вечерняя Одесса. — 1993. — 13 марта.

1994

129. Русскоязычие на Одещине: как к нему относиться // Современное общество. — Харьков, 1994. — № 1.

130. О критериях выбора депутатов (в соавторстве) // Современное общество. — Харьков, 1994. — № 3.

1995

131. Этнополитические представления населения южных регионов Украины // Социологический журнал. — 1995. — № 1.

132. Был ли Маркс социологом? (О методологических стратегиях социологии) // Социологический журнал. — 1995. — № 3.

133. Учитель философии: Воспоминания доктора философских наук, профессора И. М. Поповой о Когане Самуиле Яковлевиче (подготовлено к печати Г. П. Гребенником) // Одесский университет. — 1995. — № 14—17.

1996

134. Соціологія: Пропедевтичний курс: Підручник для студентів вищих навчальних закладів. — К.: Тандем, 1996.

1997

135. Социальная цена «запаздывающей» модернизации (в соавторстве) // Социологический журнал. — 1997. — № 3.

136. Социология. Введение в специальность: Учебник для студентов вузов. — К.: Тандем, 1998.

137. Дороги, которые мы выбираем. (Социальная защита. Кто в ней нуждается? // Вечерняя Одесса. — 1997. — 22, 25, 27 февр.

1998

138. Повседневные идеологии: почему и как они умирают // Социологический журнал. — 1998. — № 3/4.

1999

139. Повседневное сознание в переходном обществе: симптомы кризиса // Социология: теория, методы, маркетинг. — 1999. — № 1.

140. Представления о настоящем, прошедшем и будущем как переживание социального времени // Социологические исследования. — 1999. — № 10.

141. The Social Cost of «Delayed» Modernization (co-author) // Sociological Research. A journal of Translation from Russian. — September-October 1999. —Vol. 38, No. 5.

142. Социальная справедливость: Ваше мнение // Вечерняя Одесса. — 1999. — 16, 18 марта.

143. Какую страну мы выбрали? (Размышления после выборов) // Вечерняя Одесса. — 1999. — 23 нояб.

2000

144. Повседневные идеологии: как они живут, меняются и исчезают. — Киев: Институт социологии НАНУ, 2000.

145. Социологический подход к легитимности и легитимации (к постановке проблемы) // Социология: теория, методы, маркетинг. — 2000. — № 3.

146. Социологическая интерпретация как понимание и объяснение // Вестник Харьковского государственного университета. — 2000. — № 492.

147. Региональная политико-административная элита (в соавторстве). — Одесса: Астропринт, 2000. — Вып. 1.

148. Коммуналистские связи по месту жительства: взгляд социолога // Формирование системы коммуналистских связей по месту жительства как одного их механизмов социальной и правовой защиты в условиях переходного кризисного общества: Сб. статей. — Одесса: Друк, 2000.

2001

149. Социальное («социальность») как базовая категория социологии // Методологія, теорія та практика соціологічного аналізу сучасного суспільства: Збірник наукових праць. — Харків, 2001.

150. К вопросу о субъективной готовности общества к осуществлению реформ // Модернізація політичних інститутів та оптимизація взаимовідносин між суб'єктами політичного процесу («круглій стіл» 11 квітня 2001). — Одеса: Астропринт, 2001.

151. Народный архив: проблемы и перспективы // Архів. Історія. Сучасність: Праці державного архіву Одеської області. — Одеса, 2001. — Т. 4.

152. Интервью с Ириной Марковной Поповой // Социология: теория, методы, маркетинг. — 2001. — № 1.

2002

153. «Мы оказываемся в мире, где никто не думает о словах, где слова льются из сердца...» // Социология: теория, методы, маркетинг. — 2002. — № 2.

154. «Социальность» как основание социологической интерпретации // Социология: теория, методы, маркетинг. — 2002. — № 4.

155. Социальная сфера экономической жизнедеятельности общества // Экономическая социология: Учебное пособие. — К., 2002. — Гл. 2.

156. Выбор критериев социально-классового структурирования как логико-методологическая проблема // Проблеми розвитку соціологічної теорії: Теоретичні проблеми змін соціальної структури українського суспільства. — К., 2002.

2003

157. Судьба одной социологической парадигмы (к 120-летию со дня смерти К. Маркса) // Социология: теория, методы, маркетинг. — 2003. — № 2.

158. Социальная практика как основа легитимации и согласия // Вісник Одеського

національного університету. Серія «Соціологія і політичні науки»: Збірник наукових праць. — Одеса, 2003. — Т. 8, вип. 9.

2004

159. Моральное оправдание и нормативная составляющая теневых практик (к постановке проблемы) // Социология: теория, методы, маркетинг. — 2004. — № 1.

160. 1989 — 1991. Диагноз времени // Социология: теория, методы, маркетинг. — 2004. — № 3.

161. Мотивация, деятельность, стимулирование труда. Рецензия на монографию С. Г. Москвичова. Мотивация, деятельность и управление. — Киев-Сан-Франциско: Light-Press, 2003. — 492 с. // Філософська думка. — 2004 — № 2.

162. Социальное время старшего поколения. Рецензия на книгу Т. З. Козловой Социальное время пенсионеров: этапы самореализации личности. — М., 2003 // Социологические исследования. — 2004. — № 9.

163. Тенденции социальных изменений в городской среде и основания ее консолидации (на примере мониторинговых исследований в г. Одессе) (в соавторстве) // Вісник Одеського національного університету. Серія «Соціологія і політичні науки»: Збірник наукових праць. — Одеса, 2004. — Т. 9, вип. 9.

2005

164. Изменилась ли мотивация труда рабочих в 1990-е годы? (Методология и методы изучения, результаты и перспективы исследований) (в соавторстве) // Мир России. — 2005. — Т. XIV. — № 4.

2006

165. 1989 — 1991 гг. Диагноз времени. (Одесситы о себе и переменах в обществе). Историко-социологические очерки. — Одесса: Астропринт, 2006.

166. Как становились на ноги и как разучились ходить // Социологический журнал. — 2006. — № 1/2.

2007

167. Еще один закон бюрократии? (Взяточничество как побочный продукт взаимодействия населения и власти) // Социология: теория, методы, маркетинг. — 2007. — № 2.

168. Демократия как средство идентификации и мифологизации // Вісник Одеського національного університету. Серія «Соціологія і політичні науки»: Збірник наукових праць. — Одеса, 2007. — Т. 12, вип. 6.

169. Соціологія дитинства (в соавторстве) // Спеціальні та галузеві соціології: Навчальний посібник. — 2-ге вид. — К.: ПЦ «Фоліант», 2007. — Розділ 11.

2008

170. Публичность социологии (доклад на I Международных социологических чтениях памяти Наталии Паниной) // Социология: теория, методы, маркетинг. — 2008. — № 2.

171. Что делать с беспризорными детьми / (в соавторстве) // Вечерняя Одесса. — 2008. — 23 февр.

172. Социальная справедливость: представления и оценки рабочих (в соавторстве) // Социологический журнал. — 2008. — № 3.

2009

173. На пути к сообществу профессионалов (в соавторстве) // Украинский социологический журнал. — 2009. — № 1—2. — С. 4—14.

174. Проблема социального сиротства в Г. Одессе (в соавторстве) // Украинский социологический журнал. — 2009. — № 1—2. — С. 98—103.

Материалы «круглого стола» подготовлены к печати О. Р. Лычковской, канд. соц. наук, доцентом кафедры социологии ИСН ОНУ имени И. И. Мечникова, председателем Бюро Южно-Украинского отделения Социологической ассоциации Украины

УДК 327:321:316.422(497)«2004/2009»

О. І. Брусиловська, д-р політ. наук, доц.
Кафедра міжнародних відносин ОНУ імені І. І. Мечникова,
к. 32, Французький б-р, 24/26, м. Одеса-58, 65058, Україна.
тел.: (380482) 633259; e-mail: cis_asc@paco.net

ПОЛІТИЧНА ТРАНСФОРМАЦІЯ ЗАХІДНОБАЛКАНСЬКИХ КРАЇН У 2004—2009 роках

Стаття присвячена проблемі політичної трансформації країн Західних Балкан на прикладі Хорватії, Македонії, Боснії і Герцеговини, які перейшли до другого етапу посткомуністичних трансформацій після 2004 року. Компаративний аналіз реформ надає можливість вирізнити особливості досвіду західнобалканських країн задля з'ясування можливостей його використання в Україні.

Ключові слова: політична трансформація, партійна система, парламентські вибори, урядова коаліція.

Певні відмінності процесу політичної трансформації й на новому етапі, після 2004 р., продовжують демонструвати країни, які входять у регіон Західні Балкани (Хорватія, Македонія, Боснія і Герцеговина). Їх транзити становлять неабиякий інтерес для сучасної України, близької до них за рівнем розвитку, а також за проголошеними зовнішньополітичними пріоритетами — вступ в НАТО та ЄС.

Тема політичної трансформації західнобалканських країн досить жваво обговорюється в сучасній політичній науці, особливо в російській (О. Соколовська, С. Маркедонов, Є. Калоєва). Однак слід зауважити, що цій літературі притаманна певна політизація наукових проблем, дослідження їх крізь призму геостратегічних завдань, які наразі вирішує Росія. Тому критичний аналіз російської літератури є одним з важливих завдань сучасної української політології. В цілому подана стаття має на меті узагальнення новітнього досвіду таких країн, як Хорватія, Македонія, Боснія і Герцеговина щодо проблем політичної трансформації.

У 2004 році шанси Хорватії на вступ у НАТО та ЄС виглядали як досить високі, адже показники країни були не гірше, ніж у Словаччини та Латвії, й набагато краще, ніж у Болгарії та Румунії. Відставання Хорватії було зумовлене авторитарним режимом Ф. Туджмана, але після його смерті в 1999 р. здавалось, що президенту з 2000 р. Стіпе Месічу (Хорватські незалежні демократи) та прем'єру з 2003 р. Іво Санадеру (ХДС) вдалось значно наблизити країну до західних стандартів.

У січні 2005 р. президентом був переобраний Стипе Месіч, якого висунув блок 4 партій, близьких до соціал-демократичної течії. Він отримав 66 % голосів виборців, тоді як його найближчий суперник — Ядранка Косор (ХДС) — тільки 34 %. Вочевидь значний процент голосів опозиції відтягнула на себе рекордна для Хорватії кількість кандидатів в президенти — 13 осіб. Наприклад, Борис Мікшич, безпартійний бізнесмен, який постійно мешкає в США, у першому турі набрав цілих 17,8 % [1, с. 42].

В Хорватії відмічається певна особливість виборів, яку наглядачі назвали «хорватська інверсія». Вона полягає в тому, що серед країн Східної Європи тільки в Хор-

© О. І. Брусиловська, 2010

ватії столичний ареал (Загреб, Вараждин, Карловац) голосує за лівоцентристів, а провінція — за правих, націоналістів, а не навпаки. Це пояснюється тим, що націоналізм ХДС на певному етапі став викликати проблеми з інтеграцією Хорватії в ЄС, отже політичні еліти потягнулись до більш поміркованих партій, які мали кращі перспективи «вписатись» в європейський формат.

Президент Месіч сам з'їздив у Гаазький трибунал, публічно визнав, що хорвати винні в злочинах проти сербів, почав видавати суду хорватських військових злочинців. Але це були загалом дрібні фігури, а головному злочинцю генералу Анте Готовіні вдавалось довго уникати арешту. Тільки 7 грудня 2005 р. в ході спільної хорватсько-іспанської операції він був заарештований на Канарських островах й переправлений у Гаагу.

Наглядачі розглядали це як подолання Хорватією останньої перепони на шляху до ЄС. Президент Месіч навіть пообіцяв своїм виборцям, що приєднання відбудеться у 2007 р. (офіційно переговори почались у березні 2005 р.). Але надії єврооптимістів швидко розвіялись.

Причинами, за якими ЄС постійно відкладав вступ Хорватії, були невирішеність багатьох питань. По-перше, це проблема кордонів із Сербією, Чорногорією, Боснією та Герцеговиною, й, нарешті, з Словенією. Так у вересні 2004 р. біля Піранської затоки Адріатичного моря хорватами були заарештовані кілька словенських громадян, у тому числі лідер Народної партії. Причина: їхнє перебування на території, яку обидві держави вважають своєю. Тоді прем'єр-міністр Словенії оголосив, що його країна не підтримає заявку Хорватії на вступ до ЄС. По-друге, невирішені питання щодо повернення сербських біженців (повернулись 100 з 280 тисяч), виплати їм компенсацій, скасування заборони на використання сербської кирилиці в суспільному житті, проведення правових та соціальних реформ [2, с. 38].

Більш цікаво, що й з боку Хорватії не було одностайності в прагненні до ЄС. Опитування наприкінці 2004 р. виявило, що тільки 49 % громадян підтримували вступ. Але аналіз виявляє зовсім інші причини скептицизму хорватів, аніж у сусідніх країнах. Якщо більшість східноєвропейців побоюється економічних втрат для місцевого виробника, який значно програє у порівнянні з західноєвропейським, то для хорватів на першому місці було почуття образи на західноєвропейців у зв'язку з переслідуванням тих, кого вони вважають героями, а ООН та ЄС називають військовими злочинцями [3]. Президенту та його оточенню довелось докласти немало зусиль для євроагітації. Треба зазначити, що на сьогодні вона принесла свої результати й кількість прибічників вступу знову зросла. Це є дуже важливим уроком політичної трансформації, підкреслює виключне значення фактора політичних еліт, здатних змінити суспільну думку з найбільш болючих проблем сучасності.

У 2007 р. відбулись парламентські вибори. ХДС отримав 60 місць в Саборі, СДП — 57 місць. Отже, лідера виявити не вдалось, двом найбільшим партіям знову довелось розпочати пошуки партнера для створення коаліції й формування уряду. Мова йде про Селянську партію (8 місць), Хорватську ліберальну партію (8 місць), Хорватську народну партію (7 місць). В результаті в січні 2008 р. уряд знову сформував Іво Санадер (ХДС) [4].

Майбутнє Хорватії наразі вже не викликає великих сумнівів: саміт у Бухаресті 3 квітня 2008 р. відкрив Хорватії та Албанії двері в НАТО, 9 липня 2008 р. в Брюсселі вони підписали протоколи щодо приєднання, 1 квітня 2009 р. вони стали 27 та 28

членами НАТО. Отже, їх повна інтеграція в європейські структури — це тільки питання часу.

Однак на тому ж саміті Македонії, яка за своїми об'єктивними параметрами не поступається Албанії, було в членстві відмовлено. Причиною залишається непоступлива політика Греції, яка й наодинці виявилась здатна загальмувати процес входження Македонії в НАТО та ЄС.

Після трагічної загибелі в авіакатастрофі 26 лютого 2004 р. Бориса Трайковського, президента, дуже популярного в суспільстві, навіть проголошеного посмертно почесним президентом Македонії, головним стало питання як утримати в республіці рівновагу, й до того вельми хитку через недовіру у відносинах двох головних общин — македонців та албанців. Таким чином, вибори президента обернулись на свого роду тест Македонії на здатність вижити.

Виборцям довелось вибирати із чотирьох кандидатів, які представляли дві македонські та дві албанські партії. Інтереси правлячого блоку відстоював голова Соціал-демократичного союзу Македонії Бранко Црвенковський та лідер Албанського демократичного союзу за інтеграцію Гезим Острені. Опозицію представляли Сашко Кедєв (блок ВМРО—ДПМНЄ (Всемакедонська революційна організація — Демократична партія для македонської національної єдності)) та Зуді Желілі (Демократична партія албанців).

Їхні передвиборні програми були значною мірою сходні. Але не в тій частині, що торкалась міжетнічних проблем. Албанці намагаються відстоювати більшу самостійність західних районів Македонії, населених албанцями, а македонські кандидати — усіляко обходити відповідь на цю вимогу.

Вибори не принесли сюрпризів: президентом став Бранко Црвенковський, який обіймав посаду прем'єр-міністра, проголошений «наступником Трайковського». Він набрав майже 63 % голосів, а його головний конкурент Сашко Кедєв — 37 % [5].

12 травня Б. Црвенковський зайняв нову посаду, передав крісло прем'єра Харі Костову. Але вже 15 листопада Костов пішов у відставку в знак протесту проти спроби македонських націоналістів відмінити закон, який розширив права албанців. Вони пішли на організацію референдуму, але той провалився через низьку явку виборців. Не останню роль у цьому відіграло те, що не тільки уряд протестував проти референдуму, але й Захід одностайно висловив свою незгоду з пробою зухвало переглянути Охридську угоду 2001 р.

Після відставки Костова прем'єром став Нікола Груєвський (ВМРО), призначення якого здавалось тимчасовим, а головним завданням його була підготовка до позачергових парламентських виборів.

6 липня 2006 р. у Македонії пройшли парламентські вибори. У них взяли участь 56% громадян, що мають право голосу. У кампанії взяли участь 36 партій. Основними суперниками стали Соціал-демократичний союз Македонії та коаліція «За процвітання Македонії!» (ВМРО-ДПМНЄ). Перемогу отримала остання (57 місць), залучивши до своїх лав Демократичну партію албанців (11 місць), що розглядалось як дуже вдалий тактичний хід. Головну роль в коаліції відігравала ВМРО на чолі з Нікола Груєвським, широко відомим своїми демагогічними прийомами. Він зіграв перш за все на невдоволенні виборців безробіттям (37 %) та низькими темпами економічного зросту. Опозиція зайняла 45 з 120 місць в парламенті [5].

Але вже навесні 2008 р. коаліція розпалась через вихід Демократичної партії албанців. Їхній лідер Мендух Тачі пояснив це відмовою ВМРО, по-перше, визнати

незалежність Косова, по-друге, надати албанській мові статус другої офіційної в республіці. Не були протягом двох років вирішені й інші болісні для македонців питання — щодо збільшення числа албанців в органах управління, щодо албанського прапора, щодо визнання членів Визвольної народної армії ветеранами бойових дій.

Нікола Груєвський опинився в складній ситуації, адже коаліція втратила більшість в парламенті. Виглядало так, що Македонію знову чекали дострокові вибори, але ніхто не вірив у можливість радикальних змін, адже більше, ніж економічні та соціальні питання, македонців хвилювали етнічні проблеми. Отже, як і раніше, албанці голосували за албанців, а македонці за македонців (при тому найбільш упертих щодо поступок албанцям). Тому не дуже здивувало, що під час виборів в албанських районах відбулись перестрілки, 1 людина загинула, 8 було поранено.

1 червня 2008 р. перемогу здобула коаліція «За кращу Македонію», головну роль в якій відігравала ВМРО—ДПМНЄ на чолі з Ніколою Груєвським (майже 47 %). На другому місці був блок «Сонце» Радміли Шекеринської (22 %) [6].

Алі Ахметі, лідер Демократичного союзу за інтеграцію, закликав до перегляду результатів голосування, яке було найгірше організованим за історію Македонії, а потім вивів своїх прибічників на вулиці Скоп'є. У звинуваченнях на адресу уряду пролунали й голоси представників Заходу, які поклали відповідальність особисто на Н. Груєвського; у цілому вибори були розцінені як такі, що не відповідають демократичним стандартам.

Але деякі аналітики звертають увагу на можливість існування албанських провокацій, які направлені на поступове відділення албанської частини від Македонії. Приклад та допомога з боку Косова в цій ситуації можуть відіграти неабияку роль [7]. Отже, Македонія відчуває себе в стані «оточеної вежі»: з одного боку, на неї тисне Косово, кордони з яким досі не визначені, з іншого — Греція, яка протестує проти назви «Македонія». Вихід убачається в скорішій інтеграції в НАТО та ЄС, але західні структури несхвально дивляться на македонських націоналістів, які знаходяться при владі. Відчуження їх від влади теж здається проблемним, адже їх підтримує більшість македонців, які після підписання Охридської угоди зрозуміли, що вона розглядається албанцями тільки як перший крок, отже, навіть помірковані македонці поступово стають більш радикально налаштованими.

Ще більш складна ситуація характеризує сучасний розвиток Боснії і Герцеговини. Дискусія щодо конституційних поправок, які б забезпечили рівність громадян всіх національностей, тривала з 2002 р. Весь цей час боснійці-мусульмани зберігали за собою незаконно отримані привілеї. Так, за законом, заснованим на принципі національного представництва, вони мають право на два із шести вищих постів у державі (президент, прем'єр, спікер, генеральний прокурор, голови верховного та конституційного судів), але займали три.

Жовтневі вибори 2006 р., коли боснійці вибирали водночас президента, парламент та кантональні влади, ще раз підтвердили, що народи Боснії не бажають зберігати єдність держави й голосують тільки за «свої» партії, засновані за національною ознакою. Разом з тим шості за рахунком вибори (починаючи з 1996 р.) засвідчили втомленість виборців від старих партій, таких як боснійсько-мусульманська Партія демократичного руху, Сербська демократична партія та Хорватський демократичний союз. На політичну арену вийшло молоде покоління, формування якого пройшло не в умовах комуністичного режиму, а в умовах громадянської війни.

Явка на виборах становила 52,7 %. У РС перемогу на всіх рівнях отримав Союз незалежних соціал-демократів (СНСД) на чолі з діючим прем'єр-міністром автономії Мілорадом Додіком. Президентом РС став Мілан Єліч, який змінив Драгана Чавіча. Сербським представником у Президії — Небойша Радмановіч. У Герцог-Босні перемогу також отримали соціал-демократи (Желько Комшич). Мусульмани ж надали перевагу партії «За Боснію і Герцеговину», лідером якої є Харіс Сілаїджич [8].

Аналіз політичного розвитку Боснії і Герцеговини виявляє дві головні проблеми, які лежать в основі «особливого» шляху країни.

Перша проблема — це неправильний розподіл функцій між центральними та республіканськими органами влади. Центральні органи більшу частину часу функціонували, навіть були проведені деякі реформи, у тому числі правосуддя. Але оскільки кожна національна група в парламенті (Скупщині) має право вето, його діяльність й, відповідно, діяльність інших центральних органів у більшості випадків паралізувалась. Крім вето, негативну роль відіграють принцип консенсусного прийняття рішень і правило паралельної більшості, за яким закони мають бути ухвалені більшістю депутатів-представників всіх 3 етнічних общин. Отже, будь-який закон проходив у парламенті кілька років. Спроби ж Високого представника (цю посаду до кінця січня 2006 р. обіймав П. Ешдаун, до середини 2007 р. — К. Шварц-Шіллінг, потім — М. Лайчак) відмінити ці принципи викликали масові акції протесту в країні. Нарешті, у 2008 р. Мирослав Лайчак прийняв рішення без консультацій з представниками національних общин. У результаті чиновники-серби подали у відставку, а центральні органи влади перестали функціонувати [9].

У конституціях ентитетів червоною лінією проходить ідея максимального наближення статусу ентитету до статусу суверенної держави. У конституції Республіки Сербської взагалі спочатку було оголошено «державу сербського народу та всіх її громадян»; тільки в 2002—2003 рр. нова редакція конституції визнавала Республіку Сербську одною з двох рівноправних складових Боснії та Герцеговини, а конституційними націями не тільки сербів, а й мусульман та хорватів. З тексту була також вилучена стаття 138, яка закріпляла превалювання республіканського законодавства над загальнодержавним. 28 грудня 2005 р. Скупщина Республіки Сербської прийняла також поправки до конституції, згідно з якими функції міністерства оборони з республіканського рівня передаються на федеральний. З 1 січня 2006 р. міністерство оборони РС було скасовано.

Мусульмано-Хорватська Федерація складається з 10 кантонів: 5 кантонів з переважно мусульманським населенням, 3 — хорватських та 2 зі змішаним населенням. Політичне управління зосереджено саме на рівні кантонів, які мають власну міліцію, засоби масової інформації, здійснюють освітню політику й т. п. Отже, на частку влади МХФ припадає тільки вироблення економічної та енергетичної політики, регулювання фінансів і фіскальної політики, оборона та організація збройних сил. Міста Сараєво, Мостар та Брчко взагалі знаходяться під прямим управлінням міжнародних сил [10]. Отже, Боснія так і не стала внутрішньо інтегрованою державою; її називають державою дифузного суверенітету.

Другою великою проблемою є те, що БіГ залишається міжнародним протекторатом, держава сама не контролює всю територію, національні органи влади не мають самостійності, чиновницький апарат не є стабільним. Усе це породжує безвідповідальність та корупцію, тіньову економіку та всі види кримінальної діяльності.

Водночас правдою є те, що без міжнародного втручання боснійці не здатні провести ні одну реформу. Наприклад, Дейтонські домовленості передбачали створення об'єднаної армії країни, але тільки під загрозою з боку Високого Представника ліквідувати Республіку Сербську серби дали згоду в 2005 р. З кінця 2007 р. армія становить 9—10 тис. чоловік з резервом до 5 тис. Пропорція етнічного представництва виглядає як 4:3:2 (відповідно від босняків, сербів та хорватів). Одночасно під зовнішнім тиском була формально прийнята поліцейська реформа, але серби домоглись її розтягування на 5 років.

Попри все, у листопаді 2008 р. керівництво Євросоюзу оголосило, що Боснія виконала попередні 16 умов, висунутих їй у грудні 2003 р., й досягла належного стану для того, щоб можна було розпочати переговори про «Угоду щодо стабілізації та асоціації». Отже, ЄС, який з кінця 2004 р. прийняв на себе відповідальність за реалізацію Дейтона, затверджує себе як ключовий гравець у Боснії. У рамках операції «Алтея» ЄС розгорнув свій контингент (7 тис. військових), тоді як НАТО зберегла тільки військову консультативну місію в Сараєво (150 осіб), завданням якої була підготовка військової реформи в Боснії, її членства в ПЗМ [11].

Однак серби виявили до ЄС не більше довіри, аніж до СФОР НАТО, а мусульмани однозначно жалкували за НАТО. Це дало можливість США також активізувати свою політику щодо Боснії. Важливою віхою стала зустріч боснійського керівництва з держсекретарем США К. Райс 22 листопада 2005 р., за підсумками якої була прийнята конституційна декларація. Вона передбачала «оптимізацію» структури Президії БіГ, посилення уряду та парламенту країни протягом 2006 р. Зміни, що відбулись, не мають радикального характеру. Залишається ротація посад президента та двох віце-президентів у Президії БіГ; Голова Ради міністрів отримує обмежене багатьма умовами право знімати міністрів. Кількість міністерств збільшується на два. Кількість членів нижньої палати парламенту збільшується вдвічі (з 42 до 84) [12, с. 156].

Отже, початок роботи над змінами Дейтонської конституції покладено, але конкретних домовленостей, які б зобов'язували політичні еліти Боснії співпрацювати, підписано не було. Усе це ще раз засвідчило, що одних зовнішніх зусиль для демократизації Боснії недостатньо. Консолідація держави та демократії повинна відбуватись на неформальному рівні, що перш за все передбачає розвиток громадянського суспільства, місцевого самоуправління. Порівняно з 1995 р. певні кроки в цьому напрямі зроблено. У Боснії окрім партій, побудованих на національних засадах, існують жіночі організації, студентські об'єднання й т. ін. Вони більш орієнтовані на вирішення соціальних, аніж національних проблем, що допомагає пом'якшити загальний політичний фон сучасної Боснії, відродити довіру, забезпечити толерантність.

Ознакою змін у суспільній свідомості стала довгоочікувана видача Гаазькому трибуналу лідера боснійських сербів Радована Караджича, який весь цей час скривався в Белграді. Більшість боснійських сербів сприйняла цей арешт з полегшенням. Тепер перед ними стоїть завдання видати генерала Ратко Младіча. Це залишається безапеляційною умовою ЄС та НАТО для початку переговорів про членство.

Інше, більш загальне, питання — це взагалі можливість побудування демократії в умовах відсутності суверенітету. Боснія є прикладом того, що сучасний політичний лексикон визначає як «failed state», тобто державу, яка неспроможна контролювати свою територію та ефективно справлятись з управлінськими функціями, державу, яка піддається постійному втручанню з боку зовнішніх акторів.

У Боснії війна трьох народів закінчилась тільки після втручання міжнародного миротворчого контингенту, були вироблені Дейтонські домовленості, встановлені нові формальні інститути під контролем міжнародних сил. Але, як засвідчив досвід наступних років, головною проблемою стала консолідація демократії. На сьогодні вже можна зробити висновок, що відсутність суверенітету сама по собі є перепоною для консолідації демократії.

Поки що не йдеться про скасування управління Високого Представника в Боснії і Герцеговині. Спочатку збереження міжнародного контролю передбачалось до середини 2007 р., але саме тоді в країні сталась серйозна політична криза й строк завершення міжнародної місії було перенесено на середину 2008 р. Однак проголошення незалежності Косова навесні 2008 р. підштовхнуло три народи Боснії до нового витку боротьби за повну незалежність, що супроводжувалось відкритими сутичками, підпалами та обстрілами. Отже, Рада з виконання Мирної угоди ще раз відмінила закриття управління. Тепер оголошено, що міжнародна присутність буде збережена доки національні влади не вирішать певні завдання й умови, перелік яких є досить довгим, а умови реалізації несприятливими. Так, соціологічне опитування кінця 2008 р. засвідчило, що тільки 20 % громадян уважають своєю Батьківщиною Боснію і Герцеговину. Відповідно біля 80 % жителів воліли б її розпаду.

Таким чином, Боснія опинилась у замкненому колі: без міжнародного протекторату різко зростає загроза повної дезінтеграції країни, а в умовах протекторату країна так і залишиться неконсолідованою демократією.

У такому стані Боснія залишається постійною загрозою для безпеки всієї Європи. Вона стала притулком радикальних ісламістів; на території країни діють не менше 20 центрів з вербовки молодих боснійських мусульман, яких переправляють в Ірак, Афганістан, Пакистан; є також певні свідоцтва про наявність в Боснії «сплячих» структур «Аль-Каїди». Існує підозра, що чиновники МХФ самі є пов'язаними з ісламістським підпіллям й тому роблять вигляд нібито нічого не відбувається [13, с. 106].

Отже, майбутнє Боснії і Герцеговини як об'єднаної держави залишається під великим питанням. Найбільш реалістичним сценарієм є її обертання спочатку на конфедерацію трьох автономій — сербської, хорватської та мусульманської, а потім приєднання двох перших до Сербії та Хорватії.

Досвід західнобалканських держав на сучасному етапі ще раз підкреслює важливість зовнішніх факторів у розбудові транзитивних суспільств. На перше місце висувається роль Європейського Союзу; це очевидно навіть у тих країнах які наразі ще не є кандидатами на вступ: важливим є саме завдання швидше трансформуватись задля отримання бажаного членства, тобто важливим є саме існування ЄС як своєрідної мети економічного та суспільно-політичного трансформування посткомуністичних країн Європи.

Література

1. *Соколовская О.* Хорватия у дверей Евросоюза // Европа. — 2005. — № 53. — С. 38—43.
2. *Гудзенко Г.* Желтый свет дальнейшему расширению ЕС // Зеркало недели. — 2006. — № 44. — С. 36—45.
3. *Четыре туза македонской колоды* // www.rg.ru/2004/04/15/Makedoniya.html
4. *Минин С.* Ультиматум для христианской демократии // http://religion.ng.ru/politic/ultimatum.html
5. *Выборы в Македонии сопровождаются перестрелками* // www.regnum.ru/news/1008582.html

6. *Кризис в правительстве Македонии* // http://palm.newsru.com/world/crizis.html
7. *Маркедонов С.* Ода торжественного этнонационализма // Русский журнал. — 2008. — 18 февр.
8. *Борисенко А.* Выборы в Боснии и Герцеговине // www.metropolgroup.ru/press_center/press_article.wbp?article_id=bac69504-3296-4a62-ba51-183c525c34f2
9. Государственная система Боснии // http://president.org.ua/news-131211/
10. *Мусульмано-Хорватская Федерация* // http://www.library.cjcs.ru/online/?a==con&b_id=747&c_id=10225
11. *Bosnia's precarious economy:* still not open for business // www.crisisgroup.org.
12. *Калоева Е. Б.* Роль национализма и популизма в судьбах народов Югославии в XX—XXI вв. // Национализм и популизм в Восточной Европе. — М.: РАН, 2007. — С. 147—165.
13. *Калоева Е. Б.* Права национальных меньшинств и проблема мультикультурализма // Национальные меньшинства в странах Центрально-Восточной Европы. — М.: ИНИОН РАН, 2007. — С. 99—112.

О. И. Брусиловская
Кафедра международных отношений ОНУ имени И. И. Мечникова,
к. 32, Французский б-р, 24/26, г. Одесса-58, 65058, Украина

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ТРАНСФОРМАЦИЯ ЗАПАДНОБАЛКАНСКИХ СТРАН В 2004—2009 ГОДАХ

Резюме
Статья посвящена проблеме политической трансформации западнобалканских стран на примере Хорватии, Македонии, Боснии и Герцеговины, которые перешли ко второму этапу посткоммунистических трансформаций после 2004 года. Компаративный анализ реформ дает возможность проанализировать особенности опыта западнобалканских стран для выяснения возможностей его применения в Украине.

Ключевые слова: политическая трансформация, партийная система, парламентские выборы, правительственная коалиция.

O. I. Brusylovska
Department of International Relations, Odessa National University,
k. 32, French Bul., 24/26, Odessa-58, 65058, Ukraine

POLITICAL TRANSFORMATION OF WESTERN BALKAN STATES IN 2004—2009

Summary
The article is dedicated to the problem of political transformation of the Western Balkan states on the example of Croatia, Macedonia, Bosnia and Herzegovina that already moved to another stage of post-communist transformations after 2004. Reforms' comparative analysis offers the possibility to emphasize special features of Western Balkan states for ascertaining the possibilities of its usage in Ukraine.

Key words: political transformation, party system, parliamentary elections, governmental coalition.

УДК 355.02:061.1ЕС

О. В. Романова,
канд. полит. наук, ст. преп. кафедры международных отношений
Одесского национального университета имени И. И. Мечникова,
к. 32, Французский б-р, 24/26, г. Одесса-58, 65058, Украина,
тел. 0482 63-32-59

ВЕЛИКОБРИТАНИЯ В ПРОЦЕССЕ ФОРМИРОВАНИЯ «ВОЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОГО ИЗМЕРЕНИЯ» ЕС В ПОСТБИПОЛЯРНЫЙ ПЕРИОД

В статье исследуется место и роль Великобритании в процессе формирования Общей внешней политики и политики безопасности (ОВПБ) Европейского Союза. Представлен компаративный анализ позиций консерваторов и лейбористов относительно проблемы нормативно-правового обеспечения и институционального становления ОВПБ ЕС в контексте трансатлантических отношений.

Ключевые слова: Общая внешняя политика и политика безопасности ЕС, национальная стратегия, суверенитет, европейская идентичность, трансатлантические отношения.

Изменение геополитической ситуации в начале 1990-х гг. в Европе и в мире привело к кардинальному сдвигу приоритетов в области безопасности и обороны. Это, в свою очередь, оказало определенное влияние на положение ведущих акторов региональной безопасности в контексте трансатлантических отношений. Однако для Великобритании приоритет обязательств Западной Европы перед США в сфере безопасности остался незыблемым.

Эволюцию британского подхода к процессу создания Общей внешней политики, политики безопасности и обороны ЕС в контексте ее особенных отношений с США можно было проследить на основании официальных заявлений и выступлений представителей политических кругов Великобритании, таких, например, как Д. Хэрд, Н. Киннок, Дж. Мейджор, Т. Блэр. В исследованиях английских ученых Д. Кеохэна, Дж. Стэфана, Р. Вестера, С. Бископа, Д. Чатера и Эл. Понд также проводится всесторонний анализ подходов консервативных и лейбористских правительств Великобритании к проблеме формирования «военно-политического измерения» Европейского Союза в контексте трансатлантических отношений.

Подход консерваторов, сформулированный осенью 1990 г. бывшим тогда министром иностранных дел Великобритании Дугласом Хэрдом, заключался в том, что европейская безопасность без активного и определяющего участия Соединенных Штатов невозможна, так же как не может быть никакой европейской обороны без опоры на военные структуры НАТО. Все меры, направленные на создание европейских оборонных структур, должны осуществляться с привлечением США на этапе их формирования и дальнейшего функционирования [1, с. 22]. При этом необходимо заметить, что Лондон всегда настаивал на отдельном рассмотрении вопросов внешней политики, безопасности и обороны. В результате этого только внешняя политика и политика безопасности были зафиксированы в Маастрихтском договоре как область, где требу-

© О. В. Романова, 2010

ется выработка общей политики. Вопросы обороны были оставлены на будущее. Великобритания настаивала на том, что вопросы внешней политики, безопасности и обороны должны оставаться прерогативой национальных правительств. Как заметил один из исследователей британской военной политики Д. Чатер, Лондон «всегда опасался, что организованная Европа будет организована кем-то другим, на враждебных принципах» [2, с. 107]. Правительство консерваторов выступало против любого ограничения какой-либо организацией свободы Великобритании проводить военные операции по защите британских внешнеполитических интересов. В Белой книге по вопросам обороны 1996 г. подчеркивалось, что «решения, связанные с риском для жизни наших вооруженных сил, могут приниматься только национальными правительствами, подотчетными национальным парламентам», а не большинством голосов в ЕС [3, с. 12]. Д. Хэрд, выступая в Международном институте стратегических исследований в марте 1996 г., также особо отметил, что область обороны еще более, чем внешняя политика, должна быть предметом сотрудничества между правительствами. НАТО при этом неизменно считалась краеугольным камнем безопасности страны. Вследствие этого, Лондон всегда относился с большим подозрением к планам, осуществление которых могло привести к ослаблению или дублированию данной организации. Так, Великобритания довольно негативно отнеслась к решению Франции и Германии создать Еврокорпус, считая, что он создается «для неопределенных целей» [4,с. 87]. Согласно официальному мнению Лондона, план создания Еврокорпуса мог подтолкнуть США к выводу войск из Европы, так как совпадение функций Еврокорпуса и Корпуса быстрого реагирования НАТО было очевидным. Как верно отметила, в данном контексте, российский ученый Н. К. Капитонова, «в своей преданности Североатлантическому альянсу правительство Мейджора порой превосходило саму американскую администрацию» [4, с. 88].

Великобритания всегда оставалась одним из самых верных союзников НАТО, вследствие чего не могла пренебрегать даже незначительной угрозой разрушения основ этой организации. Ослабление роли НАТО и США в Западной Европе угрожало одному из главных принципов британской внешней политики, основывающемуся на особенных отношениях с Соединенными Штатами, которые возникли вследствие выполнения Великобританией функции связующего звена между США и европейскими странами — членами НАТО. В результате этого, по мнению официального Лондона, понижение статуса трансатлантических связей могло привести к ослаблению роли Великобритании в Европе и в мире. Что совершенно не соответствовало ее национальным интересам. Именно поэтому особый интерес для британской стороны в ходе Маастрихтской межправительственной конференции представляла третья опора институциональной структуры ЕС, охватывающая вопросы внешней политики и политики безопасности.

Британское руководство, осознав неотвратимость институциализации военно-политического сотрудничества в рамках Европейского Союза, сосредоточилось на возможности перехватить инициативу у Франции и Германии в дальнейшем планировании данного направления сотрудничества, так как именно в области Общей внешней политики и политики безопасности ЕС наблюдались наиболее серьезные расхождения между Лондоном и его западноевропейскими партнерами.

В целом Великобритания признавала необходимость перемен в том, что касается политики ЕС в области внешней политики и безопасности, но делала акцент не на радикальных, а на эволюционных изменениях, предполагающих совершенствование

структур, обеспечивающих обмен внешнеполитической информацией и проведение анализа международной ситуации. Белая книга правительства консерваторов (1996 г.) содержала ряд предложений по повышению эффективности сотрудничества стран — членов ЕС в области внешней политики. В частности, речь шла об усилении сотрудничества в области внешней политики, назначении представителя по внешней политике Евросоюза для связей с внешним миром, выражающего коллективное мнение Совета министров относительно внешнеполитических проблем и подотчетного ему [5, с. 38]. При этом Лондон, традиционно выступая за усиление координации внешней политики стран — членов ЕС, в тоже время исходил из того, что общая политика не может заменить национальную внешнюю политику, что она является сферой сотрудничества, а не интеграции, и настаивал на сохранении межгосударственного характера сотрудничества. Таким образом, британское правительство отдавало предпочтение НАТО вследствие того, что это был альянс суверенных государств, не обладающий наднациональными полномочиями [4, с. 88].

В период Маастрихтского саммита британское руководство выступило против планов Франции и Германии относительно углубления европейского сотрудничества в сфере внешней политики и политики безопасности, которое могло в будущем дублировать или даже заменить НАТО в качестве ведущей европейской оборонной структуры. Как отмечал в своей книге западный исследователь Р. Вестер, премьер-министр Дж. Мейджор (1990—1997 гг.) и министр иностранных дел Д. Херд предостерегали, что любые планы ЕС могут быть расценены Соединенными Штатами как ослабление роли НАТО в обеспечении европейской безопасности и приведут к сокращению американских обязательств по отношению к западноевропейским государствам [6, с. 198]. Вследствие этого, Великобритания настаивала на необходимости разделения в тексте Маастрихтского договора вопросов безопасности и обороны. Дж. Мейджор считал, что «именно новые вызовы европейской безопасности должны определять сотрудничество в области безопасности между странами — членами ЕС, а традиционная для европейской безопасности составляющая трансатлантической коллективной обороны, которая доказала свою эффективность на протяжении «холодной войны», должна остаться неизменной» [7]. Лондон вообще старался не предпринимать в области «общей обороны» никаких радикальных шагов, предпочитая укрепление «европейской опоры», а не конкурирующей с НАТО структуры.

Поскольку сотрудничество в рамках Западноевропейского союза осуществлялось на межгосударственном уровне и он являлся «европейской опорой» НАТО, Великобритания увидела в ЗЕС приемлемую альтернативу идее наделения ЕС оборонными функциями. При этом, проявляя интерес к ЗЕС, британское правительство выдвигало условие, что он не должен дублировать НАТО, а иметь вспомогательный характер. Правительство Дж. Мэйджора стремилось разграничить сферы деятельности этих организаций, отводя НАТО задачу обеспечения территориальной целостности и безопасности в Европе, а Западноевропейскому союзу — участие в урегулировании кризисов, миротворческие и гуманитарные операции. Официальная позиция Лондона по данному вопросу заключалась в том, что Великобритании «нужны обе организации, и задача Британии состоит не в том, чтобы выбирать одну из них, а в том, чтобы обеспечить их соответствие друг другу» [4, с. 89].

Однако Великобритания, последовательно отстаивавшая идею укрепления сотрудничества между ЕС и ЗЕС, в то же время была против их полного слияния или измене-

ния статуса и подчинения Западноевропейского союза Евросоюзу, за что в свою очередь выступали Франция и Германия. В Белой книге по вопросам обороны подчеркивалось, что Великобритания испытывает «существенные опасения относительно предложений подчинить ЗЕС Евросоюзу или, что еще хуже, объединить обе организации» [3, с. 13]. В целом, в позиции Дж. Мейджора в отношении ЗЕС наблюдалась некоторая двойственность. С одной стороны, правительство Мэйджора, учитывая благосклонное отношение администрации Клинтона к созданию «европейской оборонной идентичности», вынуждено было признать, что ЗЕС является наиболее подходящей структурой для развития европейского сотрудничества в области обороны [5, с. 45]. В связи с этим Великобритания выступила за укрепление сотрудничества ЕС с ЗЕС и внесла целый ряд предложений, направленных на повышение эффективности Западноевропейского союза. С другой стороны, Лондон негативно отнесся к стремлению Парижа усилить значение Западноевропейского союза и придать ему «более отчетливый оборонный профиль» [4, с. 91]. Какие-либо изменения в статуте ЗЕС, особенно того, что касается его слияния со структурами ЕС, для Великобритании оставались неприемлемыми.

Позитивный сдвиг в британской позиции относительно необходимости формирования собственного европейского «военного измерения» произошел лишь с приходом к власти нового правительства лейбористов, в предвыборном манифесте (1994 г.) которых была высказана поддержка развитию ОВПБ. В октябре 1998 г. премьер-министр Т. Блэр заявил, что Великобритания меняет свой курс, поддерживая оборонную составляющую в Европейском Союзе. Роль единственного последовательного сторонника «атлантической» оппозиции не могла быть конструктивной в условиях усиления федералистских тенденций в ЕС. На неофициальной встрече ЕС на высшем уровне в Портшахе (октябрь, 1998 г.) Т. Блэр выступил за развитие самостоятельных европейских инструментов обороны, которые позволили бы членам ЕС осуществлять общие военные операции [8, с. 253].

Можно предположить, что изменения в позиции Великобритании были во многом связаны с личными взглядами и политическими убеждениями Т. Блэра, являющегося последовательным сторонником европейской интеграции и полагавшего, что участие в строительстве Европы не означает разрыв связей с историей Великобритании, а наоборот открывает возможность осуществить ее.

Вместе с этим правительство лейбористов, как и его предшественники- консерваторы, не желало ослабления трансатлантических связей и рассматривало НАТО как основу европейской безопасности. В следствие этого, полагает английский исследователь Эл. Понд, Великобритания выступила против идеи создания европейской армии и настаивала на необходимости привлечения к совместным оборонным действиям тех членов НАТО, которые не являются членами ЕС [9, с. 31].

Таким образом, новая позиция официального Лондона открывала путь к поиску компромисса в процессе дальнейшего формирования ОВПБ. В результате состоялась франко-британская встреча на высшем уровне в Сен-Мало (декабрь, 1998 г.), на которой Т. Блэр заявил, что Великобритания меняет свой курс, выступая за формирование оборонной составляющей в ЕС. Вместе с этим, однако, он подтвердил, что сохранение привилегированных отношений Великобритании с Соединенными Штатами является стратегической целью Великобритании. Таким образом, можно констатировать тот факт, что Великобритания не собиралась отказываться от традиционных приори-

тетов трансатлантических связей, в целом придерживаясь концепта укрепления европейской составляющей НАТО.

В принципе, Великобритания продолжает придерживаться осторожной позиции относительно темпов углубления европейской интеграции в области внешней политики, безопасности и обороны, отдавая предпочтение не единой системе обороны, а коллективным координированным действиям.

Лейбористы признают целесообразность развития общей внешней политики, сохраняя при этом собственную точку зрения относительно механизмов ее формирования. Например, что касается структуры обеспечения ОВПБ ЕС на современном этапе, Великобритания поддерживает идею создания представительств ЕС, но не видит смысла в учреждении должности министра иностранных дел ЕС и в создании соответствующего министерства Европейского Союза. Для британского правительства появление в структуре коммунитарных институтов должности, которая возьмет под оперативный контроль все внешние связи Европейского Союза, означает потерю определяющей роли национальных правительств в осуществлении внешнеполитических действий ЕС.

Все вышеизложенное свидетельствует о существовании двух взаимоисключающих тенденций во внешней политике Великобритании — обеспечение неприкасаемости британского суверенитета и желание оказаться в центре процесса формирования европейской политики. Согласно точке зрения правительства Великобритании, военная сфера является исключительной компетенцией державы и, безусловно, имеет большое значение для политической самоидентификации страны. В данном контексте трансатлантическое сотрудничество позволяет Великобритании оставаться ведущим актором в системе европейской безопасности, в отличие от ее региональной роли, которая станет следствием превалирования континентальной системы безопасности и обороны.

Литература

1. *Hurd D.* Europe's Defence and Security in the 1990's // Arms Control and Disarmament Quaterly Review. — 1991. — January. — 19 — P. 18—26.
2. *The European Union* and National Defence Policy / Ed. By J. Howorth and A. Menon. The State and the European Union Series. — 1997. — 187 p.
3. *Statement on the Defence Estimates 1996.* Ministry of Defence, Cmnd. 3223. — L., 1996.
4. *Капитонова Н. К.* Приоритеты внешней политики Великобритании (1990—1997 гг.). — М.: РОССПЭН, 1999. — 142 с.
5. *A Partnership of Nations.* The British Approach to the European Union Intergovernmental Conference 1996. Cmnd. 3181. — L. (HMSO), March 1996
6. *Wester R.* The UK and European Political Union / The Intergovernmental Conference on Political Union. Ed by Finn Laursen and Sophie Vanhoonacker, 1994. — P. 195—199
7. *US conflicted over new European force MILITARY:* Americans want other nations to spend more on defense, but fear undermining NATO. Orange County Register; Santa Ana, 1999. — Dec 22. — An Address to: http: // www.europa.eu.int/SN 200/00 ADD 1.
8. *Biscop S.* The UK's change of course: a new chance for the ECDI // European foreign affairs Review. — 1999. — № 4. — P. 253—268.
9. *Pond E.* Kosovo: Catalyst for Europe // Washington Quarterly. — 1999. — Vol. 22. — Iss. 4. — P. 29—40.

О. В. Романова
Одеський національний університет імені І. І. Мечникова,
кафедра міжнародних відносин,
к. 32, Французький б-р, 24/26, м. Одеса-58, 65058, Україна

ВЕЛИКА БРИТАНІЯ В ПРОЦЕСІ ФОРМУВАННЯ «ВІЙСЬКОВО-ПОЛІТИЧНОГО ВИМІРУ» ЄС У ПОСТБІПОЛЯРНИЙ ПЕРІОД

Резюме
У статті аналізуються місце й роль Великої Британії в процесі формування Спільної зовнішньої та безпекової політики (СЗБП) Європейського Союзу. Наведено компаративний аналіз позицій консерваторів і лейбористів щодо проблеми нормативно-правового забеспечення та інституціонального становлення СЗБП ЄС у контексті трансатлантичних відносин.

Ключові слова: Спільна зовнішня та безпекова політика ЄС, національна стратегія, суверенітет, європейська ідентичність, трансатлантичні відносини.

O. V. Romanova
Odessa NationalUniversity,
Department of International Relations,
r. 32, French. Bul., 24/26, Odessa-58, 65058, Ukraine

THE GREAT BRITAINE IN THE PROCESS OF THE CREATION OF THE EU'S «MILITARI-POLITICAL DIMENSION» IN POSTBIPOLAR PERIOD

Summary
In the article the Great Britain's place and role in the process of the CFSP's development is analyzed. The article represents a comparative analysis of the approaches of conservatives and labourists to the problem of the creation of the CFSP's decision-making and institutional mechanism of common foreign policy in the context of the transatlantic relations.

Key words: Common foreign and security policy of the EU, national strategy, sovereignty, European identity, transatlantic relationship.

УДК: 327.8(73)(477)

В. М. Шамраєва,
канд. істор. наук, доцент кафедри європейської та євроатлантичної інтеграції
і національної безпеки Хар РІ НАДУ при Президентові України,
к. 20, вул. Цюрупи, б. 5, м. Харків-64, 61064, Україна,
т. (057) 7323255, shamraeva@list.ru

«ПЕРЕЗАВАНТАЖЕННЯ» АМЕРИКАНО-РОСІЙСЬКИХ ВІДНОСИН (вплив на український напрямок зовнішньої політики США)

Автором проаналізовано перші кроки адміністрації Б. Обами з формування концепції американо-російських відносин; виявлено основні фактори, що сприяють змінам у двосторонньому співробітництві цих держав, можливий вплив таких змін на міжнародну політику та світові відносини в цілому. Також зроблено спробу спрогнозувати подальший розвиток відносин між США, Росією та Україною, виходячи з нового бачення побудови американо-російського співробітництва.

Ключові слова: зовнішня політика, міжнародні відносини, зовнішньополітична доктрина.

Постановка проблеми у загальному вигляді та її зв'язок з важливими науковими чи практичними завданнями. Прихід у Білий дім нової демократичної адміністрації на чолі з Б. Обамою відкрив нові можливості щодо перегляду принципів розбудови американо-російських відносин та можливості вирішення основних проблемних питань розвитку міждержавного співробітництва. Серед перших закордонних візитів нового американського президента було і відвідання Москви, що показало важливість для нової американської адміністрації відносин з Росією. Якими будуть ці відносини покаже час, але вже сьогодні видно, що вони значно вплинуть на всю конфігурацію регіональних та світових міжнародних відносин, у тому числі і на подальший розвиток відносин України як зі Сполученими Штатами, так і з Російською Федерацією. Саме в цьому контексті Україні необхідно аналізувати перебіг російсько-американських переговорів з основних проблем і прагнути зміцнити свої позиції у відносинах з цими державами, як двосторонніх, так і у контексті співпраці у рамках міжнародних організацій.

Аналіз останніх досліджень і публікацій, у яких започатковано вирішення даної проблеми і на які спирається автор. На жаль, визначена проблематика ще не отримала достатнього висвітлення у вітчизняних науково-аналітичних колах. Ця публікація є логічним продовженням дослідження автора, яке було започатковане у попередніх статтях [1—3] і спирається на періодичні видання та короткі аналітичні доповіді, виступи світових лідерів [4—7].

Виокремлення невирішених раніше частин загальної проблеми, котрим присвячується означена стаття. На сьогодні уваги аналітиків потребує вивчення позицій обох сторін американо-російського діалогу та процес формування оновлених відносин між США та РФ. Ці фактори будуть безпосередньо впливати і на вирішення ос-

© В. М. Шамраєва, 2010

новних міжнародних питань, у яких безпосередньо зацікавлена Україна. Серед них важливого значення набуває бачення як демократичною адміністрацією, так і адміністрацією президента Д. Медведєва системи євроатлантичної безпеки, а звідси і позиція держав щодо українських євроатлантичних та євроінтеграційних устремлінь. Багато в чому успішність нового американсько-російського діалогу буде сприяти і розбудові конструктивних українсько-американських та українсько-російських відносин.

Формулювання цілей статті (постановка завдання). За мету публікації визначено аналіз перших кроків адміністрації Б. Обами з формування концепції американо-російських відносин; виявлення основних факторів, що сприяють змінам у двосторонньому співробітництві цих держав, можливий вплив таких змін на міжнародну політику та світові відносини в цілому. Також зроблено спробу спрогнозувати подальший розвиток відносин між США, Росією та Україною, виходячи з нового бачення побудови американо-російського співробітництва.

Виклад основного матеріалу дослідження з повним обґрунтуванням отриманих наукових результатів. Після закінчення «холодної війни» США та Росія пішли на зближення у міждержавних відносинах. Б. Клінтон підтримував Б. Єльцина у його прагненні зробити РФ частиною Західного світу, глибоких внутрішніх реформ та демократизації держави. Але цей період активного партнерства завершився зі зміною правлячих адміністрацій, як у США, так і у РФ. Дж. Буш вивів російсько-американські відносини за межі першочергових пріоритетів американської зовнішньої політики. На порядку денному стояло зміцнення та закріплення впливу США на пострадянському просторі, розширення НАТО на Схід та тісна співпраця з державами Центральної та Східної Європи у їх прагненні до демократизації та інтеграції у євроатлантичні структури, що викликало ідеологічні суперечності з Москвою. У той же час В. Путін, як досить сильний політик, не шукав легких шляхів до російсько-американського зближення за рахунок принципових поступок національними інтересами РФ у сфері міжнародної політики та принципах побудови регіональної системи безпеки, а пропонував власну програму внутрішніх реформ і нову зовнішньополітичну концепцію, спрямовану на відновлення позицій Росії на світовій арені.

Нові надії на покращення клімату російсько-американських відносин принесло обрання президентом РФ Д. Медведєва та приходом до Білого дому нової демократичної адміністрації на чолі з Б. Обамою.

Одна з перших зустрічей президентів США та РФ відбулася у квітні 2009 р. в рамках лондонського саміту «великої двадцятки». На той час стали зрозумілими кроки нової американської адміністрації, спрямовані на зміну зовнішньополітичної стратегії, які б сприяли пошуку нових союзників та покращенню іміджу США на міжнародній арені. Ця зустріч стала важливим етапом у процесі становлення принципово нового етапу співробітництва між США та РФ. Головними проблемами у американо-російських відносинах стали розбіжності точок розу на основні проблеми міжнародних відносин та шляхів їх вирішення. Б. Обамі та Д. Медведєву для успішного «перезавантаження» необхідно було зблизити підходи щодо близькосхідного урегулювання та ядерної програми Ірану, деяких інших проблемних питань.

На зустрічі також обговорювалися позиції держав щодо бачення подолання внутрішньополітичної кризи в Україні та проведення там президентських виборів 2010 р. З цієї проблеми сторони заявили про недопустимість втручання в українські внутрішньополітичні справи будь-якої зовнішньої сили [4].

Під час своєї першої зустрічі президенти США та Росії прийняли важливе рішення про початок нових переговорів щодо ядерного роззброєння. Це можна було розцінювати як перший крок до так званого «перезавантаження» американо-російських міждержавних відносин.

Шанси на успіх світовими аналітиками розцінювалися як великі: глобальна фінансова і економічна криза змушувала як США, так і Росію укріпляти та активізувати міжнародну співпрацю. Крім того, як Б. Обама, так і Д. Медведєв віддавали перевагу стриманішому і ввічливішому тону, ніж їх попередники. Це значно сприяло зближенню та налагодженню конструктивного діалогу.

Проте спостерігачів непокоїло те, що за багатьма міжнародними питаннями існували значні розбіжності в поглядах лідерів США та Росії. Але найбільша перешкода на шляху до остаточного поліпшення американо-російських стосунків — це різниця в ролі, яку сторони їм відводять.

Для Б. Обами та його адміністрації поліпшення стосунків з Росією — всього лише засіб для досягнення інших міжнародних та і внутрішньополітичних цілей. У Вашингтоні Росію вважають лише регіональною державою, яка за бажанням може створити певні труднощі для Сполучених Штатів у їх зовнішній політиці. Але як рівного за силою і впливом партнера або супротивника Москву не сприймають. Більш реальними для політики Вашингтона викликами є глобальна фінансова і економічна криза, війна з терором і приборкання ядерних амбіцій Ірану. Для полегшення їх вирішення, непогано було б залучити до союзників і Росією. Але нормалізація відносин з РФ не була для демократичної адміністрації першочерговим завданням. І тому Б. Обама не готовий був остаточно відмовитися від розгортання елементів ПРО в Східній Європі або від перспективи вступу України і Грузії до НАТО [5].

Росія надавала стосункам з США зовсім іншого значення. Для неї відносини зі Сполученими Штатами були, і зараз залишаються, своєрідною точкою відліку для визначення своєї визнаної ролі у світовому співтоваристві. Тому в зовнішній політиці відносини з Вашингтоном — пріоритетне питання для Москви. Саме тому в Кремлі не приховували свого ставлення до економічних труднощів в США, хоча вони і ударили згодом і по російській економіці. Москва реалізувала всі можливі заходи, щоб послабити позиції США у колишніх радянських республіках Азії та витіснити американців з Киргизії, хоча послаблення сил НАТО в Афганістані загрожує безпеці самої Росії. Такими ж факторами пояснюється і політика Москви щодо Ірану [5].

Перший рік президентства Б. Обами позначився великими поступками Російській Федерації задля практичної реалізації проголошеного «перезавантаження» російсько-американських відносин. Так було прийнято рішення про зняття з порядку денного проекту США про розміщення елементів протиракетної оборони (ПРО) у країнах Східної Європи, який відстоювала попередня адміністрація Дж. Буша. Це рішення позитивно вплинуло на клімат російсько-американських відносин, бо Російська Федерація розглядала американські ПРО у державах Центральної та Східної Європи як пряму загрозу власній національній безпеці.

Б. Обама намагався досягти тісної співпраці з Д. Медведєвим при вирішенні іранського питання, яке стало першочерговим у американській зовнішній політиці. У свою чергу, Російська Федерація в офіційних заявах виступала проти прагнення Ірану набути ядерну зброю, але і висловлювала сумніви щодо прогресу цієї держави у ядерній програмі. Москва в той же час є важливим економічним і політичним партнером

Тегерану, поставляє йому військову техніку та будує там атомну електростанцію і тому зацікавлена у збереженні стабільності в регіоні та підходить обережно до можливості запровадження санкцій, спрямованих проти Ірану через можливу втрату такого важливого партнера, як Тегеран.

Іран та РФ мають вихід до Каспійського моря. Раніше у СРСР та Ісламської Республіки Іран був спільний кордон у 100 миль, а тепер їх розділила Республіка Азербайджан. Стратегічні інтереси держав збігаються і у прагненні недопущення присутності у цьому регіоні військових баз НАТО. На сьогодні Росія розглядає Іран як ключового партнера при вирішенні регіональних питань міжнародних відносин.

Ще одним важливим гравцем у комплексі іранського питання є Китайська Народна Республіка, яка, як і Російська Федерація, виступає проти запровадження жорстких санкцій проти Ірану та має право вето у Раді Безпеки ООН. Саме на Китай і може спиратися Росія для відстоювання регіональних зовнішньополітичних інтересів без зниження інтенсивності російсько-американського діалогу.

Таким чином, важливою проблемою, яка ускладнювала російсько-американські відносини стала позиція держав щодо Ірану та його ядерної програми. Першу половину 2009 р. Москва не підтримувала пропозицій Вашингтону із запровадження більш жорстких санкцій проти цієї мусульманської країни. Така стриманість пояснювалася тим, що Російська Федерація як сусід Ірану тісно пов'язана з ним геополітичними інтересами, і Москва прагне не загострювати відносин з Тегераном. Саме тому Росія у Раді Безпеки ООН намагалася пом'якшити санкції під час обговорення можливих заходів проти Ірану.

РФ завжди розглядала питання запровадження санкцій проти Ірану і у контексті актуальних проблем російсько-американських відносин. Серед яких і переговори щодо укладення договору про скорочення стратегічних ядерних озброєнь і розширення НАТО на Схід, прагнення України та Грузії приєднатися до альянсу, побудова нової системи європейської безпеки.

У вересні з'явилися перші повідомлення, що адміністрація Б. Обами досягла певних дипломатичних успіхів щодо стримування іранської ядерної програми. Було досягнуто домовленість про переговори між Іраном, США та ще п'ятьма зацікавленими державами, в тому числі і РФ.

До переговорів у Женеві з питань, пов'язаних з ядерною програмою Ірану, були задіяні багато світових політиків. Восени у Відні було досягнуто компромісне рішення зі збагачення іранського урану. Б. Обама висловив вдячність Д. Медведєву та Н. Саркозі за конструктивну позицію під час переговорів.

У жовтні представники Ірану, Росії, Франції та США на переговорах в Австрії підписали попередню угоду, у відповідності до якої іранський уран буде збагачуватися у Російській Федерації, а потім проходитиме додаткову переробку у Франції. Отримані у результаті такого циклу матеріали будуть використовуватися в іранських реакторах та у сфері медицини. Тегеран оголосив, що остаточне рішення буде прийнято вже до кінця 2009 р. [6].

Наступною важливою проблемою в американо-російських відносинах стало питання щодо розміщення ПРО в Польщі та Чехії. Адміністрація Дж. Буша мала намір розмістити до 2013 р. десять ракет-перехоплювачів у Польщі, а також радар в Чехії під приводом захисту від передбачуваної ракетної загрози з боку Ірану. Москва вважала, що американська ПРО буде загрожувати її національній безпеці.

З приходом Б. Обами ситуація дещо змінилася. У питанні ПРО нова адміністрація до 17 вересня 2009 р. дотримувалась нейтралітету. У вересні Б. Обама і глава Пентагону Роберт Гейтс оголосили про внесення коректив в плани зі створення системи протиракетної оборони. США не відмовилися від розміщення наземних елементів ПРО в Європі, лише відклавши початок їх розгортання до 2015 р. [7].

Повністю позиційний район ПРО, включаючи наземну структуру, буде створений до 2020 р. в чотири етапи. До моменту появи перших наземних об'єктів береги Європи патрулюватимуть військові кораблі США з ракетами-перехоплювачами на борту.

Перегляд стратегії викликав схвалення з боку російських політиків. Д. Медведєв підтримав нові плани США, і в заявах російських офіційних осіб підкреслювалося те, що США почали прислухатися до позиції Росії. На що у адміністрації Б. Обами підкреслили, що завдання ПРО — протистояння потенційній загрозі з боку Ірану.

Міністр оборони США Роберт Гейтс, який є республіканцем та входив до адміністрації Дж. Буша, заявив, що рішення Вашингтону з модернізації створюваної США в Європі системи ПРО не було поступкою Росії, як проголошують критики в лавах опозиційної республіканської партії. В офіційних заявах він також неодноразово підкреслював, що критика плану є «спотворенням» дійсності.

За запевненнями офіційних осіб Пентагону стратегія Джорджа Буша-молодшого з ПРО, проти якої виступала Росія, завжди була спрямована на перехоплення іранських ракет дальнього радіусу дії. Проте, посилаючись на інформацію власних секретних служб, США визнали, що Іран ще не розробив такі ракети і, ймовірно, їх у його розпорядження не буде і в 2015—2020 рр.

В результаті Р. Гейтс, як міністр оборони у новій адміністрації, скоригував план США на можливість перехоплення ракет малого і середнього радіусу дії. США у зв'язку з цим почнуть споруджувати наземні елементи системи тільки 2015 р., а зараз доцільним було визнано відправку до Північної і Південної Європи кораблів, озброєних ракетами-перехоплювачами.

«Ставлення Росії і можлива реакція не відіграли ролі в моїх рекомендаціях президентові з цього питання. Звичайно, беручи до уваги ворожість Росії до американської ПРО в Європі, якщо російське керівництво прийме план, тоді це буде несподіванкою і вітальною зміною політики з їхнього боку», — зазначав Р. Гейтс [8].

Необхідно зазначити, що нові ініціативи Б. Обими не знайшли схвалення в американському суспільстві. Так після оприлюднення 17 вересня нової стратегії Вашингтону з ПРО міністр оборони США зазнав критики з боку республіканців та американських військових. Сенатор Джон Маккейн (колишній кандидат у президенти від республіканської партії) назвав новий план, котрий анулює домовленості між урядом США, Чехією та Польщею, «помилкою» і поступкою Росії.

Водночас лідери країн Євросоюзу на Брюссельському саміті привітали рішення США відмовитися від розгортання ПРО в Польщі та Чехії.

Зближення позицій Москви і Вашингтону і надалі простежувалися й щодо іранської ядерної загрози. Після того, як на саміті «двадцятки» у Піттсбурзі Барак Обама, Ніколя Саркозі і Гордон Браун оголосили про виявлення в Ірані секретного заводу зі збагачення урану, політику Ірану засудили Росія та Китай.

Важливим етапом для розвитку відносин США і РФ став візит Б. Обами до Москви в липні 2009 р. Під час цього візиту президенти підписали пакет документів, у тому числі про створення двосторонньої комісії щодо зміцнення співпраці між країнами.

У рамках цієї комісії функціонують 16 робочих груп, а наприкінці року держсекретар США Хілларі Клінтон і глава МЗС РФ Сергій Лавров домовилися про збільшення їх числа. Про досягнення у роботі комісії говорити поки зарано, але робочі групи (з боротьби з розповсюдженням наркотиків, зі зміцнення торговельних зв'язків і т. д.) регулярно проводять зустрічі з поточних питань співробітництва.

Головним спільним проектом стала підготовка договору про скорочення стратегічних наступальних озброєнь (СНО). Сторони вирішили зробити все для того, щоб документ був готовий до 5 грудня — моменту закінчення попереднього договору. Глави переговорних груп заступник держсекретаря США Еллен Тошер і заступник глави МЗС РФ Сергій Рябков вважають за краще не говорити передчасно про ступінь успішності консультацій [7].

Процес проведення консультацій щодо розробки та підписання договору СНО супроводжується низкою поступок з обох сторін. Так Росія дозволила проліт військ НАТО над своєю територією до Афганістану, про що раніше не йшлося [7].

Показовим у новій міжнародній політиці США став і своєрідний розподіл ролей, тоді як Б. Обама і держсекретар Хілларі Клінтон зосередили увагу на відновленні відносин з Росією, віце-президент США Джозеф Байден сконцентрував увагу на державах, які є сусідами Росії, пояснюючи їм, що «перезавантаження» не буде шкодити їхнім інтересам. Спочатку Д. Байден здійснив офіційні візити до Грузії і України, пізніше до Польщі й Чехії.

Під час офіційного візиту до Києва він зробив усе можливе, щоб заспокоїти українських політиків щодо основних принципів побудови зовнішньої політики США у Центральній та Східній Європі. Так під час інтерв'ю «Українським новинам» віце-президент США зазначав: «Ми працюємо над перезавантаженням наших відносин з Росією, але хочу вас і ваш народ запевнити, що це не буде за рахунок України. Скоріше, навпаки, я переконаний, це буде корисно для України» [9]. Д. Байден підкреслював, що США розглядає Україну як стратегічного партнера в Європі.

Адміністрація Б. Обами вважала, що нормалізація американо-російських відносин буде корисною для України і не здійснюватиметься за рахунок українського напрямку зовнішньої політики Сполучених Штатів. Під час перебування у Києві Д. Байден також неодноразово наголошував, що США не визнавали і не визнають будь-які сфери інтересів і вважають, що кожна країна повинна сама вибирати свій шлях розвитку.

За результатами візиту Президент Віктор Ющенко відзначив, що Україна зацікавлена в тому, щоб відносини між США і Росією розвивалися в конструктивній і діловій атмосфері, та висловив надію, що поліпшення російсько-американських відносин не погіршить відносини між Україною і Сполученими Штатами. Сторони також констатували зміцнення українсько-американського стратегічного співробітництва [9].

Висновки з даного дослідження і перспективи подальших розвідок. Цей процес став випробовуванням для нової демократичної адміністрації. Ускладнювали «перезавантаження» російсько-американських відносин кілька об'єктивних та суб'єктивних факторів: по-перше, на початковій стадії формування команди Б. Обами як президента США було складно приймати чіткі зовнішньополітичні рішення через суто кадрові проблеми; по-друге, Сполучені Штати і Російська Федерація мають великі розбіжності у національних інтересах та у точках зору щодо шляхів їх досягнення; по-третє, «фактор конгресу» — незважаючи на те, що демократи значно посилили там

свій контроль, це не гарантує повну підтримку політики Б. Обами щодо зближення з Росією; і по-четверте, це опозиція республіканців, яких хвилює стан дотримання прав людини у середині Російської Федерації та особливо наслідки військового конфлікту з Грузією.

Заради справедливості слід визнати, що адміністрація США домоглася деяких результатів. Вона забезпечила укладення угоди про транзитні поставки вантажів для американських військ в Афганістані через Росію і Середню Азію, а також змогла зберегти допоміжну базу ВПС в самому серці Середньої Азії — в Манасі (Киргизстан). Проте не слід забувати про те, що перемога над талібами відповідає стратегічним інтересам Росії.

Література

1. *Шамраєва В. М.* Від Дж. Буша-молодшого до Б. Обами: можливі зміни в українсько-американських міждержавних відносинах // Політологічний вісник: Зб. наук. пр. — К.: ІНТАС, 2009. — Вип. 40. — С. 448—459.
2. *Шамраєва В. М.* Неоконсерватизм у зовнішній політиці США // Науковий вісник. Одеський державний економічний університет. Всеукраїнська асоціація молодих науковців. — Науки: економіка, політологія, історія. — 2009. — № 2 (80). — 238 с. — Мови укр., рос. — С. 191—200.
3. *Шамраєва В. М.* Теоретичні та практичні аспекти прийняття зовнішньополітичних рішень (на прикладі Сполучених Штатів Америки) // Науковий вісник. Одеський державний економічний університет. Всеукраїнська асоціація молодих науковців. — Науки: економіка, політологія, історія. — 2009. — № 1 (79). — 208 с. — Мови укр., рос. — С. 129—139.
4. *Карбивничий В.* Украину разделили по-братски // Комментарии. — 2009. — 10 апр. — С. 2.
5. Перед саммитом G20 состоялась первая встреча президентов США и России. Новую страницу в отношениях они смогут открыть, когда Москва преодолеет свою постимперскую травму, считает Инго Маннтойфель // http://www.dw-world.de/dw/article/0,,4145689,00.html
6. Барак Обома очень благодарен Медведеву и Саркози // http://kp.ua/daily/261009/199607/print/
7. Політика «перезавантаження» Обами: досягнення в зовнішній політиці США за 10 місяців президентства http://www.newsru.ua/arch/world/03nov2009/obama_10mis.html
8. Вашингтон: рішення з ПРО не було поступкою Росії http://www.newsru.ua/world/20sep2009/gates.html
9. Байден запевняє, що перезавантаження відносин США і Росії не буде за рахунок України / *proUA* / 21.07.2009 15:48 // http://ua.proua.com/news/2009/07/21/154815.html
10. США готові до «перезавантаження» відносин з Росією, але не відмовляться від України // http://www.newsru.ua/ukraine/02jul2009/novujtip.html

В. М. Шамраева
Харьковский региональный институт государственного управления НАГУ
при Президенте Украины, кафедра европейской и евроатлантической интеграции
и национальной безопасности, к. 20, ул. Цюрупы, д. 5, г. Харков-64, 61064, Украина

«ПЕРЕЗАГРУЗКА» АМЕРИКАНО-РОССИЙСКИХ ОТНОШЕНИЙ (ВЛИЯНИЕ НА УКРАИНСКОЕ НАПРАВЛЕНИЕ ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ США)

Резюме

Автором проанализированы первые шаги администрации Б. Обамы по формированию концепции американо-российских отношений, выявлено основные факторы, которые способствуют изменениям в двустороннем сотрудничестве этих стран, возможное влияние таких изменений на международную политику и мировые отношения в целом. Также предпринята попытка спрогнозировать дальнейшее развитие отношений между США, Россией и Украиной, исходя из нового видения построения американо-российского сотрудничества.

Ключевые слова: внешняя политика, международные отношения, внешнеполитическая доктрина.

V. M. Shamraeva
The department of Euro- and Euro-Atlantic Integration and National Security of KRI NAPA, app. 20, 5, Tsurupy str., Kharkov-64, 61064, Ukraine

«RELOADING» OF AMERICAN- RUSSIAN RELATIONS (INFLUENCE ON THE UKRAINIAN DIRECTION OF FOREIGN POLICY OF THE USA)

Summary
The author analyzed the first steps of the administration of B. Obamu in molding of the concept of American-Russian relations, it is revealed the basic factors, which contribute to changes in the bilateral collaboration of these countries, the possible influence of such changes to the international policy and the world relations as a whole. Is also undertaken the attempt to forecast further development of the relations between the USA, Russia and Ukraine, on the basis of the new vision of the construction of American- Russian collaboration.

Key words: foreign policy, international relations, conception of foreign affairs.

УДК 327(477:475):061.1

О. Яніна,
здобувач кафедри міжнародних відносин ОНУ ім. І. І. Мечникова,
к. 32, Французький б-р, 24/26, м. Одеса-58, 65058, Україна.
Тел.: (380482) 633259. E-mail: cis_asc@paco.net

ВПЛИВ ЄС НА ПОЛЬСЬКО-УКРАЇНСЬКІ СТОСУНКИ В ПОСТБІПОЛЯРНУ ЕПОХУ

Стаття присвячена проблемі еволюції відносин України та Польщі під впливом Європейського Союзу. У статті проведено аналіз міжнародних умов двостороннього співробітництва України та Польщі, надана його оцінка як амбівалентного. Але роль ЄС оцінена в цілому позитивно; прагнення до євроінтеграції змусило Польщу та Україну об'єднати зусилля й вийти на якісно новий рівень партнерства.

Ключові слова: ЄС, польсько-українські відносини, міжнародні актори.

Аналізуючи зовнішній вплив на розвиток українсько-польських стосунків, не можна забувати про такого сильного геополітичного актора світової політики, як ЄС. Оскільки вплив ЄС останнім часом продовжує зростати, ця тема залишається вкрай актуальною і в науковому, і в політичному сенсі.

Тема цього дослідження добре розроблена в польській політичній науці, але більшість польських праць ще не введена в науковий обіг України. Тому стаття побудована переважно на працях таких видатних польських науковців, як С. Пажимеш, С. Бєлєнь, М. Цалка, які є знаними саме в міжнародній проблематиці.

Метою статті є аналіз еволюції відносин у трикутнику ЄС — Польща –Україна з акцентом на виявлення проблем й досягнень їхньої співпраці.

Переоцінити роль України в Європі досить важко. Наприклад, такий відомий політичний діяч, як Збігнєв Бжезінський, у своїй статті «Україна й Польща в контексті європейської інтеграції» говорить, що незалежність України має величезне значення для глобальної світової політики, вона повністю змінила політичну карту Європи. Поява такої великої держави, як Україна, суттєво вплинула на формування балансу сил у Європі та сприяла вирішенню двох складних проблем, що стояли донедавна перед Європою, — стримувати імперські експансії Німеччини та Росії на політичній сцені Європи. Також він зазначає, що Україна, як центральноєвропейська держава, пов'язана численними інтеграційними зв'язками з Європою і відіграє особливу роль у довготривалому процесі формування нових стосунків між Європою та Росією. Вона зобов'язана підтримувати дружні стосунки з Росією та, як конструктивний партнер, може допомогти Росії поповнити мозаїку вільних європейських держав [1, с. 43].

Потрібно зауважити, що розташована на східних кордонах розширеного Європейського Союзу Польща особливо зацікавлена в розробці єдиної політики Європейського Союзу щодо всього пострадянського простору, який охоплює держави Східної Європи, Закавказзя та Центральної Азії. Безумовно, Польща зацікавлена в активній та плідній співпраці ЄС та України. Для польських партнерів вступ України до європейських

© О. Яніна, 2010

структур насамперед означав би розширення зони миру та стабільності в Європі, а також безпосередньо на східному кордоні Польщі; створення правової інфраструктури та досягнення європейських критеріїв, що дадуть змогу активно розвивати економічну співпрацю; зміцнення демократичних цінностей та демократичних інститутів в Україні; співпрацю в боротьбі з організованою злочинністю й корупцією; запобігання екологічній небезпеці та протистояння глобальним загрозам [2, с. 105].

Перебування України та Польщі в єдиній системі права та стандартів позитивно вплинуло б на подолання бар'єрів, що виникають внаслідок асиметрії суспільно-економічного розвитку та відмінностей в структурі адміністративного апарату й інфраструктури по різні боки кордону ЄС. Українське законодавство, яке відповідатиме стандартам Європейського Союзу, сприятиме подоланню конкуренції в умовах функціонування єдиного ринку ЄС, забезпеченню відповідних правових гарантій, які заохочували б надходження зовнішніх інвестицій. Слід зауважити, що саме в період 1991—1992 рр. викристалізувалися цілі закордонної політики Польщі — це вступ до НАТО та ЄС. Обрання такого стратегічного напрямку змусило Польщу підпорядковувати свою позицію стосовно України поглядам країн — учасниць ЄС. Якщо згадати, як ставились до України впливові країни ЄС, то очевидно, що їх позиція була тотожною з позицією США [3, с. 235]. В першій половині 1990-х рр. вони ставилися до ідеї створення незалежної України досить обережно, навіть прохолодно, адже з 1991 р. країни ЄС разом із США були сконцентровані на вирішенні проблеми ліквідації ядерної зброї, що лишилася на території України після розпаду СРСР. Зволікання з вирішенням долі ядерних арсеналів з боку українського керівництва зумовлювало ситуацію майже повної зовнішньої ізоляції України. Це блокувало будь-які двосторонні ініціативи.

Вплив ЄС на зовнішньополітичну діяльність Варшави та Києва можна прослідкувати й впродовж дискусії щодо організації системи регіональної безпеки у Центрально-Східній Європі. Розцінюючи регіон Центрально-Східної Європи як життєво важливий для загальноєвропейської політичної та економічної безпеки, впливові західноєвропейські країни розглядали будь-які зміни на регіональному і субрегіональному рівні як намагання підірвати їх багатоаспектне домінування. Більше того, ймовірне регіональне українсько-польське зближення могло стати на заваді процесам загальноєвропейської інтеграції. Таким чином, ця ініціатива України не була впроваджена в життя.

Але в першій половині 1990-х рр. були й досить вдалі спільні проекти. Прикладом такого проекту було створення у 1993 р. спільного українсько-польсько-словацько-румунсько-угорського єврорегіону «Карпати». Створення цього регіону ілюструє транскордонну співпрацю між країнами-учасниками, а гасло «Європа регіонів» як альтернатива гаслу «Європа країн» є важливим чинником євроінтеграційних процесів і політики ЄС [4, с. 25].

Беручи до уваги розв'язання питання про ядерну зброю у 1994 р., варто зауважити, що стосунки між Україною та ЄС і польсько-українські стосунки вийшли на новий рівень. У 1995 р. було створено ще один єврорегіон «Буг», як механізм для поглиблення транскордонної співпраці Україна — ЄС та безпосередньо між країнами, що його сформували, — Україною, Польщею та Білоруссю [5].

Того ж року Польща рішуче підтримала прийняття України до Ради Європи. Крім того, Україна — значною мірою завдяки зусиллям Польщі — отримала доступ до

Центральноєвропейської ініціативи, групи країн регіону, яка здійснює проекти в галузі науки, техніки, транспорту й енергокористування; одне з її завдань полягає в підготовці кандидатів до вступу в ЄС [6, с. 7].

Усі ці позитивні зрушення продиктовані не лише самим бажанням Польщі чи ЄС допомогти Україні, але й простим розрахунком. І для Польщі і для Європейської Спільноти дуже важливо межувати з успішною розвиненою та передбачуваною країною, в іншому разі безпека всього регіону може бути поставлена під загрозу.

Оскільки Україна також заявила про прагнення приєднатись до євроінтеграції, було створено Постійну українсько-польську конференцію для того, щоб обидві держави могли допомагати одна одній та ділитися досвідом, наприклад, щодо впровадження низки економічних реформ, які проходили набагато успішніше в Польщі, ніж в Україні. Викликало занепокоєння питання щодо введення візового режиму для українських громадян, і хоча Кваснєвський пообіцяв провести переговори з ЄС щодо безвізового проїзду для громадян України, це питання не вдалося вирішити. Було запроваджено візовий режим з 1 липня 2003 р. В лютому 2003 р. на зустрічі президентів Польщі і України було вирішено, що візи для українських громадян будуть безкоштовними, а громадяни Польщі їздитимуть до України без віз [7, с. 51]. На цьому прикладі можна побачити, що Європейська Спільнота певним чином відгороджується від країн, що не належать до ЄС, з метою забезпечити собі більш безпечне існування, хоча вона й погоджується допомагати своїм східним сусідам. Незважаючи на те, що візова політика ЄС могла б ускладнити стосунки між Польщею та Україною, в цьому випадку прагнення обох країн до розвитку партнерства підказало їм вірний вихід.

Загалом можна зазначити, що вплив ЄС на польсько-українські стосунки скоріше позитивний, адже прагнення до євроінтеграції зблизило ці дві країни й принесло взаємовигідне партнерство. Надзвичайно важливою подією для розвитку польсько-українських стосунків стало набуття Польщею 1 травня 2004 р. повноправного членства в ЄС. Попри ряд негативних моментів, ця подія має й позитивне значення для України. Так, наприклад, хоча шенгенська система й обмежує в'їзд громадян третіх країн в ЄС, але одночасно значно розширює свободу пересування всередині ЄС для тих, хто має шенгенську візу. Прикордонне співробітництво за таких умов сприятиме пристосуванню української економіки до вимог ЄС. Крім того, Польща отримує можливість залучати гроші ЄС для фінансування польсько-українських проектів, які будуть приносити користь економікам обох країн.

Таким чином, можна було сподіватися, що в обличчі Польщі Україна отримала надійного й більш досвідченого партнера, який лобіюватиме українські інтереси в Європейській Спільноті й сприятиме вступу України до цієї організації.

Особливої уваги вартий проект нафтопроводу «Одеса—Броди—Плоцьк», що передбачає доставку каспійської нафти до європейських країн транзитом через Польщу та Україну. У березні 2006 р. у Варшаві відбулася зустріч тристоронньої робочої групи експертів Європейської комісії, Польщі і України, на якій було представлено рамковий бізнес-план проекту «Одеса—Броди—Плоцьк». Підготовлений міжнародним консорціумом консультантів бізнес-план будівництва нафтопроводу остаточно підтвердив, що цей проект є неоціненно вигідним не тільки для України, яка таким чином зможе поступово звільнитися від енергозалежності від Росії, але й для Польщі та інших країн ЄС, які зацікавлені у диверсифікації джерел постачання енергоносіїв. Потрібно зазначити, що цей проект дасть можливість не лише підвищити рівень енергетичної

безпеки обох країн та Європи у цілому, але й ефективно використовувати транзитний потенціал України та Польщі [7, с. 57].

Польща продовжує підтримувати прагнення України стати членом ЄС, при цьому польські політики висловлюються за більш чітку, окреслену позицію ЄС щодо України, та підкреслюють, що у відносинах із Євросоюзом Україна заслужила на підвищення статусу, і це має втілитися у нову угоду між Україною та Євросоюзом, яка б передбачала перспективу членства після виконання країною критеріїв на вступ для країн-кандидатів. Але незважаючи на цей оптимістичний погляд польських сусідів, доводиться констатувати, що Україна розглядається політиками Євросоюзу як держава, добросусідські відносини з якою безперечно є фактором зміцнення безпеки та регіональної стабільності на континенті, але європейська перспектива України, що полягає в набутті повноправного членства у Європейському Союзі, більшістю представлених в Європарламенті політичних сил оцінюється щонайменше як віддалена, а іноді й недоцільна.

Варто зазначити, що насамперед самій Україні не вдається проводити послідовну зовнішню політику, адже вона, з одного боку, намагається стати повноправним членом ЄС, а з іншого, враховуючи туманність перспектив і наші досить посередні успіхи у цій сфері та насамперед той факт, що Україна й досі не позбавилася енергетичної залежності від Росії, Київ не може загострювати стосунки з Москвою. Але в цьому прагненні до підтримки балансу і є загроза для європейських та євроатлантичних прагнень України. Так, не пройшло й року з того моменту, коли українська влада прийняла рішення про інтеграцію до НАТО, як у лютому 2003 р. український президент Л. Кучма проголосив створення Єдиного економічного простору (ЄЕП) у складі України, Росії, Казахстану та Білорусі. Невідповідність цього проекту євроатлантичним прагненням України є очевидною, адже для Росії цей проект є не економічним, а геополітичним, спрямованим на зміцнення свого впливу на пострадянському просторі. Росія домагається більш високого рівня інтеграції, включаючи підписання митного союзу, створення наднаціонального регулюючого органу і запровадження єдиної валюти. Але для України зона вільної торгівлі є максимальним рівнем інтеграції з країнами СНД, при якому для України зберігається перспектива членства в ЄС.

Таким чином, ми можемо дійти висновку що, всі міжнародні актори мають свої особисті плани щодо розвитку польсько-українських стосунків. Росія виступає проти розвитку такого партнерства тому, що не хоче втрачати контроль над Україною й прагне розробити власну систему безпеки в регіоні, опираючись розширенню НАТО на Схід. Європейській Союз зацікавлений в розвитку польсько-українських відносин заради безпеки, позбавлення від таких проблем, як незаконна міграція, контрабанда та ін. В цілому під впливом ЄС польсько-українські стосунки значно розвинулися за останні роки і, хоча Україна поки що й не стала навіть асоційованим членом ЄС, варто зазначити, що прагнення до євроінтеграції змусило Польщу та Україну об'єднати зусилля й вийти на якісно новий рівень партнерства.

Література

1. *Gili W., Gili N.* Stosunki Polski z Ukrainą w latach 1989—1993. — Toruń, 2002. — 235 s.
2. *Parzymies S.* Europa Środkowa i Wschodnia w polityce Zachodu. — Warszawa, 1994. — 324 s.
3. *Bieleń S.* Patrzą c na Wschód. Z problematyki polityki wschodniej III RP. — Warszawa, 1997. — 512 s.
4. *Całka M. J.* Polska polityka wschodnia w latach 1989—1997. Nowe wyzwania i perspektywy // Rocznik Polskiej Polityki Zagranicznej. — 1998. — S. 20—34.

5. Polish-Ukrainian relations 1991—2002 // The Enlarged European Union and Ukraine: New Relations // www.batory.org.pl/ftp/program/forum/eu_ukraine/polish_ukrainian_relations.pdf
6. *Harasimowicz K.* Polityka Unii Europejskiej wobec Rosji i Ukrainy (zadania dla polskiej polityki zagranicznej) // Polska w Europie. — 2003. — N 2(44). — S. 5—20.
7. Polityka są siedztwa Unii Europejskiej — opinia z Polski roku 2006 // Wymiar Wschodni Polityki Są siedztwa Unii Europejskiej. — Warszawa, 2006. — S. 45—60.

Е. Янина
Кафедра международных отношений ОНУ имени И. И. Мечникова,
к. 32, Французский б-р, 24/26, г. Одесса-58, 65058, Украина

ВЛИЯНИЕ ЕС НА ПОЛЬСКО-УКРАИНСКИЕ ОТНОШЕНИЯ В ПОСТБИПОЛЯРНУЮ ЭПОХУ

Резюме
Статья посвящена проблеме эволюции отношений Украины и Польши под влиянием Европейского Союза. В статье проанализированы международные условия двустороннего сотрудничества Украины и Польши, оцененные как амбивалентные. Однако роль ЕС оценена в целом позитивно; стремление к евроинтеграции вынудило Польшу и Украину объединить усилия и достичь качественно нового уровня партнерства.

Ключевые слова: ЕС, польско-украинские отношения, международные акторы.

E. Yanina
Department of International Relations, Odessa National University,
k. 32, French Bul., 24/26, Odessa-58, 65058, Ukraine

THE EU INFLUENCE ON THE POLISH-UKRAINIAN RELATIONS IN THE POST-BIPOLAR ERA

Summary
The article is devoted to the problem of the evolution of Ukrainian-Polish relations under influence of the European Union. In the article the author analyzed of international conditions of bilateral cooperation of Ukraine and Poland, evaluated as ambivalent. Besides EU role is estimated as positive at whole; aspiration for Euro-integration compelled Poland and Ukraine to join its efforts and to achieve of qualitatively new level of partnership.

Key words: EU, Polish-Ukrainian relations, international actors.

УДК 327(495:497.17)

Д. Ю. Дворниченко,
аспирантка кафедры международных отношений
Одесского национального университета имени И. И. Мечникова,
к. 32, Французский б-р, 24/26, г. Одесса-58, 65068, Украина,
тел. 80482-680919

ГРЕКО-МАКЕДОНСКИЕ ОТНОШЕНИЯ ДО И ПОСЛЕ ПОДПИСАНИЯ ВРЕМЕННОГО СОГЛАШЕНИЯ: ПОЗИЦИЯ ГРЕЦИИ

В статье исследуются современные греческо-македонские отношения, рассматриваются основные узлы противоречий, причины их возникновения и пути разрешения, в частности различные инициативы международного сообщества, направленные на улучшение климата между двумя соседствующими государствами. Особое внимание уделено исследованию предпосылок, основного содержания и целей, которые ставит перед собой Временное соглашение, ставшее основным документом, регулирующим греческо-македонские отношения в течение 14 лет. Дается оценка эффективности соглашения в разрешении наиболее чувствительных разногласий, в частности вопроса о названии Македонии, а также исследуется позиция греческой общественности и официального руководства по данной проблематике.

Ключевые слова: Греция, Македония, Временное соглашение, национальная самоидентификация, региональное сотрудничество.

Греция проводит активную внешнюю политику, одним из приоритетных направлений которой является Балканский регион. За последние 20 лет Греция установила равноправные партнерские отношения с большинством стран региона. Одним из наиболее сложных и противоречивых вопросов греческой внешней политики на Балканах остаются отношения с Республикой Македония. Сложившееся положение обусловлено историческими, этническими и политическими причинами.

Македония — наименование исторической области в центральной части Балканского полуострова, ставшей известной благодаря созданию в IV веке до н. э. Александром Великим одноименного государства. В последующие столетия перемещение различных этнических общностей (болгар, греков, влахов, албанцев, сербов, печенегов, узов и других) способствовало изменению представлений о границах данной исторической области и формированию чрезвычайно сложной этнической среды.

В XIX—XX вв. самоидентификация населения Македонии неоднократно становилась причиной конфликтов между сопредельными государствами. В результате Балканских войн 1912—1913 гг. историческая область Македония была разделена между Сербией (Вардарская Македония), Грецией (Эгейская Македония) и Болгарией (Пиринский край). В 1918 г. Вардарская Македония стала частью Королевства сербов, хорватов и словенцев (с 1929 г. — Югославия) [1].

Распад Социалистической Федеративной Республики Югославия и провозглашение 17 сентября 1991 г. независимого государства под названием Республика Македония послужили импульсом для обострения старых разногласий.

 © Д. Ю. Дворниченко, 2010

Одним из главных противоречий между Грецией и Республикой Македония стало официальное наименование последней. В течение всех последующих лет греческая сторона настаивала на использовании временного названия под которым новое государство 8 апреля 1993 г. было признано Генеральной Ассамблеей ООН — Бывшая Югославская Республика Македония (далее — БЮРМ) вместо его конституционного названия «Республика Македония» (ст. 1 Конституции БЮРМ). Свою позицию в данном споре Греция аргументировала следующим: во-первых, стремлением нового государства монополизировать название «Македония», несмотря на то, что оно занимает лишь 38,5 % территории исторической Македонии по сравнению с более чем 51 % македонской территории, занимаемой Грецией. Название, таким образом, выражает экспансионистские взгляды БЮРМ на территорию Греции; во-вторых, изображение на флаге нового государства золотого солнца с 16 лучами (знака династии Филиппа II, отца Александра Македонского) рассматривается греческой стороной как претензии БЮРМ на наследие Великой Македонии; в-третьих, статья 49 Конституции БЮРМ, в которой говорится о том, что «Республика проявляет заботу о статусе и правах людей, принадлежащих к народу Македонии и проживающих в соседних государствах» [2], расценивается как призыв к славянам севера Греции отделиться и примкнуть к соотечественникам.

Официальная позиция греческого руководства по «македонскому вопросу» сформировалась после окончания Второй мировой войны и оставалась неизменной в течение десятилетий. Сторонники традиционного взгляда на проблему греко-македонских отношений, которому вторило общественное мнение в Греции:

— определяют географические и исторические границы «Македонии» исключительно как территорию македонского региона Греции;

— оспаривают мнение о том, что районы к северу от греческой границы являются также частью исторической Македонии. Настаивает на том, что македонское название было закреплено за одной из республик Югославской федерации во времена коммунистического режима Тито, преследовавшего в данном вопросе собственные политические и экспансионистские цели. Таким образом, только греческая часть географического региона имеет легитимные основания называться македонской;

— рассматривают независимое государство к северу от греческой границы как «вновь созданное» и не имеющее исторических традиций (нередко используются и другие уничижительные термины). В широком смысле, право суверенности признают только за Скопье, из чего следует вывод, что все наименования нового государства должны основываться на словах, производных от термина «Скопье», например «скопьенцы», «скопьенская церковь» и даже «скопьенский вопрос» [3].

В течение длительного времени любые попытки решения конфликта с БЮРМ путем нахождения компромисса наталкивались на жесткое сопротивление со стороны как греческой общественности, так и высшего руководства страны. Дважды Греции предлагались проекты соглашения по урегулированию конфликта с Македонией: разработанный на основе договоренностей, достигнутых на совещании министров иностранных дел стран — членов ЕС в Лиссабоне 17 февраля 1992 г., пакет предложений Пинейро и подготовленный в 1993 г. план Вэнса—Оуэна. Греческое правительство отклонило обе инициативы, а в 1994 г. премьер-министр Греции Андреас Папандреу пошел на еще более радикальный шаг и ввел экономическую блокаду БЮРМ в качестве одной из мер воздействия в решении проблемы.

В результате международное сообщество выступило с резкой критикой действий Афин. То, что когда-то представлялось дискуссией вокруг вопросов самобытности и культуры (включая и вопрос о названии), трансформировалось в дебаты о нарушении прав человека в формирующейся македонской нации. Одновременно Республике Македония удалось выйти из международной изоляции. В декабре 1993 г. Македонию признали 6 стран — членов ЕС (Германия, Франция, Великобритания, Италия, Нидерланды, Дания). Не последнюю роль в этом сыграли опасения руководства указанных государств того, что председательство Греции в ЕС с 1 января 1994 г. может значительно обострить положение.

Оказавшись в условиях политической изоляции и отсутствия международной поддержки в достигшем своего апогея конфликте с Республикой Македония, а также принимая во внимание быстро растущее сотрудничество последней с США в военной области, правительство Греции было вынуждено осенью 1995 г. принять Временное соглашение, согласно которому греческая сторона отменила в указанный срок эмбарго и была вынуждена признать суверенитет и территориальную целостность Республики Македония. В свою очередь Республика Македония, взяла на себя обязательство в течение 30 дней изменить флаг страны и отменить те положения Конституции, которые Греция интерпретирует как территориальные претензии на ее северную область под названием Македония [4].

Отмена эмбарго придала мощный импульс развитию экономических связей, обеспечив Греции преференциальные позиции в торговле со своим северным соседом. Однако вопрос об официальном названии Республики Македония оставался нерешенным. Это привело к тому, что в международных документах Республика Македония и в дальнейшем называлась БЮРМ. Более того, четко прописанные в пакете предложений Пинейро и плане Вэнса—Оуэна обязательства каждой из сторон подверглись радикальным изменениям. В частности, обязательство обеих стран препятствовать любой деятельности ирредентистского характера в отношении другой стороны и уважать официальные географические названия мест было удалено из текста.

Это было серьезной ошибкой со стороны Греции, поскольку отказ БЮРМ (как это сделала до этого Югославия) использовать официальные греческие наименования неизбежно разжигал и подпитывал конфронтацию как на политическом уровне между правительствами, так и на культурном уровне между двумя соседствующими народами. В конечном счете явная склонность сторон к нивелированию роли различных аспектов культуры как основы разногласий привела к тому, что ряд положений, касающихся неиспользования символов, названия, флага, памятников и эмблем, которые являются частью истории и культурного наследия другой стороны и оговорены в первоначальном плане проекта Вэнса—Оуэна, были вырезаны из текста Временного соглашения, и обиженной стороне ничего не оставалось, как просто указать другой на то, что считается ею ненадлежащим использованием определенных символов. В этом случае уличенное в подобном «нарушении» государство само решает, как ему поступать: либо исправлять ситуацию, либо объяснить, почему оно не будет делать этого.

Подписание Временного соглашения, в котором четко прослеживается стремление обеих стран обойти стороной накопившиеся противоречия в двусторонних отношениях, оживило в Греции дискуссию по проблеме. Соглашение было подвергнуто критике греческой общественностью по двум основным причинам: во-первых, в связи с тем, что основной узел противоречий (само название государства) не упоминался вообще в со-

глашении; во-вторых, в связи с сомнительной судьбой переговорного процесса по данному вопросу в будущем. Публичные дебаты проникли во все сферы общественной жизни, охватив, в том числе средства массовой информации и академическое сообщество.

Первоначальная реакция общественности на культурный аспект проблемы, который был обойден в соглашении, дает представление о сложившемся в то время климате, как в парламенте, так и в общественном мнении. Некоторые оценки того времени стали пророческими. Так, спикер парламента Йоргос Суфлиас, представитель партии Новая демократия, предположил, что в конечном итоге БЮРМ возьмет название или просто «Македония», или составное наименование, вытекающее из слова «Македония». Он высказал мнение о том, что, поскольку у Греции больше не будет каких-либо возможностей оказывать давление на северного соседа, наиболее вероятным представляется сценарий, когда данный вопрос будет долго тянуться и в конечном счете решением будет являться просто «Македония». В свою очередь его коллега, заместитель спикера парламента Димитрис Сиуфас, отметил, что уступки, сделанные правительством Греции, могут привести к «де-факто признанию БЮРМ под названием «Македония».

И в последующие годы проблема выбора официального названия северного соседа оставалась актуальной для греческого общества. Представители научных кругов, специализирующиеся в области греко-романской античности, последовательно выступали с резкой критикой действий греческого руководства, направленных на нормализацию отношений с БЮРМ. В частности, в письме датированном 18 мая 2009 г., более 200 ученых с мировым именем обратились к президенту США Бараку Обаме с призывом осудить действия БЮРМ, направленные на искажение исторических реалий [5]. В своем письме они приводят исторические факты, доказывающие неправомерность заимствования БЮРМ названия Македония, ибо данная территория была лишь временно частью Великой македонской империи точно так же, как и Египет, Сирия, Палестина и др. При этом они подчеркивают, что ни одно из этих государств на современном этапе развития не предъявляет претензий на наследие Великой Македонии и не считает себя потомками Александра Великого.

Следует подчеркнуть, что среди греческих ученых, специализирующихся в области международных отношений, оказались и те, кто поддержал инициативу руководства Греции по подписанию соглашения с БЮРМ. Их аргументация основывалась на том, что преимущества, которые Греция получила от данного документа, являются более важными, чем проблема с названием, которой, таким образом, отводятся второстепенные позиции.

Одним из первых эту позицию четко сформулировал профессор Пантионовского университета социальных и политических наук, член Института международных отношений (ИМО) Цараламбос Папасотыриу. В частности, он высказал мнение, что сложившиеся после подписания отношения между Афинами и Скопье делают неактуальными разногласия по поводу названия, которые препятствовали экономическому проникновению Греции на Балканы и лишали ее возможности играть ведущую роль в балканских событиях. Он также высказал мнение о том, что для полной нормализации отношений со Скопье греческое правительство должно принять «компромиссное название для своего соседа» [6].

Эволюция общественного мнения по «македонскому вопросу» в середине 1990-х гг. привела к появлению новой стратегии в отношениях Греции с Республикой Македония, основными положениями которой стали:

— отказ греческого руководства от политической близорукости и догматизма в отношениях со своим северным соседом;

— уважение его исторической и культурной идентичности;

— оптимизация экономического сотрудничества между двумя странами;

— обеспечение стабильности и безопасности в Балканском регионе путем обмена информацией и координации действий.

Литература

1. *Floudas, Demetrius Andreas* «Pardon? A Name for a Conflict? FYROM's Dispute with Greece Revisited». The New Balkans, East European Monographs: Columbia University Press, 2002, p. 85.
2. Конституции государств Европы: В 3 т. / под ред., вступ. ст. Окунькова Л. А. — М.: Норма, 2001.
3. *Kofos E.* The Unresolved Difference over the Name: a Greek Perspective // Athens-Skopje: an Uneasy Symbiosis (1995—2002) / Ed. by E. Kofos, V. Vlasidis. — Athens. — ELIAMEP, 2005. — P. 125—225.
4. *Демиденко С.* Македония в контексте общебалканских проблем // Обозреватель-Observer. — 1996. — № 5.
5. Letter to President Barack Obama // macedonia-evidence.org/obama-letter.html

Д. Ю. Дворніченко,
аспірантка кафедри міжнародних відносин
Одеського національного університету імені І. І. Мечникова,
к. 32, Французький б-р, 24/26, м. Одеса-58, 65058, Україна

ГРЕКО-МАКЕДОНСЬКІ ВІДНОСИНИ ДО ТА ПІСЛЯ ПІДПИСАННЯ ТИМЧАСОВОЇ УГОДИ: ПОЗИЦІЯ ГРЕЦІЇ

Резюме

У статті досліджуються сучасні греко-македонські відносини, розглядаються основні вузли суперечностей, причини їх виникнення та шляхи подолання, зокрема ініціативи міжнародної спільноти, спрямовані на поліпшення клімату між двома державами-сусідами. Особлива увага приділена дослідженню передумов, основного змісту та цілей, які ставить перед собою Тимчасова угода, яка стала основним документам, регулюючим греко-македонські відносини впродовж 14 років. Дається оцінка ефективності угоди в розв'язанні найбільш чутливих суперечностей, зокрема питання про назву Македонії, а також досліджується позиція грецької громадськості та офіційного керівництва по даній проблематиці.

Ключові слова: Греція, Македонія, Тимчасова угода, національна самоідентифікация, регіональне співробітництво.

Dvornichenko D. Y.
Odessa National University named after I. I. Mechnikov
Department of International Relations
r. 32, French Bul., 24/26, Odessa-58, 65058, Ukraine

GREEK-MACEDONIAN RELATIONS BEFORE AND AFTER THE SIGNING OF THE INTERIM ACCORD: A GREEK PERSPECTIVE

Summary

The article views modern Greek-Macedonian relations, examines the basic knots of contradictions, reasons of their origin and ways to resolve them, including international community's initiatives, directed on the improvement of climate between two neighbouring states. The special emphasis is made on the research of pre-conditions, contents and aims of the Interim Accord — a basic document, that has regulated the Greek-Macedonian relations for 14 years. The article also gives an assessment of how efficient the Accord has been in resolving sensitive issues, among which is the problem of the final name of Geece's neighbour state. The official position and public perception of the Macedonian problem is also examined in the article.

Key words: Greece, Macedonia, Interim Accord, national identity, regional cooperation.

УДК 327(470+571):332.122:620.91(560.6)+(262.81)

М. С. Косяк,
аспирантка кафедры международных отношений
Одесского национального университета им. И. И. Мечникова,
к. 32, Французский б-р, 24/26, г. Одесса-58, 65058, Украина,
(380482) 633259, e-mail: Mariya4891@rambler.ru. м. т. 8 063 306 26 39

ЭНЕРГЕТИЧЕСКОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО СТРАН ЧЕРНОМОРСКО-КАСПИЙСКОГО РЕГИОНА. ПОЗИЦИЯ РОССИИ

В статье анализируется позиция России по вопросу распределения углеводородных ресурсов на акватории государств Каспийского региона и возможностей их транспортировки в Европу. Рассматривая энергетическое сотрудничество стран в рамках Черноморско-Каспийского пространства, учитывается тот факт, что здесь присутствуют политические, военно-стратегические и экономические интересы многих стран, причем, не только прибрежных. В работе также раскрывается правовой статус Каспийского региона и российские варианты решения существующих разногласий.

Ключевые слова: Черноморско-Каспийский регион, углеводородные ресурсы, транспортный коридор, национальный интерес, геополитическое значение.

Актуальность темы исследования обусловлена тем, что за последние годы Черноморско-Каспийское пространство превратилось в важный узел мировой политики, где сходятся, переплетаются интересы самых различных сил, как региональных, так и тех, которые находятся за его пределами. В свете событий последних двух десятилетий — распад Советского Союза и образование на его территории ряда независимых государств, сокращение разведанных запасов минеральных ресурсов, изменение общей политической и экономической ситуации в мире, активно развивающийся процесс глобализации — Каспийское море заняло особое положение на мировой арене. Его значительный ресурсный потенциал, уникальное географическое положение привлекают и будут привлекать постоянное внимание всех тех, кто заинтересован в своем присутствии в регионе, а также в использовании находящихся здесь ресурсов. Сегодня многие государства объявляют Черноморско-Каспийский регион, в особенности Каспий, зоной своих стратегических интересов.

Черноморье и Каспий представляют собой целостные системы, которые существуют как отдельные регионы, с одной стороны, и составляют такое геополитическое пространство, которое в большинстве случаев, рассматривается как единый Черноморско-Каспийский регион в мировом сообществе — с другой стороны.

Нередко в геополитике и современных международных отношениях используется понятие Черноморско-Каспийское пространство, включающее Северный Кавказ, Закавказье и Центральную Азию, а также причерноморские государства, Балканы и придунайские страны. Однако в данной статье Черноморско-Каспийский район будет рассматриваться как регион, границы которого имеют выход к Черному и Каспийскому морям [8, с. 92].

© М. С. Косяк, 2010

В первую очередь, необходимо очертить его непосредственные географические границы. Таким образом, страны Черноморского региона — это Украина, Россия, Турция, Румыния, Болгария, Грузия. Страны Каспийского региона — Россия, Казахстан, Азербайджан, Иран, Туркменистан.

Приобретение независимости бывшими республиками СССР повлекло за собой обострение геополитической ситуации. Одним из спорных и острых моментов стал правовой статус Каспия, который со временем превратился в эффективный инструмент реализации интересов, как прикаспийских государств, так и государств, которые не имеют непосредственного выхода к Каспийскому морю.

До распада СССР правовой статус Каспия определялся двумя договорами, подписанными между Россией и Персией (договор от 26 февраля 1921 г.) и между СССР и Ираном (договор от 25 марта 1940 г.). В соответствии с этими договорами, только суда этих двух стран могли плавать по Каспийскому морю под своим флагом и только они имели право здесь на свободное судоходство и рыболовство [3, с. 118].

Вопрос о пересмотре международно-правового статуса возник после прекращения действия договора об образовании СССР, что привело к расширению числа прикаспийских государств.

Фактически прикаспийские страны стали стремиться использовать проблему его правового статуса в качестве инструмента, способного влиять на геополитическую ситуацию в регионе и оказать помощь в привлечении средств нефтяных компаний.

Основой позиции России было требование о признании ресурсов Каспийского моря объектом совместного использования, а все вопросы деятельности, включая освоение ресурсов, должны были решаться с участием всех прикаспийских государств. В качестве механизма по реализации этих усилий предполагалось создание региональной организации по сотрудничеству.

Однако данные предложения не были поддержаны всеми прикаспийскими странами. Стремление к независимости, отстаивание суверенитета, опора на собственные сырьевые ресурсы служили ориентиром для этих государств. Сюда также можно добавить настороженность правящих кругов по отношению к инициативам России.

Если допустить, что все страны согласились бы на совместное освоение углеводородных ресурсов, то это незамедлительно привело бы к укреплению Россией своих позиций в регионе.

Одновременно она получила бы эффективный и мощный рычаг для оказания влияния как на формирование геополитической ситуации в регионе, так и на отдельные его страны. Совместное участие подразумевало бы и совместное определение маршрутов транспортировки будущих нефти и газа, что однозначно не устраивало прикаспийские страны и США. При развитии событий по такому варианту участие американского и западного капитала не было бы доминирующим.

Черноморско-Каспийское пространство из-за своего географического положения имеет весьма важное стратегическое значение для России, особенно в условиях распада СССР и изменения геополитического баланса. Поэтому одним из основных стратегических интересов России является сохранение мира и стабильности, укрепление регионального экономического и политического сотрудничества.

Геополитическая ситуация в Черноморско-Каспийском районе начиная с момента распада СССР, а особенно с 2001 г., претерпела серьезные изменения. Российской

политике на рубеже веков приходится учитывать тот факт, что большая часть экономических связей была разорвана.

В условиях, когда Каспий превратился в важный объект мировой геополитики, выбор Россией верной стратегии в отношении этого региона чрезвычайно важен для сохранения ее экономической и военной безопасности [1].

На данном этапе основные направления политики России в этой области заключаются в следующих основных позициях:

— стремление контролировать как можно больший объем экспортируемых каспийских углеводородов;

— представить компанию «Газпром» монополистом транспортировки газа из Средней Азии;

— расширить свое участие в проектах добычи каспийских нефти и газа.

В Каспийском регионе четко прослеживается связь между внешнеполитическим курсом государства и подходами национальных нефтяных компаний.

Одним из российских вариантов, положившего начало новому этапу политики России в Черноморско-Каспийском регионе, в частности на Каспии, стало предложение разграничить между сопредельными и противолежащими государствами участки морского дна с целью недропользования, сохранив в общем пользовании большую часть водной толщи и поверхности.

Приведенная ниже таблица отображает долю распределения углеводородных ресурсов на акватории государств Каспийского региона [5].

Нефтяные ресурсы Каспия

Страна	Площадь сектора, тыс. км^2, (%)	Число нефтегазоносных структур	Прогнозные ресурсы, млн т	Извлекаемые ресурсы, млн т	Оценка добычи нефти, млн т
Азербайджан	78 (20,7)	137	3600	1600	650
Казахстан	113 (29,9)	82	3400	1200	500
Туркменистан	79 (19,2)	65	600	250	100
Россия	64 (15,6)	20	400	150	50
Иран	44 (14,6)	43	—	—	—
Всего	**378 (100)**	**347**	**8000**	**3200**	**1300**

Исходя из этого, Каспийский регион — это не только бесспорная сфера стратегических и иных интересов России, но и зона высокой концентрации экологических, социальных, экономических проблем; это также район значительных возможностей, использование которых прямо и существенно повлияет на темпы, масштабы, результаты развития страны.

Формирование российских транспортных коридоров сегодня происходит на фоне активного создания других маршрутов, которые идут в обход России. Это, прежде всего, трансазиатская магистраль: Китай — Центральная Азия — Турция — Европа и коридор ТРАСЕКА, который должен связать Центральную Азию с Европой через Закавказье. Однако существует ряд транспортных систем, которые представляют непосредственный интерес внешней политики России, а также ряда других стран [7].

Важнейшие трубопроводы Черноморско-Каспийского региона

Нефтепроводы	Пропускная способность (млн т нефти в год)	Геополитическое значение
Баку—Тбилиси—Джейхан	50	Укрепляет позиции Азербайджана и Турции в Каспийском регионе, ослабляя при этом российские. Создает предпосылки для проникновения в регион зарубежных нефтяных компаний: «Бритиш Петролеум», «Шеврон», «Эксон-Мобил»
Баку—Новороссийск	5—15	Позволял России влиять на нефтяную политику в Азербайджане, мог бы способствовать проникновению российских нефтяных компаний в Азербайджан. После ввода в эксплуатацию нефтепровода Баку—Тбилиси—Джейхан этот нефтепровод потерял стратегическое значение для России
Тенгиз—Новороссийск (нефтепровод Каспийского трубопроводного консорциума)	28—60	Значимость этого нефтепровода для России определяется тем, что он позволяет контролировать почти весь экспорт нефти из Казахстана. Нефтепровод открывает перспективы для развития деятельности в северном Каспии таких компаний, как «Шеврон», «Аджил», «Бритиш гэс»
Атырау—Самара	16	Первый нефтепровод, по которому начал осуществляться экспорт казахской нефти за рубеж. Россия намерена увеличит пропускную способность данного нефтепровода до 25 млн т нефти в год.
Нефтепровод «Дружба»	70—80	Маршрут нефтепровода проходит от Альметьевска через Самару, Брянск до Мозыря, затем разветвляется на 2 участка: северный (по территории Белоруссии, Польши, Германии, Латвии и Литвы) и южный (по территории Украины, Чехии, Словакии и Венгрии). По данному нефтепроводу в страны ближнего и дальнего зарубежья направляется почти половина идущей на экспорт российской нефти.
Баку—Супса	6	В постсоветский период этот нефтепровод стал использоваться для достижения энергетической независимости от России.

Газопроводы	Пропускная способность (млрд м^3 в год)	Геополитическое значение
Система газопроводов Средняя Азия—Центр	40—80	Эта система газопроводов фактически делает Россию монополистом по транспортировке газа из Средней Азии на Запад.
Корледже—Корд—Куй (Туркмения—Иран)	12	Расширяет для Туркмении рынок сбыта газа, уменьшает ее зависимость от основного потребителя — Украины

Окончание таблицы

Газопроводы	Пропускная способность (млрд м^3 в год)	Геополитическое значение
«Голубой поток» (Джубга—Самсун)	16	Дал выход российскому газу на турецкий рынок. Дает возможность Казахстану экспортировать свой газ в Турцию. С постройкой «Голубого потока» Россия блокировала выход на турецкий рынок газа из Туркмении и Азербайджана
Южно-Кавказский (Баку—Тбилиси—Эрзурум)	6,6	Газовый вариант нефтепровода Баку—Джейхан, поэтому его геополитическое значение аналогично: уменьшение влияния России, создание канала проникновения американского и европейского капитала

Интерес к Черноморско-Каспийскому региону ведущих государств и транснациональных корпораций, равно как и их активность, не ослабевает. В эпоху глобализации приграничные регионы требуют от каждого государства особого внимания.

Однако ситуация в зоне Каспия непростая. Интересы также есть и у третьих сил, что дает основания говорить об этом районе как одном из самых взрывоопасных на постсоветском пространстве.

Для России Каспийский регион является традиционной зоной своих национальных интересов. Россия заинтересована в укреплении своих позиций на Каспии и в том, чтобы не допустить здесь доминирования других акторов международной арены.

Необходимо также выделить роль нефтегазового комплекса в развитии России. Одной из основных задач социально-экономического развития страны является создание эффективной, конкурентоспособной экономики. При любых вариантах развития экономики на ближайшие несколько лет природные ресурсы, в первую очередь, ископаемые топливно-энергетические ресурсы, будут главным фактором экономического роста страны. Нефтегазовый комплекс России вышел на новый этап своего развития, требующий серьезных изменений в самом комплексе и в системе государственного регулирования его деятельности, учитывающих не менее серьезные изменения, произошедшие во внешней среде функционирования, — в национальной и мировой экономике [2].

Основные направления политики России на Каспии, согласно Концепции внешней политики РФ, состоят в том, что «Россия будет добиваться выработки такого статуса Каспийского моря, который позволил бы прибрежным государствам развернуть взаимовыгодное сотрудничество по эксплуатации ресурсов региона на справедливой основе, с учетом законных интересов друг друга» [6].

Повышенное внимание со стороны внерегиональных государств к Черноморско-Каспийскому региону определяется, прежде всего, возможностью региона стать реальной альтернативой Ближнему и Среднему Востоку по поставкам углеводородов.

Поэтому не удивительно, что за реальное обладание богатыми недрами Каспийского региона и развитую транспортную систему Черноморского региона идет борьба, которую ведут юристы, правоведы, политические и государственные деятели. Сегодня Черноморско-Каспийское пространство — это важный перекресток международ-

ной политики. Перекресток, где сходятся и переплетаются, а нередко и сталкиваются интересы самых различных сил, не только региональных, но и тех, которые территориально находятся далеко за его пределами.

Литература

1. *Бутаев А. М.* Правовой статус и проблемы единства и разнообразия экосистем Каспия // Дагестанский научный центр РАН. Доклад на Международной конференции «Каспий: правовые проблемы». Москва, 26—27 февраля 2002 года.
2. Выступление министра иностранных дел РФ И. С. Иванова во время презентации специального выпуска журнала «Международная жизнь» — «Внешняя политика России и нефтегазовая стратегия в XXI веке», 20 марта 2000 г. // www.mid.ru.
3. *Гукалова Е.* Проблема урегулирования международно-правового статуса Каспийского моря 1991 — 2001 годы // http://www.humanities.edu.ru/db/msg/35150
4. *Жильцов С. С.* Геополитика Каспийского региона. — М.: Межд. отнош., 2003. — 280 с.
5. Запасы нефти в Каспийском регионе // Эксперт. — Москва, 2004. — № 41 (441).
6. Концепция внешней политики Российской Федерации от 12 июля 2008 года
7. Каспийский регион: некоторые геостратегические аспекты в зарубежных исследованиях // Выступление проф., д. э. н. Ю. А. Щербанина на конференции «Геостратегическое значение Каспийского региона и перспективы приграничного сотрудничества» (20—21 сентября 2004 г., АГУ, г. Астрахань
8. *Куклина И.* Проблемы безопасности в Черноморско-Каспийском регионе // Мировая экономика и международные отношения. — 2002. — № 1. — С. 90—97
9. *Харитонова Н.* Каспийский узел и проблема энергобезопасности / Информационно-аналитический Центр по изучению общественно-политических процессов на постсоветском пространстве // http://www.ia-centr.ru/expert/325/

М. С. Косяк,
аспірантка кафедри міжнародних відносин
Одеського національного університету імені І. І. Мечникова,
к. 32, Французький б-р, 24/26, м. Одеса-58, 65058, Україна
(+380482) 633259, e-mail: Mariya4891@rambler.ru

ЕНЕРГЕТИЧНЕ СПІВРОБІТНИЦТВО КРАЇН ЧОРНОМОРСЬКО-КАСПІЙСЬКОГО РЕГІОНУ. ПОЗИЦІЯ РОСІЇ

Резюме

У статті аналізується позиція Росії щодо розподілу вуглеводних ресурсів на акваторії країн Каспійського регіону та можливостей їх транспортування до Европи. Розглядаючи енергетичне співробітництво країн у рамках Чорноморсько-Каспійського простору, враховується той факт, що тут присутні політичні, економічні, військово-стратегічні інтереси багатьох країн, причому не тільки прибережних. У роботі також розкривається правовий статус Каспійського регіону та російськи варіанти вирішення існуючих суперечностей.

Ключові слова: Чорноморсько-Каспійський регіон, вуглеводневі ресурси, транспортний коридор, національний інтерес, геополітичне значення.

M. S. Kosyak,
Odessa Mechnikov National University, Department of International Relations
24/26, Frantsuzsky boulevard, 65058 Odessa, Ukraine

ENERGY COOPERATION OF THE BLACK SEA-CASPIAN REGION COUNTRIES. THE POSITION OF RUSSIA

Summary

This article views the position of Russian Federation concerning distribution of hydrocarbonic resources to water areas of the Caspian region states and possibilities of their transportation to Europe.

Analyzing energy cooperation of the countries within the limits of the Black Sea-Caspian region, takes into account political, strategic and economic interests of many countries, and not only coastal. In this work the legal status of the Caspian region and Russian variants of the decision of existing disagreements are also reveals.

Key words: Black Sea-Caspian region, hydrocarbon resources, transport corridor, national interest, geopolitical significance.

УДК 327(53)

Ж. Б. Ігошина,
аспірантка кафедри міжнародних відносин
Інституту соціальних наук
Одеського національного університету імені І. І. Мечникова,
Французький б-р, 24/26, Одеса, 65058, Україна, тел.: 063 164 42 81

ДЕЯКІ АСПЕКТИ ІНФОРМАЦІЙНОГО ВИМІРУ ГЛОБАЛІЗАЦІЇ НА АРАБСЬКОМУ СХОДІ

Стаття присвячена дослідженню впливу процесів глобалізації, що відбуваються на Близькому Сході, на розвиток арабських країн у розрізі інформаційного виміру глобалізації. Особливу увагу приділено висвітленню впливу Інтернет-мережі на трансформацію арабського суспільства та здобутків Об'єднаних Арабських Еміратів, Арабської Республіки Єгипет та Палестинської національної автономії в світлі процесів інформаційної глобалізації.

Ключові слова: глобалізація, арабські країни, інформаційно-комунікативні технології, Інтернет, кібер-тероризм.

Дослідження багатовимірних та суперечливих процесів глобалізації, що охопила майже весь світ, з кожним роком набуває все більшої актуальності. Новітні інформаційні технології, феномен Інтернету вивели світ на якісно новий рівень, коли боротьба за сфери впливу переходить у віртуальну площину. З поширенням процесів глобалізації наприкінці 1990-х років арабські країни на власному досвіді зіткнулися з позитивними і негативними аспектами її інформаційного виміру. Метою даної статті є дослідження впливу інформаційного виміру глобалізації на розвиток арабського регіону на сучасному етапі.

Фундамент статті заклали роботи як арабських, так і західних дослідників, а саме Віта Сіслера, Аделя Абдель-Садека, Кортні Радш, Інджі Аль-Кашефа, Халіда Рабаяха та інших, що дозволило автору скласти досить повне уявлення відносно проблематики дослідження. Під час написання статті були використані матеріали державної інформаційної служби Арабської Республіки Єгипет, стосовно інформаційного розвитку цієї країни в умовах глобалізації, ініціативи ООН «Інформаційні технології і комунікації для розвитку в арабському регіоні»(ICTDAR), прес-релізи арабської дослідницько-аналітичної та консалтингової компанії Arab Advisors Group.

Незважаючи на існування різних, іноді радикально протилежних, часто негативних підходів щодо сприйняття глобалізаційних процесів на Близькому Сході, арабське суспільство неспроможне ні відвернути, ні ігнорувати ці явища, а тому намагається призвичаїтися до них та використати для свого подальшого розвитку. Хоча за рівнем розвитку інформаційних технологій країни Арабського Сходу значно поступаються розвинутим країнам Півночі, з кожним роком проникнення Інтернету та цифрових технологій відчувається все сильніше. Згідно з результатами досліджень компанії TeleGeography, кількість Інтернет-користувачів на Близькому Сході зросла з 2005 р. більш ніж у 10 разів [1], збільшуючись в окремих країнах на 600 % (середньосвітова — до 300 %). У 2006 р. нараховувалось до 19 млн арабських Інтернет-користувачів,

 © Ж. Б. Ігошина, 2010

або 10 % населення [2]. Проте станом на 2009 р. їх кількість різко зросла і, згідно з даними InternetWorldStats.com, в Єгипті становила 12, 568 млн, Сирії — 3,56 млн, Об'єднаних Арабських Еміратах — 2,92 млн, Йорданії — 1,5 млн, Лівані — 945 тис., Кувейті — 1млн, Ємені — 370 тис., Палестині — 355 тис. [3].

Поява Інтернету відкрила нові можливості різним колам арабського суспільства. Світове «павутиння» заполонило ісламські сайти з текстами з Корану, їх трактуванням різними он-лайн проповідниками, можливістю он-лайн «фатви» (молитви), що призвело до виникнення так званої «віртуальної мусульманської умми». Відсутність цензури в Інтернеті дала змогу існувати сайтам, що розміщували тексти досить вільного трактування Корану, викликаючи незадоволення консервативних ісламських кіл по всьому світові. Ряд мусульманських інститутів, включаючи каїрський університет Аль-Азхар, що вважається найстарішою установою з вивчення ісламу, заснували власні веб-сайти задля он-лайн відповіді «неісламським», на їх думку, сайтам [4]. Інтернет став новим інструментом у релігійному протистоянні сунітів та шиїтів. Представники обох течій ісламу систематично атакують сайти один одного, використовуючи хакерство як ефективний засіб релігійної боротьби. Хакерських атак зазнали Інтернет-сторінки верховного аятоли Іраку Алі Аль-Сістані та іранського аятоли Хомейні, загалом 77 шиїтських сайтів. Шиїти в свою чергу атакували близько 900 сунітських сайтів, серед яких опинилися веб-сайти муфтія Саудівської Аравії та групи видатних саудівських вчених [5]. Глобального поширення завдяки Інтернет-мережі набула діяльність радикальних ісламістських угруповань і терористичних організацій. Транснаціональні терористичні організації, включаючи «Аль-Каїду», використовують Інтернет не тільки для пропаганди своїх поглядів, але й для організації самих терористичних актів. Для підтримки зв'язку «Аль-Каїди» з «Хізбаллою» та «Хамас» були задіяні електронні дошки об'яв, електронна пошта та засоби інтерактивного спілкування. З появою кібертероризму з'явилося і поняття «електронний джихад». Кібератаки, націлені на комп'ютерні системи міністерств оборони, торговельних центрів та біржових ринків, несуть в собі не менш серйозну загрозу, а може й більшу, ніж теракти з використанням вибухівки, при цьому не потребуючи великих матеріальних витрат [6]. Складність виявлення та ліквідації мережевих центрів (веб-сайтів, доменів, серверів) є однією з головних причин успішного застосування Інтернет-технологій кібертерористами.

Можливості, які надає Інтернет, оцінили не тільки ісламісти, але й активна молодь та опозиційні арабські ЗМІ. Блоги, чати, електронні версії газет та журналів стали провідниками для висловлення альтернативного бачення існуючої політичної ситуації в регіоні. Он-лайн щоденники почали набувати популярності в 1998 р. і стали доступними для широкого загалу в 1999 р., коли компанія Pyra Labs розробила програмне забезпечення, яке дозволило публікувати он-лайн блоги, не потребуючи знання спеціальних програм або кодування. До кінця 1990-х рр. вести блоги арабською мовою було технічно дуже складно, але з початком нового тисячоліття відбувся прорив і в цьому питанні. Блогова платформа Blogspot надала можливість арабомовним користувачам Інтернету створювати власні блоги. Блогосфера дуже швидко стала інструментом боротьби громадян за свої демократичні права та свободи. Так, розвиткові блогосфери в Єгипті в значній мірі сприяло появлення політичного руху «Кіфайя», що з арабської перекладається як «досить!». За рухом «Кіфайя» потягнулися й інші опозиційні активістські рухи, створивши свої блоги. Новітні медіа платформи, такі як Twitter, Flikr та Facebook, дали новий поштовх розвиткові єгипетської блогосфери.

Кіберактивісти з їх допомогою надсилають повідомлення журналістам, іншим блогерам та правозахисним організаціям про свої арешти, порушення прав, борючись за свободу слова [7].

На думку чеського дослідника Віта Сіслера, значну роль у формуванні громадської думки, окрім Інтернет-мережі та електронних ЗМІ, почали відігравати відео-ігри, які у час цифрових технологій та глобалізації перетворюються в один із пануючих ЗМІ, що значно впливає на процес сприйняття та інтерпретації сучасних реалій. У той час як європейські та американські відео-ігри переважно представляють Близький Схід або у квазіісторичній манері, або як джерело виникнення тероризму, створюючи стереотипне сприйняття арабів як ворогів, відео-ігри арабського виробництва намагаються спростувати таке сприйняття, наділяючи персонажів своїх ігор гуманними рисами. Події 11 вересня 2001 р. значно вплинули на сценарії відео-ігор. Відео-ігри стали використовуватись задля просування позитивного іміджу американської армії, пояснення значення «Війни проти Тероризму» [8].

Виробництво відео-ігор в арабських країнах тільки на початку свого розвитку, тому більшість відео-ігор на арабському ринку представлена західним виробником та часто несе антиарабський та антиісламський зміст. Граючи в такі ігри, араби атакують власну культуру, релігію, спосіб життя. Через це, на думку виконавчого директора сирійської компанії «Афкар Медіа» Радвана Касмії, молодь, що грає в такі відео-ігри, почуває себе винною [9].

Однак було б хибно вважати, що відео-ігри арабського виробництва не несуть в собі пропаганди насильства та поділу на Своїх та Чужих. Так центральне Інтернет-бюро «Хізбалли» випустило в 2003 році гру під назвою «Аль-кувват аль-хаса» (в перекладі з арабської «частина особливого призначення»), присвячену боротьбі з ізраїльською окупацією південного Лівану та прославлянню ролі «Хізбалли» в боротьбі з ізраїльською армією. З іншим підходом до теми самозображення підійшли розробники сирійської гри «Тахта аль-рамад» («Під попелом»). У грі розповідається про Першу Інтифаду, боротьбу палестинців за право на самовизначення. За задумом авторів «Тахта аль-рамад» є «закликом до встановлення справедливості та правди, запобігання агресії», мета якої повернути арабській молоді їх ідентичність, загублену західними медіа [10].

Темпи інформаційного розвитку арабського регіону в умовах глобалізації суттєво зросли за останні роки. Уряди арабських країн визнають ІКТ сектор одним з найбільш пріоритетних напрямків розвитку своїх економік. За даними дослідників The Arab Advisors Group, на вересень 2009 р. 11 арабських країн мають електронні урядові портали, а саме: Бахрейн, Єгипет, Йорданія, Кувейт, Ліван, Мавританія, Марокко, Катар, Саудівська Аравія, Сирія, Туніс та Об'єднані Арабські Емірати [11].

Ще одним феноменом, що набирає популярності в арабському регіоні з розвитком ІКТ є створення медіа-містечок — індустріальних осередків, де зосереджуються та функціонують медіа-компанії. Єгипетське Media Production City було першим медіа містечком, заснованим в арабському регіоні в 1997 р., за яким в 2001 р. на світ з'явились Dubai Media City (Дубай, ОАЕ) та Jordan Media City (Йорданія). На сьогоднішній день в регіоні представлено вісім таких медіа-містечок, п'ять з яких знаходяться в Об'єднаних Арабських Еміратах та по одному в Єгипті, Йорданії та Омані [12].

Процеси глобалізації та лібералізації в арабських країнах дали новий поштовх розвиткові радіомовлення. Найбільшу кількість урядових радіостанцій мають Алжир та

Об'єднані Арабські Емірати, в той час як в Палестинській автономії, Іраку та Лівані отримали розвиток приватні радіостанції, обігнавши за кількістю урядові. Одними з останніх до процесу лібералізації радіомовлення дійшли Лівія та Оман, провівши її тільки в 2006 р. [13].

Об'єднані Арабські Емірати (ОАЕ) залишаються безсумнівним лідером в арабському регіоні в ІКТ вимірі. За статистичними даними різних авторитетних міжнародних організацій, таких як Всесвітній економічний форум, Всесвітній банк, Організація об'єднаних націй, ОАЕ посідають перше місце серед решти арабських держав за багатьма показниками ІКТ, а саме: індексом мережевої готовності, індексом розвитку ІКТ, пропускною здатністю міжнародного потенціалу Інтернет, важливістю ІКТ сектора для уряду, державними пріоритетами в галузі ІКТ, використанням ІКТ, Е-індексом готовності уряду, Web-індексом, кількістю телефонних ліній, показників мобільного проникнення, транзакційними послугами тощо [14]. ОАЕ проводять дуже прогресивну політику щодо розвитку ІКТ технологій. Уряд країни вбачає в ІКТ інфраструктурі вдалий сектор для зарубіжних інвестицій та диверсифікації економіки. Генеральна політика для телекомунікаційного сектора (GTP) на 2006—2010 рр. передбачає заснування регулятивних механізмів, просування нових технологій, збереження за ОАЕ регіонального лідерства з розвитку ІКТ, розвиток людського капіталу в секторі ІКТ, підтримку урядом досліджень в галузі ІКТ як на регіональному рівні, так і у співпраці з міжнародними академічними установами. На сьогоднішній день Дубай є провідним регіональним центром з прийняття та розвитку нових технологій в арабському регіоні. В 2000 році була заснована вільна зона TECOM (The Dubai Technology E-Commerce & Media Freezone), що включає в себе понад 650 компаній, працюючих в галузях телекомунікації, медіа та інформаційних технологій. В рамках TECOM були створені «Дубай Інтернет Сіті», «Дубай Медіа Сіті», «Дубайський Ідейний Оазис» та «Село знань» [15].

Амбіції збереження регіонального лідерства не тільки в політичній сфері, а й в площині відповідей на виклики глобалізації стали імпульсом для арабської республіки Єгипет у сфері розвитку ІКТ. Незважаючи на жорсткий політичний режим і брак демократичних свобод, про які вже згадувалося вище, треба відзначити, що Єгипет розробив досить активну політику розвитку індустрії мас-медіа. Саме Єгипет запустив перший арабський супутниковий телевізійний канал ще в 1990 р., а згодом і ще два канали Nilesat-1 в 1996 р. та Nilesat-2 в 2000 р. Завдяки інвестуванню у сферу сучасних технологій супутники транслюють 117 телевізійних каналів, 32 радіостанції та 1 інформаційний канал, що розповсюджує інформацію про Єгипет, особливості його цивілізаційного та культурного розвитку на весь світ [16].

Уряд Єгипту визнав ІКТ сектор одним з найважливіших складових національної економіки. В 2000 р. був сформульований головний план розвитку ІКТ з урахуванням всіх можливих викликів та можливостей для розвитку інформаційної економіки. Завдяки ініціативі інформаційного суспільства Єгипет за достатньо короткий час досяг значного прогресу в модернізації інфраструктури ІКТ. Так, єгипетська телекомунікаційна інфраструктура збільшила свої потужності в декілька разів. Якщо наприкінці 2001 р. дві приватні компанії мобільного зв'язку обслуговували близько 3,4 мільйона користувачів мобільних телефонів, то в 2007 р. ця цифра зросла до 16 мільйонів користувачів та з'явився новий мобільний оператор, що отримав ліцензію в 2006 р. Міністерством з комунікацій та інформаційних технологій Єгипту була розроблена спеціальна

Стратегія розвитку ІКТ на 2007—2010 рр. по трьох основних напрямках: реструктуризації ІКТ сектора, його подальшому розвитку та інноваціям. В рамках реструктуризації ІКТ сектору була проведена поштова реформа, створено національну телекомунікаційну регуляторну установу (NTRA), запроваджено WiMax технології; задля розвитку ІКТ сектора Єгипту було імплементовано чисельні програми з просування комп'ютерної грамотності, програми «нація-онлайн», «ПК в кожну домівку», успішно розпочаті єгипетська освітня ініціатива, серія е-ініціатив з охорони здоров'я та діагностики [17].

Окремої уваги заслуговує розвиток ІКТ індустрії в Палестинській Національній Автономії. Пряма залежність від Ізраїлю обумовила контроль палестинського сектора ІКТ переважно ізраїльськими компаніями. Так, доступ до Інтернет-мережі в Палестині здійснюється через ізраїльський проксі-сервер, при цьому вартість палестинського трафіку втричі вища за ізраїльський, ринок мобільного зв'язку на 56 % контролюється Ізраїлем. Однак заснування міністерства телекомунікацій та інформаційних технологій привело до активізації та подальшого розвитку ІКТ в Палестині. Приватизація телекомунікаційного сектора в 1997 р. палестинською телекомунікаційною компанією Paltel дозволила збудувати цифрову мережу, з'єднавши Західний берег та Газу та запропонувавши широке коло послуг, таких як стандартні фіксовані телефонні лінії, виділені лінії, цифрова мережа з інтегрованими послугами (ISDN), а з 2005 р. широкосмугові послуги передачі даних за допомогою ADSL технологій. В 2004 р. міністерством телекомунікацій та інформаційних технологій була розроблена Національна стратегія з розвитку ІКТ в Палестинській автономії для побудови палестинського інформаційного суспільства [18].

В розвитку ІКТ в арабському регіоні зацікавлена і світова спільнота. Про це свідчать численні проекти та програми, розроблені спеціально для арабських країн різними міжнародними організаціями та установами. Яскравим прикладом такої співпраці є ініціатива «Інформаційні технології і комунікації для розвитку в арабському регіоні» (ICTDAR) ООН, яку було започатковано в рамках регіональної програми розвитку ООН (UNDP Regional Program) в жовтні 2003 р. в Каїрі [19].

Отже, арабський регіон активно долучився до процесу будівництва інформаційного суспільства. Завдяки проникненню ІКТ в арабський регіон Інтернет-мережа, електронні ЗМІ та відео-ігри стали новими інструментами формування громадської думки. Хоча Інтернет надав можливості глобальному поширенню діяльності радикальних ісламістських угруповань та виникненню кібер-тероризму, «віртуальне звільнення» сприяє боротьбі за свободу слова та демократичні права в арабських країнах. Деякі арабські країни тільки на початку шляху розвитку ІКТ сектора, але в регіоні вже є успішний досвід ефективного використання ІКТ для диверсифікації економіки та залучення зарубіжних інвестицій.

Слід зазначити, що на сьогоднішній день розвиток ІКТ йде по багатьох напрямках за відчутної підтримки з боку арабських урядів на основі спеціально розроблених ІКТ стратегій. Для інформаційного розвитку арабського регіону безумовно важлива подальша співпраця з міжнародними організаціями та установами.

Література

1. Telecoms daily news //AME Info. — 2008. — 4 September // http://www.ameinfo.com/news/telecoms/

2. Hanouz D., Yousef T. Assessing Competitiveness in the Arab World: Strategies for Sustaining the Growth Momentum // Arab World Competitiveness Report. — World Economic Forum, 2008. — P. 5, 7—16.
3. Internet Usage in the Middle East // http://www.internetworldstats.com/stats5.htm
4. *El-Kashef Injy.* Islam dot com // http:www.islamicity.com/AlAhram/20051014/default.htm
5. *Sadeq Adel Abdel*. Internet Hacking between Sunnis and Shia: when politics manipulate religion // http: www.acpss.ahram.org.eg/eng/ahram/2004/7/5/EGYP74.HTM
6. *Куприенко Е. Е.* Интернет как инструмент террористических и экстремистских организаций // http: //www.iimes.ru/rus/stat/2005/03-10-05.htm
7. *Radsch Courtney*. Core to Commonplace: The Evolution of Egypt's blogoshere // ArabMedia & Society, September 2008.
8. *Sisler Vit.* Representation and Self-Representation: Arabs and Muslims in Digital Games // http://www.digital-islam.eu/article.do?articleId=1423
9. *Sisler Vit*. Digital Arabs: Representation in Video Games // http://www.digitalislam.eu/article.do?articleId=1704
10. *Sisler Vit.* Representation and Self-Representation: Arabs and Muslims in Digital Games // http://www.digitalislam.eu/article.do?articleId=1423
11. e-Government on the march in the Arab World: 11 Arab countries have already launched e-Government portals // http://www.arabadvisors.com/Pressers/presser-021209.htm
12. Eight media cities serve the Arab World's media industry with more cities on the horizon. // http://www.arabadvisors.com/Pressers/presser-011109.htm
13. 346 FM radio stations broadcast in 18 Arab countries: Private FM radio stations constitute 48% of the total local stations // http://www.arabadvisors.com/Pressers/presser-291009.htm
14. UAE Rankings in Various International Studies // http://www.tra.gov.ae/UAE_rankings.php
15. *Peterson Jonathan D.* The Information & Communication Technology Landscape in the United Arab Emirates // http://www1.american.edu/carmel/jp2450a/author.htm
16. Egypt and the Cultural Globalization // www.sis.gov.eg/En/Pub/magazine/spring2003/110228000000000001.htm
17. Egypt's ICT Strategy 2007—2010 // http://www.mcit.gov.eg/Brochures/Egypt-ICT-Strategy.pdf
18. *Rabayah Khalid S., Awad Sami.* Creating an Information Society in Developing Countries. Lessons Learned from the Case of Palestine // http://www.iimahd.ernet.in/egov/ifip/jun2009/khalid-rabayah.htm
19. About ICTDAR. Background information // http://www.ictdar.org/about.htm

Ж. Б. Игошина
кафедра международных отношений
Институт социальных наук
Одесский национальный университет имени И. И. Мечникова
Французский б-р, 24/26, Одесса, 65058, Украина

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ИНФОРМАЦИОННОГО ИЗМЕРЕНИЯ ГЛОБАЛИЗАЦИИ НА АРАБСКОМ ВОСТОКЕ

Резюме

Статья посвящена исследованию влияния процессов глобализации, происходящих на Ближнем Востоке, на развитие арабских государств в разрезе информационного измерения глобализации. Особое внимание в статье уделено влиянию Интернет на трансформацию арабского общества и достижениям Объединенных Арабских Эмиратов, Арабской Республики Египет и Палестинской национальной автономии в свете процессов информационной глобализации.

Ключевые слова: глобализация, арабские государства, информационно-коммуникативные технологии, Интернет, кибер-терроризм.

Zhanna Igoshyna
Odessa Mechnikov National University
Institute of Social Sciences
International Relations Department
24/26 Frantsuzsky boulevard, Odessa, 65058, Ukraine

SOME ASPECTS OF INTERNATIONAL GLOBALIZATION IN THE ARAB EAST

Summary
The article is dedicated to the research of the influence of globalization processes occurring in the Middle East, the development of Arab States in the context of the informational dimension of globalization. Particular attention is paid to the influence of Internet on the transformation of Arab society and the achievements of the United Arab Emirates, the Arab Republic of Egypt and the Palestinian National Authority in the light of the informational processes of globalization.

Key words: globalization, the Arab States, Information and communication technologies, Internet, cyber-terrorism.

УДК 327[(560:4-672ЄС):(73)]»20»

К. І. Кулешова,
кафедра міжнародних відносин,
Одеський національний університет імені І. І. Мечникова
вул. Дворянська, 2, Одеса, 65026, Україна
тел. (+380482)633259

ДИЛЕМИ ТУРЕЦЬКОЇ МОДЕЛІ В ПОЛІТИЦІ США

У статті розглядаються суперечності турецької моделі зовнішньополітичних та інтеграційних пріоритетів Туреччини, головним серед яких виступає приєднання до Євросоюзу. На такому загальному тлі аналізуються особливості американського позиціонування щодо Туреччини.

Ключові слова: Туреччина, США, турецька модель, ЄС, Близький Схід, альтернатива

Туреччина розташована між Європою та Азією, тобто, на думку Кемаля Кірішчі, між кантіанською зоною «демократичного миру» та гоббсівським світом автократії, насильства і конфлікту на своїх південних та східних кордонах [1]. Дослідження громадської думки однозначно показують, що переважна більшість турків бажають, щоб їх країна долучилась до першої зони, а не до другої — вони прагнуть, щоб Туреччина приєдналась до Європейського Союзу і жила в мирному, демократичному та процвітаючому міжнародному суспільстві. Тобто в такому суспільстві, яким Близький Схід, очевидно, сьогодні не є і навряд чи скоро стане. Дилема для турецьких політиків у їх ставленні до турецької моделі, як її бачать з Вашингтону, полягає в тому, що, хоча Сполучені Штати вербально підтримують вступ Туреччини до ЄС, тобто її повномасштабну євроінтеграцію, але американські стратеги цінують союз з Туреччиною переважно, якщо не виключно, за її сучасну (хоча й далеку від американського ідеалу) чи потенційну перспективну роль на Близькому Сході — саме в тому регіоні, від якого більшість турків воліли б триматися подалі. Це створює очевидні глибокі суперечності в розумінні турецької моделі в двох столицях. Європеїзація вимагає від Анкари трансформацій внутрішньополітичного курсу та стійкості перед тиском ззовні.

Дилема Туреччини не є унікальною, перед нею опиняються уряди багатьох демократичних країн в часи криз. В ідеалі політики хотіли б узгодити обидва курси і впроваджувати їх одночасно, але це рідко вдається. Тому врешті-решт вони повинні були остаточно схилитись на ту чи іншу сторону. В лютому 2003 р. лідери уряду, сформованого партією «Справедливість і розвиток», намагались переконати парламент погодитися на план вторгнення США до Іраку з Туреччини, тобто відкриття Північного фронту, наголошуючи на ціні, яку доведеться заплатити за відмову. Кінець-кінцем, внутрішню опозицію їм подолати не вдалося. Уряд прийняв результати парламентського голосування 1 березня 2003 р. без відвертого протесту, а пізніше і з певним полегшенням. В квітні 2005 р. прем'єр-міністр А. Гюль, по суті, визнав, що парламентське рішення насправді виявилось благом. На противагу йому у вересні 2006 р. Ердоган заявив, що краще б парламент прийняв схвальну резолюцію, щоб Туреччина мала вплив на післявоєнну ситуацію в Іраку, однак було вже запізно змінювати курс [2].

© К. І. Кулешова, 2010

На той час в Туреччині єдиним більш-менш стійким прихильником реалізації американської турецької моделі в Іраку був її уряд. Жодна інша владна установа Туреччини — ні генеральний штаб, ні міністерство закордонних справ, ні парламент чи засоби масової інформації — насправді не хотіли війни з Іраком і в принципі не підтримували вторгнення до нього під проводом США. У С. Хусейна практично не було прихильників в Анкарі, але власне Ірак не розглядався як загроза турецькій національній безпеці, незалежно від наявності чи відсутності в нього ЗМЗ. З іншого боку, турки були серйозно занепокоєні тим, що примусова зміна режиму може призвести до хаосу в Іраку і дестабілізувати регіон в цілому, порушивши нестійкий баланс сил між Туреччиною, Іраном, Сирією та Іраком. Поширене в громадській думці та політикумі переконання, що Туреччина нічого не виграла від підтримки війни США в 1990—1991 рр., практично нівелювало шанси на втілення силовим шляхом турецької моделі. У 1991 р. міркування на користь підтримки Америки ґрунтувалися на політиці сили — тоді адміністрація Дж. Буша-старшого була рішуче налаштована на війну з Іраком за будь-яких умов, а від Туреччини залежало лише те, чи опиниться вона під американською парасолькою або ж поза нею. Турки вирішили, що в цій ситуації присутність їхніх військ в Іраку не призведе до значних втрат і надасть Туреччині певні можливості впливу на післявоєнну ситуацію. Принциповим було те, що в лютому 2003 р., пояснюючи причини, з яких уряд схилявся до підтримки планів США, Гюль жодного разу не згадав про начебто наявність в С. Хусейна ЗМЗ. Фактично він визнав: «Я не очікую ніякої загрози з боку Іраку, в нього немає сил». Натомість, А. Гюль пояснював свою позицію виключно тим, що «вірив у те, що турецько-американське стратегічне партнерство вимагає від Туреччини діяти разом зі США». Він висловився так: «Час від часу вам доводиться приймати надзвичайно складні рішення. Це рішення також не далося легко. Але я, моя партія і уряд зробили все можливе [щоб відвернути війну. — *Авт.*]. Вина більше не лежить на наших плечах. Кожен повинен думати про свою власну країну» [3].

Внутрішня турецька проблема з курдами поглибила побоювання Туреччини щодо можливих наслідків вторгнення в Ірак. Якби Сполученим Штатам не вдалося одразу встановити повний контроль після ліквідації режиму Хусейна (як це і сталося), то виникала реальна загроза, що іракські курди розпочнуть боротьбу за власну державу. Численні заяви М. Барзані перед війною лише підсилювали ці побоювання. Після 1999 р. РПК начебто була відчутно послаблена, але багато турецьких курдів залишилися відчуженими від турецької держави. Хоча РПК не відновила колишньої потужності, посилення курдських позицій після падіння режиму Хусейна надихнуло їх на відновлення боротьби. Тому увага турків була прикута до північного Іраку, оскільки Туреччина усвідомлювала свою внутрішню вразливість і побоювалась, що політичний колапс в Іраку призведе до зростання насильства на її власній території. Навіть якщо Ірак зберігає свою цілісність, армія та поліція все одно мали бути готовими до збройної боротьби з РПК.

Такі настрої вплинули на громадську реакцію на війну в Іраку 2003 р. Відповідно до результатів опитувань, проведених між груднем 2002 р. та вереснем 2003 р., більш ніж 80 % турецьких респондентів вважали, що США напали на Ірак лише для того, щоб захопити контроль над його нафтовими ресурсами чи «продемонструвати світу свою міць» (а отже, аж ніяк не втілити турецьку модель), і лише менше 1 % повірили, що справжньою метою американців було знищення можливих запасів зброї масового

знищення, якими начебто володів С. Хусейн. Іншою причиною, з якою турки виступали проти війни, було те, що вторгнення в Ірак без санкцій Ради Безпеки ООН могло завдати непоправної шкоди Об'єднаним Націям. Як мусульмани, більшість турків повинні були співчувати своїм одновірцям в Іраку, але політичний панісламізм, очевидно, не був тією причиною, з якої турки були проти вторгнення — менше 1 % респондентів вважали, що ця війна мала релігійне підґрунтя [4]. Так само турецька опозиція війні не може пояснюватися антиамериканізмом. Зрештою, у Туреччини були непогані відносини з США з кінця 1990-х рр. Вона повністю підтримала антитерористичну кампанію та знищення режиму Талібану в Афганістані після атак 11 вересня 2001 р. Глибока криза турецької моделі розпочалася саме з вторгненням США до Іраку 2003 р. [5].

Деякі представники неоконсервативного крила в США були переконані, що криза «турецької моделі» є результатом зловісної змови ісламістських радикалів в Саудівській Аравії та інших країнах Сходу з метою захоплення контролю над турецьким урядом, а Т. Ердоган і його колеги є спільниками в цій змові. Наслідки «змови» вони вбачали у погіршенні відносин Туреччини з Ізраїлем у 2004 р. та взагалі як коріння турецької опозиції політиці США на Близькому Сході. Цей аргумент обстоював М. Рубін з Американського інституту підприємництва, колишній радник з питань Іраку та Ірану міністра оборони США. Навесні 2005 р. він висунув тезу про те, що величезні суми т. зв. «зелених грошей» з Саудівської Аравії та Малайзії потрапляли до кишень функціонерів партії «Справедливість і розвиток». Він цитував невідоме джерело, сказавши: «Закордонна допомога партії «Справедливість і розвиток» від Саудівської Аравії та Малайзії залежала від того, чи змінить Туреччина свою позицію по відношенню до Ізраїлю» [6]. На підтримку цих заяв не надавалося жодних доказів, які можна було б піддати верифікації. У схожому ключі Д. Пайпс заявив, що Ердоган — це «анти-Ататюрк», мета якого — «звести нанівець революцію Ататюрка», і що саме цим пояснювалась турецька відмова допомогти США при вторгненні в Ірак [7]. Факт спрямування урядом запиту на підтримку плану вторгнення до парламенту ігнорувався, як і те, що радикально антиісламістські налаштований попередній уряд Еджевіта також рішуче виступав проти потенційного вторгнення.

На противагу цим доводам Г. Е. Фуллер, колишній голова Національної ради з розвідки США, зазначив, що неправильно «вважати, ніби поширена турецька опозиція багатьом напрямкам політики адміністрації Буша є вираженням загальної стратегічної ворожості», вказавши, що «турецькі затяті антиклерикали, націоналісти, кемалісти та прихильники лівих поглядів... ставляться до політики Вашингтону навіть більш різко і критично, ніж уряд Ердогана» [8]. Насправді виявилося, що Рубін і Пайпс чи їхні неназвані інформатори вигадали або, щонайменше, перебільшили панісламістський вплив для того, щоб пояснити причини краху турецької моделі, котрий не був пов'язаний з конспірологією. Докази свідчать, що турки виступали проти війни з тих самих причин, що й мільйони інших людей в Західній Європі та по всьому світу.

Серед критики на адресу правлячої партії та її поведінки щодо Іраку у 2002—2003 рр. були і звинувачення у тому, що вона була набагато менш професійною і підготовленою, ніж позиція Т. Озала в 1990—1991 рр. Керівництво партії «Справедливість і розвиток» було настільки аматорським, що турецька модель втратила шлях для просування на світову арену, в той час як Озал був «далекоглядним у зовнішньополітичних питаннях» лідером, який «зламав закоснілі стереотипи і повів Туреччину через бурхливі води міжнародної політики» [9].

Щоб оцінити, чи була справедливою така критика, порівняємо дві кризи — 1991 та 2003 рр. і умови, в яких доводилось діяти у обох випадках. Таке порівняння також дозволить визначити опорні точки турецької моделі, що допоможуть пояснити дії Туреччини в другому випадку.

З одного боку, у двох криз є суттєві тотожні риси. У жодному з випадків Ірак не розглядався Анкарою як пряма загроза Туреччині, тому аргументація на користь підтримки турецької моделі Вашингтону ґрунтувалась в основному на потребі зберегти союзні відносини з Вашингтоном в міжнародному середовищі, що склалися після завершення «холодної війни». В обох випадках переважна частина громадськості виступала проти безпосереднього залучення до війни в Іраку. Війна 2003 р. мала амбіційну ціль — зміну режиму в Багдаді, але несла в собі потенційно несприятливі наслідки для Туреччини та турецької моделі в регіоні в цілому. Війні 1991 р. був властивий вражаючий рівень міжнародної легітимності. З іншого боку, резолюція Ради Безпеки ООН № 1441 від 8 листопада 2002 р. всього лише передбачала «серйозні наслідки», якщо Хусейн не дотримуватиметься своїх зобов'язань щодо роззброєння. Війна 1991 р. здобула підтримку всіх членів НАТО та більшості арабських держав. А в 2003 р. в НАТО відбувся очевидний розкол, під час якого Франція та Німеччина виступили проти війни. Майже всі арабські держави і Росія зайняли стійку опозицію. Тому в 1991 р. Озал міг сміливо стверджувати, що, підтримуючи коаліцію, Туреччина діє відповідно до думки світової громадськості та рішень ООН, що надавало ваги та привабливості турецькій моделі. В 2003 р. Гюль і Ердоган такої переваги не мали.

Дві війни також відрізнялись тим, що в другому випадку від турецької моделі США вимагали набагато більшого, ніж у першому. В 1990—1991 рр. від Анкари хотіли лише посилення економічного ембарго щодо Іраку та дозволу Америці використати турецькі бази ВПС. Турецька участь у наземній операції під час війни в Затоці віталася Вашингтоном і відповідала б просуванню турецької моделі. Але, навіть якби рішення про направлення турецьких підрозділів до Кувейту й ухвалили в Анкарі, участь Туреччини, скоріш за все, мала б суто символічне значення. Навпаки, в 2003 р. Вашингтон звернувся за дозволом на перебування значних американських сил на турецькій території. Наголошуючи на тому, що її власні війська також повинні отримати дозвіл на вторгнення в північний Ірак, Туреччина брала на себе додатковий ризик. В 2003 р. Туреччина опинилася перед значно суперечливішою і небезпечнішою ситуацією. США піддали турецьку модель стратегічного партнерства серйозному випробуванню, якого вона не витримала.

Британський вчений Ф. Робінс вважає, що прихід партії «Справедливість і розвиток» до влади був занадто неочікуваним, щоб бути успішним [10]. Зокрема, він критикував спробу А. Гюля у січні 2003 р. розбудувати коаліцію близькосхідних держав (які мали віддати належне «турецькій моделі»), щоб переконати С. Хусейна зректися влади. Робінс переконаний, що турецький уряд просто гаяв час.

Колишній прем'єр-міністр та президент Туреччини С. Демірель вважає, що якби уряд доклав більше зусиль, то зміг би домогтися схвалення плану вторгнення (відкриття Північного фронту проти С. Хусейна) в парламенті. За його словами, «якщо ви маєте однопартійний уряд, то не можете просто сказати "так вирішила більшість"... Власне кажучи, парламенти не управляють урядами. Навпаки, уряди управляють парламентами» [11]. Сформований «Справедливістю і розвитком» уряд також звинувачують в істотному перебільшенні стратегічної значимості «турецької моделі» для Амери-

ки, причому настільки, що урядові лідери переконали себе: в разі відмови Анкари співпрацювати, Сполучені Штати просто не зможуть розпочати операцію проти Іраку [12].

Уряду не вдалося запровадити ефективну публічну кампанію на підтримку своїх особливих відносин зі США, він не реагував на висловлювану турецькими мас-медіа перебільшену критику на адресу американської турецької моделі. Внаслідок цього був відсутній скільки-небудь позитивний образ американської політики в очах турецького суспільства, що згубно впливало на «турецьку модель». У глобалізованому інформаційному світі суспільні відносини виявилися більш важливими, ніж, вочевидь, це розуміли турецькі урядовці. Кульмінацією став скандал, що розгорнувся після публікації статті Р. Поллока в лютому 2005 р. Ще раніше відчайдушні спроби Туреччини вторгувати якомога більшу фінансову компенсацію за свою потенційну участь у військовій операції зробили її посміховиськом у американських ЗМІ, що створювали імідж держави, яка називає себе відданим союзником по НАТО, а насправді прагне продати свою підтримку [13]. В такий спосіб дискредитувалася турецька модель в США.

Недостатньо підстав стверджувати, що уряд у цілому вважав, ніби відсутність турецької підтримки спинить американське вторгнення в Ірак. Зважаючи на те, що Ердоган та його колеги явно були проти війни, якби вони справді у це вірили, то логічним ходом з їхнього боку було б із самого початку відкинути американський план, а не подавати його до парламенту. Претензії Деміреля на те, що уряду не вдалося заручитися підтримкою деяких своїх же однопартійців у парламенті, можна спростувати тим, що законодавці далеко не завжди сліпо виконували всі рішення урядів. Переговори з приводу розміру фінансової допомоги з боку США не викликали належного розуміння в американської сторони. Цього можна було уникнути, але уряд був надто заклопотаний потенційними витратами Туреччини на війну, зважаючи на надто вразливий стан економіки країни після обвалу 2001 р. Ці міркування знаходили розуміння і в Лондоні, як підтвердив впливовий тижневик *The Economist* [14].

Далеко не безгрішною у впровадженні турецької моделі була дипломатія США. Зважаючи на тривалі тісні відносини з турецькими збройними силами, військове керівництво Пентагону розраховувало, що турки могли б підписати угоду і без врахування громадської думки. Аналітики в адміністрації Дж. Буша дійшли висновку, що «саме елітні державні інституції, а не маси» визначають зовнішню політику в Анкарі [15]. Ключові фігури в Вашингтоні вважалися «добрими друзями Туреччини», бо підкреслювали стратегічну значимість турецької моделі і, вочевидь, очікували, що їм завдяки цьому вдасться завоювати довіру турків [16]. М. Рубін критикував держдепартамент за нестачу дипломатії високого рівня у відносинах з Туреччиною [17]. В той же час Туреччина отримувала явно суперечливі сигнали від США. Причиною було те, що американські посадовці в північному Іраку були більше занепокоєні перспективою турецької військової присутності в ньому, ніж їх колеги у Вашингтоні. Наприклад, З. Халілзад рішуче виступив проти цієї ідеї і прямо повідомив про це туркам, хоча комбінований план, що включав Північний фронт, був підтриманий Пентагоном. Восени 2003 р. П. Бремер енергійно заперечував можливість турецької участі у стабілізаційних силах, хоча Вашингтон висловлював повністю протилежну позицію [18].

Основним, на нашу думку, все ж постає питання: виграла зрештою Туреччина чи програла, відмовившись в 2003 р. виконувати роль стратегічного партнера США відповідно до неоконсервативного розуміння концепції «турецької моделі»? Перед голосу-

ванням 1 березня турецький уряд намагався переконати незгодних колег і членів своєї партії у парламенті в такому:

— якщо цей план не затвердити, то іракські курди утворять власну незалежну державу, захопивши контроль над Мосулом і Кіркуком, що породить хвилі біженців до Туреччини;

— американці підтримають греків у конфлікті на Кіпрі та залишать Туреччину без підтримки у її намаганнях вступити до ЄС;

— турецька економіка понесе величезні втрати без очікуваної американської допомоги (за оцінками експертів, вартість війни для Туреччини становила б $23 мільярди у перший рік, які згодом зростуть до $30 мільярдів).

Більшість цих страхів з часом виявились перебільшенням. Незважаючи на втрату очікуваної американської допомоги, в Туреччині не спостерігалось масового вилучення вкладів з банків чи кризи платіжного балансу, а її ВВП суттєво зростав [19]. Туреччина продовжувала користуватися підтримкою Вашингтону в питанні вступу до ЄС та (час від часу) у політиці стосовно Кіпру. На кінець 2005 р. ризик створення незалежної курдської держави на території Іраку чи анексії курдами Мосула та Кіркука зменшився. Найбільш сумнівним виглядає аргумент, що турецька модель була настільки важливою для США, що Туреччина могла б отримати неабиякий вплив на політику Вашингтону в післявоєнному Іраку, якби підтримала вторгнення. Кінець-кінцем, британський уряд був найбільш вірним та відданим прихильником президента Дж. Буша-молодшого, але навіть він не мав жодного помітного впливу на дії США в Іраку чи їх близькосхідну політику в цілому. Кореспондент *The Guardian* Саймон Дженкінс у листопаді 2005 р. дійшов висновку: «Якщо Колін Пауелл не зміг нічого зробити проти Білого дому, то на що міг розраховувати Тоні Блер?» [20]. Турецька військова присутність в північному Іраку загрожувала перетворитись на небезпечну і надто дорогу «війну всередині війни» проти іракських курдів — фактичних союзників США.

Розглянемо альтернативи, які мав уряд Туреччини в рамках турецької моделі перед вторгненням США в Ірак. 23 грудня 2002 р. Генеральний штаб подав А. Гюлю свої пропозиції щодо альтернатив, які варіювалися від а) повної відмови від співпраці з США, — на одному кінці спектра; через б) помірну позицію, за якої Туреччина дозволяла б Сполученим Штатам використовувати свої порти та бази і здійснювати польоти над турецькою територією, і аж до в) максимального сценарію з у вигляді повної співпраці, що передбачала участь турецьких військ у майбутньому вторгненні в Ірак. Можна припустити, що якби турки обрали перший сценарій, то його результат для турецької моделі не сильно відрізнявся би від того, де вона опинилася зараз. Хіба що американці з самого початку були б позбавлені ілюзій. З іншого боку, Туреччина могла б дозволити армії Сполучених Штатів використати турецьку територію для атаки на північний Ірак, не вимагаючи при цьому, щоб до цього обов'язково долучилися турецькі війська. Цей варіант відповідав американським вимогам та усував можливість зіткнення між турецькою армією та курдськими повстанцями, але збільшував ризик того, що парламент відкине такий план, бо присутність турецьких військ на півночі Іраку завжди була наріжним елементом позиції турецької сторони. Нарешті, турецький уряд міг надати повну підтримку вторгненню лише за тієї умови, що воно буде повністю санкціоноване ООН. Звичайно, це саме треба було зробити в листопаді 2002 р., одразу після резолюції № 1441 Ради Безпеки ООН, що залишила питання відкритим.

Якби за цим послідувала ще одна резолюція, то істотну частину парламентської опозиції плану вдалось би усунути та врятувати турецьку модель. Оскільки США готувались до війни і без дозволу ООН (і туркам про це було відомо), то результат, напевне, не відрізнявся б від отриманого, хоча частину моральної провини можна було б перекласти на плечі американців.

Висновок полягає в тому, що жоден з доступних туркам варіантів і близько не був ідеальним для турецької моделі у варіанті вашингтонських неоконсерваторів. На ділі «правильної» відповіді на запитання не існувало, а турецький уряд опинився в безвиході. Отже, напевно, правильно вчинив, залишившись осторонь війни, але це стало результатом, скоріше, збігу обставин.

Під час кризи 2003—2004 рр. турецька модель не забезпечила формування політики Туреччини по відношенню до Іраку як цілісної держави, в її рамках лише відбувалася протидія заснуванню незалежної курдської республіки. Як показали наступні події, до весни 2005 р. турецькі посадовці досягли деякого прогресу. Вони привітали встановлення нового іракського парламенту Ібрагіма аль-Джаафарі та вибори Джалаля Талабані іракським президентом, а також нову конституцію (хоча і з певними застереженнями). Іракські шиїти, як домінантна група у новому державному устрої Іраку, так само, як і турецький уряд, прагнули не допустити курдської незалежності. Але різниця полягає в тому, що тепер курди мають конституційну автономію всередині Іракської Республіки. Погодившись з тим, що Ірак має федеральну конституцію, турецький уряд відмовився від своєї попередньої жорсткої позиції, але опинився глибоко втягнутим у внутрішні іракські суперечки, що не тільки невідворотно веде до виникнення нерідких підстав для тертя з американцями, але й позбавляє турецьку модель неодмінно потрібної якості — деякої віддаленості від суб'єкта її сприйняття.

Деякі дослідники вважають кращим виходом зі складних політичних проблем Іраку «керований розподіл», при якому курди формують власну державу, а арабські шиїти та суніти залишаються разом або також створюють незалежні країни [21]. Т. Додж заперечує цей рецепт і доводить, що така позиція нехтує складними іракськими реаліями і недооцінює силу іракського націоналізму серед шиїтів та сунітів, які виступають за збереження неподільного Іраку [22].

Подальші події показали, що другий шлях був ближчим до реалій,як мінімум, у юридичному та конституційному вимірах.

В умовах неясних перспектив реконструкції найвірогіднішим наслідком залишалася тривала ворожнеча між сунітськими та шиїтськими повстанцями, в той час як курди залишались у відносно спокійному стані у своїх північно-східних провінціях. Було малоймовірно, щоб Туреччина наклала повну економічну блокаду на іракський Курдистан, оскільки це принесло б надмірну шкоду і страждання саме цивільній частині населення. З іншого боку, вона напевно рішуче протистояла б проголошенню незалежної держави іракськими курдами і цілком могла б створити потужний економічний тиск. Одностороннє військове вторгнення з боку Туреччини видавалось малоймовірним, хоча вона неодноразово погрожувала ним у минулому, оскільки таке вторгнення навряд чи викликало схвалення як з боку Євросоюзу, так і США. Відмова від «європейського вектора» була б для Туреччини занадто високою ціною.

У більш широкій перспективі Туреччина потребує налагодження співпраці з іншими сусідами Іраку — Іраном та Сирією. Зважаючи на вищезазначене та враховуючи ескалацію конфлікту між різними ісламськими угрупованнями в лютому 2006 р.,

Т. Ердоган запропонував відновити зустрічі всіх держав — сусідів Іраку. Від ООН цей план отримав повну підтримку в особі Кофі Аннана [23]. Той факт, що Іран та Сирія були включені до проголошеної президентом Дж. Бушем «вісі зла», означав, що Вашингтон міг бути проти такого підходу, але вже 2006 р. стало ясно, що президент США змушений відчутно пом'якшити свою неоконсервативну риторику, як і покинути перебільшені надії на турецьку модель.

Події в Іраку та турецька політика мали важливі наслідки для загальних відносин Туреччини з ЄС і США. Після березневої кризи 2003 р. багато хто вважав, що посилення зв'язків Туреччини з Брюсселем може мати значний вплив і на її відносини з Вашингтоном, і що в турецькій зовнішній політиці почне відбуватися певна «європеїзація» [24]. Ознакою цього є те, що з таких питань, як арабо-ізраїльський конфлікт, Іран та Кіотський протокол, позиція Туреччини була набагато ближчою до позиції ЄС, ніж до США [25].

Немає підстав стверджувати, що турецько-американський союз остаточно зруйнований, але Ірак став показником кризи турецької моделі. Події в ньому чітко показали Вашингтону, що він не може розраховувати на Туреччину у проекції своєї м'якої та твердої сили на Близький Схід [26]. Не вражає й такий приклад турецько-американської співпраці, що засновується на м'якій силі, як Близькосхідна ініціатива. Уряд партії «Справедливість та розвиток» підтримав таку співпрацю в принципі, оскільки вона надала відносно безболісний для Анкари спосіб відновити відносини з Вашингтоном, і, крім того, турецька влада сама приділяє чимало уваги та сил для встановлення більш відкритої та відповідальної влади в регіоні. В березні 2006 р. А. Гюль підтвердив, що в цьому питанні американська стратегія збігається з турецькою [27]. Сполученим Штатам не дуже добре вдавалося просувати Туреччину як модель демократії, зважаючи на те, що всі інші держави Близького Сходу дивилися на неї з підозрою, тому що бачили на ній ярлик «зроблено в США». Але, як підмітила розташована в Брюсселі Міжнародна група запобігання кризам, «посланням про потребу в більшій демократії не варто нехтувати лише тому, що посланець, особливо в світі після іракської війни, є підозрілим» [28]. В середині першого десятиліття XX ст. з'явилися вагомі підстави для критики турецької моделі і сумнівів у її життєздатності, зважаючи на її невдачі в Іраку, перемогу ісламістських радикалів з Хамасу на виборах в Палестині та ін.

Безсумнівно, турецько-американське партнерство сильно постраждало під час війни 2003 р. в Іраку, але зрештою обидві держави отримали більш чітке уявлення про рамки можливостей турецької моделі. Туреччина ясно усвідомила, що її власна спроможність впливати на політику США, коригувати підходи Вашингтону до змісту та шляхів реалізації турецької моделі є дуже обмеженою. В США, у свою чергу, зрозуміли, що вони не можуть розраховувати на беззастережну турецьку підтримку у всіх ситуаціях, насправді союз з Туреччиною має достатньо вузькі рамки, а турецька модель не здатна їх розширити або ефективно прислужитися вирішенню стратегічних питань США на Близькому Сході. Однак це не означає, що турецьку модель назавжди поховано. Як підсумував Р. Перл, Америка все ще має «величезну зацікавленість у тому, щоб продовжувати демонструвати світу, що мусульманська держава здатна бути демократичною, світською і мати добрі відносини із США» [29]. Так само і з турецького боку, О. Санберк, колишній заступник міністра закордонних справ, заявив, що Туреччина та Америка потребують «міцних двосторонніх відносин, які ґрунтувались би на повазі, розумінні та бажанні залишити минуле у минулому, а потім приступити

до роботи, враховуючи обмеження на Близькому Сходу, що веде у напрямку багатостороннього партнерства, в якому взяли б участь Європейський Союз та головні країни Близького Сходу» [30]. Залишається чекати, чи набуде нова, не суто американська редакція турецької моделі життєздатності, дієвості та чи настільки збагатиться змістовно, щоб набрати конкретних форм.

Література

1. *Kemal Kirişçi,* «Between Europe and the Middle East: The Transformation of Turkish Policy», *MERIA Journal,* vol. 8, no. 1, 2004, p. 1.
2. *Hürriyet,* 18 Apr. 2005. Ibid., 7 Sep. 2006.
3. Ibid., 5 Feb. 2003.
4. *Nasuh Uslu, Merin Toprak and Ibrahim Dalmiş*, «Turkish Public Opinion towards the United States in the Contest of the Iraq Question», *MERIA Journal,* vol. 9, no. 3, 2005, p. 3 and Tables 5 and 14 (poll conducted in March 2003).
5. *Michael Rubin,* «Shifting Sides; The Problems of Neo-Ottomanism», *National Review Online,* 10 Aug. 2004, p. 2 (from <www.meforum.org/arcicle/628>).
6. *Michael Rubin,* «Green Money, Islamist Politics in Turkey», *Middle East Quarterly,* vol. 22, no. 1, 2005, p. 5; Frank J. Gaffney, Jr, «Islamofascist coup?» *Washington Times,* 14 Mar. 2006.
7. *Daniel Pipes*, in a round-table discussion chaired by James Glazov, «Turkey: the Road to Sharia?», *FrontPageMagazine.com,* 6 May 2005 <www.frontpagemagazine.com>, pp. 2—3.; Daniel Pipes, «Is Turkey Going Islamist?», *New York Sun,* 7 June 2005.
8. *Graham E. Fuller*, «Don't Write off the Turks: Ankara isn't anti-American, it's Independent', *Los Angeles Times,* 11 Apr. 2005.
9. *Cengiz Зandar*, «Turkish Foreign Policy and the War on Iraq», in Lenore G. Martin and Dimitris Keridis, eds. *The Future of Turkish Foreign Policy,* Cambridge MA and London: MIT Press, 2004, pp. 47, 54, 56.
10. *Philip Robins*, «Confusion at Home, Confusion Abroad: Turkey between Copenhagen and Iraq», *International Affairs,* vol. 79, no. 3, 2003, pp. 547—8 and 566. Michael Rubin, «A Comedy of Errors: American-Turkish Diplomacy and the Iraq War», *Turkish Policy Quarterly,* vol. 4, no. 1, 2005, p. 2.
11. *Nigar Göksel*, «Turkey and Democratization in the Middle East: A TPQ exclusive interview with Süleyman Demirel», *Turkish Policy Quarterly,* vol. 4, no. 2,2005. p. *6.*
12. *Bill Park*, *Turkeys Policy towards Northern Iraq: Problems and Perspectives,* London: Routledge, for International Institute for Strategic Studies, Adelphi Paper 374,2005, p. 24.
13. *Chicago Tribune,* 21 Feb. 2003
14. *The Economist, 27 Feb,* 2002.
15. *Robins*, «Confusion at Home», p. 560.
16. Statement by Richard Perle, in Nigar Göksel, «Pitfalls and Opportunities for the US-Turkish Alliance: A TPQ Exclusive Interview with Richard Perle',*Turkish Policy Quarterly,* vol. 4, no. 1, 2005, p. 1; Philip Robins, *Suits and Uniforms: Turkish Foreign Policy since the Cold War,* London: Hurst, 2003, p. 18.
17. *Rubin*, 'Comedy of Errors', p. 2, 5.
18. Ibid
19. Data from *Country Report, January 2006: Turkey,* London: Economist Intelligence Unit, 2006. p. 5.
20. *Simon Jenkins*, «Sorry Sir Christopher, he wasn't even in with a shout», *The Guardian,* 9 Nov. 2005. Коментарі Дженкінса спирається на мемуари сера Крістофера Мейера, колишнього посла Британії у Вашингтоні, в яких він стверджує, що, якби Тоні Блер спробував, то міг би забезпечити відкладення війни проти Іраку аж до осені 2003 року: Christopher Meyer, *DC Confidential,* London: Weidenfeld & Nicolson, 2005, pp. 250 and 280—2.
21. *Liam Anderson* and *Gareth Stansfield*, *The Future of Iraq: Dictatorship, Democracy or Division?,* Basingstoke and New York: Palgrave Macmillan, 2004, pp. 213—16.
22. *Toby Dodge*, *Iraq's Future; the Aftermath of Regime Change,* London: International Institute of Strategic Studies, Adelphi Papers No. 372, 2005, pp. 44—7.
23. *Turkish Daily News,* 1 Mar. 2006.
24. Ziya Öniş and Suhnaz Yilmaz, «The Turkey-EU-US Triangle in Perspective: Transformation or Continuity?», *Middle East Journal,* vol. 59, no. 2, 2005, p. 266.; Mark Parris, «Allergic Partners: Can US-Turkish Relations be Saved?», *Turkish Policy Quarterly,* vol. 4, no. 1, 2005, p. 3.

25. *Ian O. Lesser*, «Off Autopilot: The Future of Turkish-US Relations», *Turkish Policy Quarterly,* vol. 4, no. 4, 2005, p. 3..
26. *Ian O. Lesser*, «Turkey and the United States: Anatomy of a Strategic Relationship», in Martin and Keridis, eds. *Future of Turkish Foreign Policy,* p. 85.
27. *Turkish Daily News,* 6 Mar. 2006.
28. International Crisis Group, *Middle East and North Africa Briefing: The Broader Middle East and North Africa Initiative; Imperilled at Birth,* Brussels/Amman: International Crisis Group, «June 2004, p. 1.
29. *Richard Perle*, in Göksel, «Pitfalls and Opportunities», p. 6.
30. *Özdem Sanberk*, «Turkey and the US: A Renewed Alliance?» *Turkish Daily News*, 6 June 2005.

К. И. Кулешова
кафедра международных отношений,
Одесский национальный университет имени И. И. Мечникова,
2, ул. Дворянская, Одесса, 65026, Украина

ДИЛЕММЫ ТУРЕЦКОЙ МОДЕЛИ В ПОЛИТИКЕ США

Резюме
В статье рассматриваются противоречия турецкой модели внешнеполитических и интеграционных приоритетов Турции, главным среди которых выступает присоединение к Евросоюзу. На таком общем уровне анализируются особенности американского позиционирования в отношении Турции.

Ключевые слова: Турция, США, турецкая модель, ЕС, Ближний Восток, альтернатива.

K. I. Kuleshova
Odesa Mechnikov National University, Department of International Relations
2, Dvoryanskaya str., Odesa, 65026, Ukraine

DILEMMA OF THE TURKEY MODEL IN THE POLICY OF THE UNITED STATES OF AMERICA

Summary
This article deals with the contradictions of Turkey model of the foreign policy and the integration priorities with an accent on Ankara EU membership plans. Within these frames, the U. S. position towards Turkey is being analyzed.

Key words: Turkey, U. S., Turkey model, EU, Middle East, alnternative.

УДК 327.56:341.221.28:341.123.04:(477:498)

А. В. Хапатнюковский,
соискатель кафедры международных отношений
Одесского национального университета имени И. И. Мечникова
к. 32, Французский б-р, 24/26, г. Одесса-58, 65058, Украина,
тел. 380 482 63-32-59, e-mail: khapatnuk@yahoo.com

ВЕРДИКТ МЕЖДУНАРОДНОГО СУДА ООН ПО РАЗГРАНИЧЕНИЮ УКРАИНО-РУМЫНСКОГО КОНТИНЕНТАЛЬНОГО ШЕЛЬФА
Часть 1. Предпосылки судебного процесса

В статье проводится анализ проблемы определения статуса острова Змеиный и размежевания континентального шельфа и исключительной экономической зоны между Украиной и Румынией. Рассматриваются основные этапы развития украино-румынского территориального спора, предшествовавшего инициированию судебного разбирательства в Международном суде ООН.

Ключевые слова: территориальные претензии, остров Змеиный, Международный суд ООН, континентальный шельф, нефтегазоносные месторождения.

Решение, оглашенное с трибуны Международного суда ООН 3 февраля 2009 года, положило формальный конец одному из наиболее запутанных и противоречивых территориальных споров, не сходившему с повестки дня украинской дипломатии на протяжении восемнадцати лет. Речь идет о проблеме вокруг небольшого острова Змеиный в северо-западной части Черного моря, расположенного в 35 километрах от материка напротив Килийского устья Дуная, длина и ширина которого составляют соответственно 420 и 400 метров, общей площадью 18 гектаров [1].

Невзирая на свои невнушительные размеры, остров Змеиный имеет древнюю и славную историю. Так, например, учеными найдены подтверждения того, что в VI веке до н. э. на острове был сооружен один из важнейших культовых центров греческого Причерноморья — храм Ахилла. Ахилл считался покровителем мореходов. Маленький необитаемый остров греки отождествляли с местом его пребывания. Сам же кусочек суши они называли островом Левка (белый, светлый) и везли сюда, к храму, богатые дары. Фундамент храма Ахилла сохранялся вплоть до 1837 года, но его разобрали для строительства на Змеином маяка. Остров еще не до конца исследован археологами. Согласно легенде, в подводных его пещерах хранятся древние сокровища. Анализ обнаруженных здесь фрагментов сосудов, глиняных фигурок, якорей и монет доказывает, что остров Левка был связан с городами Греции, Фракии, Малой Скифии, Боспора, Сирии, Пергама и Рима. Римская империя, захватившая земли северо-западного Причерноморья в начале нашей эры, быстро оценила выгодное положение острова. В разные времена здесь бывали византийцы и генуэзцы, отметившие на своих картах остров под названием Филоксия, а затем Фидониси, что в переводе с новогреческого языка означает «Змеиный остров». На острове также обнаружены фрагменты славянской керамики, датируемые IX—XII веками — свидетельства периода расцвета Киевской Руси [2]. В XVI веке турки называли остров Илан-Ада, т. е. «Ост-

© А. В. Хапатнюковский, 2010

ров Змеиный». Тогда в Причерноморье господствовала Османская империя. А уже в XVIII столетии земли Северного Причерноморья отошли к Российской империи. В 1843 году на острове был построен маяк, который до сих пор является архитектурным украшением Змеиного. С 1856 по 1859 год, после поражения России в Крымской войне, остров принадлежал Турции, а затем решением Берлинского конгресса, ревизовавшего итоги последней русско-турецкой войны, в 1878 году был передан Румынии, под владением которой находился до 1944 года. По результатам Второй мировой войны остров Змеиный стал принадлежать Советскому Союзу. И хотя официальный Бухарест пытался противиться такому исходу, ему пришлось дважды подтвердить юрисдикцию Москвы над островом, сначала в 1961 году двусторонним договором, а в 1975-м — подписанием Румынией Заключительного акта Общеевропейского совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе, установившего нерушимость и отказ от ревизии послевоенных границ. После распада СССР остров Змеиный стал частью территории независимой Украины, которая впоследствии ликвидировала на нем базу ПВО, оставив лишь пограничную заставу.

Собственно, начиная с 90-х годов прошлого столетия и начала набирать обороты проблема вокруг острова. Дезинтеграционные процессы на постсоветском пространстве были встречены с особым энтузиазмом националистически настроенной политической элитой Румынии. Согласно плану построения «Великой Румынии», ставшего неофициальной внешнеполитической доктриной Бухареста, стратегической задачей румынской дипломатии в долгосрочной перспективе является возврат аннексированных Советским Союзом территорий. Теперь, когда дело пришлось иметь не с некогда могущественной Москвой, а с неопытным в дипломатическом отношении Киевом, можно было поставить вопрос о пересмотре границы между Украиной и Румынией. Особняком в целом комплексе территориальных претензий встал вопрос о принадлежности острова Змеиный и разграничении территориальных вод. Кроме всего, интерес Бухареста к этому острову подогревался данными о том, что еще в 1980-х годах на шельфе возле Змеиного были обнаружены значительные месторождения нефти и природного газа [1]. Запасы углеводородов на площади в 12 тыс. кв. км морского шельфа возле Змеиного оценивают примерно в 100 млрд кубометров газа и 10 млн т нефти. По оценке румынских специалистов, такое количество обеспечило бы энергетическую независимость Румынии в течение 20 лет [3].

Однако Румыния в реализации своих стремлений столкнулась с достаточно сложной проблемой: официальное предъявление территориальных претензий Украине прямо противоречило идеи евроатлантической интеграции Бухареста. Неотъемлемым условием вступления, как в НАТО, так и в Европейский Союз, является отсутствие каких-либо приграничных споров страны-кандидата с ее соседями, а это значит, что, решившись на непростую кампанию по возврату некогда румынских территорий, Румыния фактически собственными руками закрывала себе дверь в привилегированное евроатлантическое сообщество.

Теперь, спустя много лет, можно смело утверждать, что румынская дипломатия проявила искусную изощренность и последовательность и вышла из непростой ситуации практически без ощутимых потерь. В Бухаресте смогли очень точно уловить дух «евроатлантического романтизма», витавшего в то время киевскими коридорами власти. Румыния, будучи на голову выше своего соседа в готовности вступить в НАТО и ЕС, решила убедить Украину в том, что она в перспективе станет ее самым активным

евроинтеграционным лоббистом в Брюсселе и Вашингтоне. Получив заверения в перспективе обрести надежного друга в евроатлантических структурах в лице Румынии, Украина стала намного уступчивей при проведении переговоров в отношении приграничных вопросов. В итоге, Бухаресту удалось решить свою основную проблему и заключить в 1997 году договор «Об отношениях добрососедства и сотрудничества между Украиной и Румынией». Неоспоримым фактом, свидетельствующим о желании самой Украины развязать этот узел проблем, является необычайная спешность в утверждении проекта договора: 2 июня 1997 года договор был подписан в Констанце, а уже 17 июля парламент Украины его ратифицировал [4].

При анализе подписанного документа напрашиваются достаточно неоднозначные выводы. По большому счету, украинская сторона в переговорах с румынами находилась в более выгодном положении, поскольку именно в интересах Бухареста было максимально оперативное подписание договора с Украиной о делимитации государственной границы. С одной стороны, украинской дипломатии все же удалось настоять на том, чтобы в проекте двустороннего Договора была подтверждена граница, установленная Договором о режиме советско-румынской государственной границы, подписанным 27 февраля 1967 года. Это значило, что Бухаресту пришлось документально засвидетельствовать свою приверженность нерушимости украино-румынской границы и зафиксировать принадлежность Северной Буковины и некоторых районов Одесской области Украине. С другой стороны, то ли из-за недостаточной уверенности в своих силах, то ли из-за опасений излишней радикализации шовинистических кругов румынского истеблишмента в сторону Украины Киеву не удалось до конца «надавить» на Бухарест и решить в комплексе с сухопутной границей вопросы о разделе континентального шельфа и об исключительных экономических правах двух стран на Черном море. Кроме того, что стороны договорились вынести переговоры о делимитации морских просторов за рамки текущих переговоров, Румыния поступила очень дальновидно, обустроив в проекте Договора своеобразную ловушку, в которую затем должна была заманить Украину. Согласно дополнительному протоколу к Договору «договаривающиеся стороны заключают отдельный договор о режиме границы между двумя государствами и решают вопрос о делимитации из него континентального шельфа и исключительных экономических зон в Черном море... Если переговоры не завершатся подписанием договора в разумный срок, но не более чем через два года со дня их начала, правительства Украины и Румынии договорились, что дело о делимитации континентального шельфа будет решено Международным судом ООН по просьбе какой-либо из сторон при условии приобретения законности Договора о режиме государственной границы между Украиной и Румынией» [5]. Таким образом, через семь лет с момента подписания Договора Румыния имела все основания для подачи иска против Украины в Гаагский суд с надеждой отыграться за некогда потерянные сухопутные территории.

Касательно Змеиного, согласно Договору, Румыния официально признавала юрисдикцию Украины над островом. В действительности ничего нового Румыния тем самым не сказала, она лишь документально зафиксировала то, что де-юре и де-факто существовало уже много лет, а именно принадлежность острова Украине.

Бесспорно, договор «Об отношениях добрососедства и сотрудничества между Украиной и Румынией» 1997 года стал выгодным и необходимым Румынии для интенсификации переговорного процесса по вступлению страны в Европейский Союз и НАТО.

Оставшись довольным подписанным договором, Бухарест в последующем успешно откладывал заключение с Украиной других, более предметных, соглашений, включая главное — о делимитации границы. Проверив на практике слабость украинских политиков перед евроатлантическими перспективами, даже в ущерб собственным национальным интересам, Бухарест, в нарушение самого духа договора о добрососедстве и сотрудничестве между двумя странами, развернул кампанию против попыток Киева восстановить судоходство на украинском участке Дуная. Это противодействие не ограничилось нотами протеста и жалобами правительствам влиятельных стран ЕС: Бухарест предпринял конкретные шаги и построил в дельте Дуная дамбу, отводящую воду (около 1/3 потока) от используемого Украиной Килийского устья в Сулинское (на территории Румынии) [4]. Показательно, что в этой ситуации МИД Украины никоим образом не пресек недружественные действия своего соседа, ни силовыми методами, ни в порядке судебного процесса. В адрес Бухареста не было направлено даже привычной в таких ситуациях официальной ноты протеста.

На повестке дня румынской внешней политики в тот период стояла очередная тактическая задача — снятие всех препятствий на пути вступления в Североатлантический альянс. В Брюсселе не могли не заметить определенной степени напряженности между Украиной и Румынией в дельте Дуная, и это заставило румынскую официальную власть на время смягчить свой тон в общении с Украиной. В итоге 17 июня 2003 года Бухарест добился подписания второго критически важного для себя договора — «О режиме украинско-румынской границы, сотрудничестве и взаимной помощи в приграничных вопросах». Этот документ детализировал правоотношения пограничных служб двух стран и ряд сопутствующих вопросов, никак не решая главную проблему делимитации границ в Черном море, но создал видимость сотрудничества и помог Румынии вступить в НАТО весной 2004 года.

Подводя промежуточный итог на основе вышеизложенных фактов, приходится констатировать, что украинская дипломатия в плоскости румыно-украинских отношений показала свою неспособность до конца отстаивать национальные интересы и извлекать максимальную выгоду из преференциального положения в ходе переговоров. Фактически, своими же руками Украина открыла Румынии двери в элитарное евроатлантическое сообщество, что само по себе в разы увеличило ее международный авторитет и вес в региональной системе отношений, а значит, и существенно усилило переговорную позицию Бухареста в общении со своими соседями. В то же самое время Украине не удалось воспользоваться случаем и окончательно снять все вопросы в двусторонних отношениях, оставляя при этом наиболее острые проблемы в виде бомбы замедленного действия, заложенной в крайне хрупкую архитектуру региональной безопасности.

Литература

1. Остров Змеиный // http://www.ru.wikipedia.ogr/wiki/Змеиный_(остров)
2. *Анатолий Мураховский*. Змеиный — важнейший в Черном море остров. И он принадлежит Украине. // Зеркало недели. — 1995. — № 33 (46).
3. Змеиный вердикт // Время новостей. — 2009 // http://www.vremya.ru/2009/18/5/222316.html
4. *Иван Владимиров*. Змеиный — не Тузла: споры о границе Киев решает по-разному // Газета 2000. — 2008. — № 39 (431) // http://2000.net.ua/a/59637?p=0
5. Текст Договора «Об отношениях добрососедства и сотрудничества между Украиной и Румынией» от 2 июня 1997 года.

О. В. Хапатнюковський,
здобувач кафедри міжнародних відносин
Одеського національного університету імені І. І. Мечникова,
к. 32, Французький б-р, 24/26, м. Одеса-58, 65058, Україна,
тел. 380 482 63-32-59, e-mail: khapatnuk@yahoo.com

ВЕРДИКТ МІЖНАРОДНОГО СУДУ ООН СТОСОВНО РОЗМЕЖУВАННЯ УКРАЇНО-РУМУНСЬКОГО КОНТИНЕНТАЛЬНОГО ШЕЛЬФУ. ЧАСТИНА 1. ПЕРЕДУМОВИ СУДОВОГО ПРОЦЕСУ

Резюме
У статті проводиться аналіз проблеми визначення статусу острова Зміїний та розмежування континентального шельфу і виключної економічної зони між Україною та Румунією. Розглядаються основні етапи розвитку україно- румунського територіального спору, що передував ініціюванню судового розгляду у Міжнародному суді ООН.

Ключові слова: територіальні претензії, острів Зміїний, Міжнародний суд ООН, континентальний шельф, нафтогазоносні родовища.

A. Khapatnyukovsky,
Odessa National University, Department of International Relations,
r. 32, French blvd., 24/26, Odessa-58, 65058 Ukraine

THE VIRDICT OF THE INTERNATIONAL COURT OF JISTICE CONCERNING DELIMITATION OF THE UKRAINIAN-ROMANIAN CONTINENTAL SHELF. PART 1. PREREQUISITES FOR THE JUDICIAL PROCEEDINGS

Summary
The article represents analysis of the problem of status identification of Zmeiniy island and the delimitation of the continental shelf and the exceptional economic zone between Ukraine and Romania. The object of the research is the main stages of the Ukrainian-Romanian territorial claims evolution, which foreran the law suit in the International Court of Justice.

Key words: territorial claims, Zmeiniy island, the International Court of Justice, continental shelf, oil and gas deposits.

УДК 327.83

В. В. Пантелєєв,
здобувач Національного інституту проблем міжнародної безпеки РНБО України
Адреса: вул. Кутузова, 18/7, м. Київ-133, 01133, Україна
Тел. 285-35-44, pantel@gmail.com

ЕКОНОМІЧНІ ІНСТРУМЕНТИ ВПЛИВУ НА ПРИВАТНІ ЗМІ

Завдяки своїй здатності впливати на формування громадської думки в умовах демократичного суспільства ЗМІ є ефективним інструментом формування політики держави. Але чи може приватний статус ЗМІ слугувати гарантією їх незалежності та об'єктивності? В статті, яка значним чином побудована на матеріалах Офісу представника ОБСЄ з питань свободи ЗМІ, проаналізовані існуючі на сьогоднішній день механізми економічного впливу на приватні ЗМІ в трьох групах країн геополітичного оточення України: Західній Європі, Центральній та Східній Європі та пострадянських країнах Південного Кавказу та Азії.

Ключові слова: свобода ЗМІ, демократія, громадська думка, зовнішні інформаційно-психологічні впливи.

За унікальну роль засобів масової інформації у забезпеченні демократичних прав та свобод громадян їх часто називають «сторожовими псами демократії». Завдання ЗМІ полягає в інформуванні населення, наданні фактів, на основі яких люди можуть приймати відповідальні політичні рішення. В умовах демократичного суспільства ЗМІ також необхідні як форум для дискусій та громадських дебатів між політичними супротивниками. Водночас соціальна роль ЗМІ двояка — вони одночасно і відображають і створюють громадську думку. Саме цей другий аспект використовується зацікавленими суб'єктами для організації впливу ЗМІ на прийняття політичних рішень на свою користь. В умовах глобалізації та виникнення феномена *mainstream media* ця функція перейшла на якісно новий рівень. Як зазначає Д. В. Дубов, «ніколи жодна держава не мала таких можливостей маніпулювання суспільною свідомістю, які мають сьогодні глобалізовані ЗМІ. На часі запитання: хто ж реально керує світовими процесами — держави з їх традиційними інститутами влади чи ЗМІ з їх потенціалом формувати реальність для простих громадян?» [3, с. 58].

За таких умов важливе місце у демократичному розвитку займає питання плюралізму та об'єктивності ЗМІ. У свою чергу головною передумовою об'єктивності ЗМІ є їх незалежність від будь-якого стороннього впливу. Питання свободи ЗМІ виникло практично одночасно з формуванням демократичної системи і було з нею тісно пов'язано. Так, вперше преса була названа «четвертою владою» англійським істориком та філософом XIX століття Томасом Карлейлем. У своєму щоденнику він написав: «Берк казав, що в парламенті засідають три стани; але там, в галереї репортерів, засідає четвертий стан, значно більш сильний, ніж всі вони». Примітно, що Конституція штату Массачусетс, яка була розроблена одним з батьків-засновників США Джоном Адамсом, починається зі слів «свобода преси необхідна для безпеки держави» [4, с. 17].

 © В. В. Пантелєєв, 2010

Свобода ЗМІ часто розуміється як відсутність прямого тиску на видавців з боку державних органів. Втім, адміністративний важіль є лише одним з цілої низки засобів впливу на пресу з боку держави, рівно як держава є лише одним з суб'єктів такого впливу. Їх можна поділити на такі категорії:

— нормативно-правове регулювання діяльності ЗМІ (закони, міжнародні угоди, меморандуми громадських організацій тощо);

— економічні інструменти, які використовують особливості ЗМІ як звичайного суб'єкта підприємницької діяльності;

— технологічні інструменти, які використовують особливості ЗМІ як унікального суб'єкта підприємницької діяльності;

— методи особистісного впливу на творчих працівників ЗМІ (журналістів, редакторів, копірайтерів тощо).

Оскільки приватні ЗМІ за своєю природою є хоча й доволі специфічними, але підприємствами, на них так само розповсюджуються всі закони ринкової економіки. Ліберальна ринкова економіка є ідеальним живильним середовищем для розвитку економічних інструментів впливу на ЗМІ. В умовах глобалізації чутливість ЗМІ до економічних важелів впливу дедалі зростатиме, насамперед, за рахунок процесів посилення конкуренції та пов'язаною з цим монополізацією та економізацією медіабізнесу.

«Холодна війна» була «золотою ерою» для західних ЗМІ. Після зникнення ідеологічного протистояння знизився попит й на ідеологічну продукцію ЗМІ, тисячі журналістів в країнах Заходу втратили свою роботу. Навіть у самій економічно потужній країні Європи — Німеччині кількість найменувань щоденних газет знизилася з 391 у 1998 р. до 374 у 2002 р. Лише в Берліні було звільнено близько півтори тисячі журналістів. Задля виживання своїх видань редактори змушені відмовлятись від статей власних кореспондентів та користуватися «інформаційними Макдональдсами» — стандартизованим продуктом глобальних інформаційних агентств. Під тиском конкуренції соціальна роль ЗМІ як постачальника інформації поступається роллю постачальника розваг [6, с. 97]. Виникають такі поняття, як *mainstreaming* (збільшення частки матеріалів глобальних інформаційних агентств), *infotainment* (*informing* + *entertainment* — суміш інформування з розвагою), *editainment* (*education* + *entertainment* — освіта у вигляді розваги), *faction* (*facts* + *fiction* — факти та домисли) [7, с. 97].

Характерною ознакою західноєвропейського ринку ЗМІ є висока ступінь монополізації та зрощування мас-медіа з крупними корпораціями. Так, у Франції двома третинами національних ЗМІ володіють два провідних військових концерни — *Dassault* та *Lagardere*. В 2004 р. компанія *Dassault* придбала провідну газету *Le Figaro* після низки публікацій антивоєнного характеру. Власник концерну Серж Дассо не приховує, що використовує належні йому ЗМІ для «розповсюдження певних ідей та позицій». Найкрупніший в Європі німецький медіаконцерн *Bertelsmann AG* через акціонерний капітал *Deutsche Bank* та *Siemens* знаходиться у власності військового концерну *EADS*. Голова спостережної ради *Deutsche Bank* одночасно є членом спостережної ради *Bertelsmann AG*. Крім Німеччини, де концерн є власником телеканалів *RTL, Vox, RTL II, Super RTL, N-TV,* журналів *Stern, Femme Actuelle, Brigitte, Geo, Capital, Gala, Focus,* його діяльність поширюється на Францію (медіакомпанія *M6 Group*, телеканал *TPS*), Австрію (всі вищезгадані німецькі телеканали та журнали + щотижневі журнали *News*, *Profil*, *Format, Woman*), Іспанію, Італію, Нідерланди, Польщу та Росію (журнали *Gala,*

GEO Focus) [11, с. 2]. Норвезька медіагрупа Orkla Media є дочірньою компанією холдингу Orkla Group, яка у своєму складі має підприємства важкого машинобудування, хімічної та харчової промисловості, банки тощо.

Крупні політичні сили також зацікавлені в отриманні контролю над комерційними ЗМІ, який вони намагаються вибудувати через підконтрольні бізнес-структури. Найбільш явно це виражено в Італії, де Сільвіо Берлусконі прямо або опосередковано контролює не тільки всі три найкрупніші телеканали — *Canale 5*, *Italia Uno, Rete 4* (через компанію *Mediaset*), але й громадське телебачення *RAI*. За виключенням найбільшої в Італії щоденної газети, яка є спортивною, всі інші друковані ЗМІ зв'язані з політичними партіями та/або професійними асоціаціями [7, с. 41]. В Німеччині Соціал-демократична партія контролює медіахолдінг *DDVG*, який, у свою чергу, є володарем ключового пакета акцій газети *Frankfurter Rundschau*.

Згадані вище особливості притаманні й для країн ЦСЄ, проте вони мають дві характерних особливості: по-перше, домінування іноземного капіталу на національному медіаринку та, по-друге, відсутність прозорості щодо власників ЗМІ. Як зазначається в одному з досліджень ОБСЄ, *«однією зі знаменних та небезпечних тенденцій розвитку комерційного телебачення є зростання концентрації прав власності та водночас відсутність прозорості щодо власників телеканалів. Така концентрація прав власності в руках обмеженого кола осіб становить потенційну небезпеку, оскільки може призвести до концентрації впливу для використання в політичних, ідеологічних та комерційних цілях»* [5, с. 46].

Західні корпорації почали масово освоювати медіаринки країн ЦСЄ на початку 1990-х рр. При цьому США зробили акцент на ринку телемовлення, західноєвропейські країни — на ринку друкованих ЗМІ, де найбільшу активність виявили інвестори Німеччини, Франції, Скандинавських країн та Швейцарії. У жовтні 2003 р. відбувся розподіл ринку друкованих ЗМІ вже між європейськими медіакомпаніями. Після раунду переговорів між філією *Bertelsmann — Gruner+Jahr* та швейцарською *Ringier* було вирішено, що у майбутньому німецька компанія оперуватиме в Польщі та Росії, а *Ringier* отримує carte blanche для роботи на ринках Чехії, Словаччини, Румунії та Сербії.

Найбільш активною на ринку друкованих ЗМІ країн ЦСЄ є *WAZ Media Group*, яка є одним з найкрупніших німецьких видавців з річним обігом близько 2 млрд. євро та контролює більшість друкованих ЗМІ в Болгарії, Румунії, Югославії та Хорватії. Загалом в Європі група володіє 38 газетами, 108 журналами, 140 безкоштовними газетами та 250 товарними каталогами. Крім безпосередньо редакцій концерн викупив у цих країнах й підприємства супутньої інфраструктури — друкарні та компанії, які займаються розповсюдженням газет. У Польщі в руках іноземного капіталу знаходиться 80 % всього ринку преси. На ринку журналів домінують німецькі медіаконцерни *Axel Springer*, *Bauer* та *Gruner+Jahr*, які разом володіють 50% ринку кольорових журналів. Сектор щоденних газет майже повністю поділений між норвезькою *Orkla Media* (яка серед іншого володіє контрольним пакетом акцій крупнішої у країні газети *Rzeczpospolita* з накладом 200 тис.) та німецькою *Passauer Neue Presse* (*PNP*). Німецька PNP володіє в Польщі 12 регіональними газетами сукупним накладом 1,3 млн прим., друкарнями та мережами розповсюдження. Згадана *Orkla Media* також володіє 100 % акцій крупнішої у Литві регіональної газети *Kauno Diena* та 50 % львівської газети «Високий замок». Фінська Sanoma WSOY діє на медіаринку Чехії і Угорщини з 1992 р.

та пізніше увійшла на ринки Румунії, Словаччини та Хорватії. Шведська *Bonnier Group* діє в Польщі з 1999 р. та країнах Балтії з 1994 р. В Естонії практично всі щоденні газети належать іноземним компаніям: 54 % норвезькій *Schibsted ASA* та 46 % — *Bonnier Group*. Якщо у 1989 р. в Угорщині 100 % ЗМІ були у державній власності, через сім років 60 % були вже в іноземній власності, в 2001 р. на ринку щоденних газет частина іноземного капіталу зросла до 83 %. В Румунії *Ringier* володіє 40 % ринку друкованих видань [10, с. 70].

Ринок телемовлення нових європейських демократій розподілений між західними компаніями таким чином:

Компанія	Канал	Країна	Місце на нац. ринку
Central European Media Enterprises Ltd (CME) — США	Нова ТВ ТВ Нова Про ТВ Акаса ТВ Маркіза ТВ Поп ТВ Канал А 1+1 Гравіс	Хорватія Чехія Румунія Румунія Словаччина Словенія Словенія Україна Україна	4 1 2 4 1 1 4 2
News Bulgaria Inc. — США	bTV GTV Fox Life N-JOY	Болгарія	1
RTL Group — Німеччина	РТЛ Клуб РТЛ Телевізія	Угорщина Хорватія	1 3
Modern Times Group (MTG) — Швеція	ТВ 3 (Кінне вик) ТВ 3 ТВ 3 Прима ТВ Віасат 3 Прва ТВ	Литва Латвія Естонія Чехія Угорщина Словенія	2 2 1 3 3 5

Дані дослідження EUMAP [5, с. 48]

Іншою особливістю медіаринку ЦСЄ є відсутність прозорості щодо власників ЗМІ. Така інформація часто приховується шляхом створення підставної фірми, яка, як номінальний володар, зареєстрована в країні, а реальний власник (як правило, власник підставної фірми) зареєстрований в офшорній юрисдикції. Така схема дозволяє приховувати від громадськості потенційні конфлікти інтересів та факти втручання власників в інформаційний продукт тих ЗМІ, які їм належать. Так, наразі невідомо, хто контролює провідне інформаційне агентство Румунії — *Mediafax*. Компанія, яка володіє контрольним пакетом акцій, зареєстрована на Нідерландських Антильських островах, де законодавство дозволяє не надавати інформацію про власника [5, с. 28].

Інший метод приховування справжнього власника полягає у створенні багаторівневої системи власності на місцях, яка дозволяє ухилятися від розслідування з боку регулюючих органів. Така система діє, зокрема, в Румунії, Албанії, Хорватії, Македонії та Туреччині [5, с. 50].

Ситуація на медіаринку пострадянських країн Азії та Південного Кавказу відрізняється тим, що вузькість та відповідна фінансова слабкість місцевого медіаринку робить його непривабливим для західних медіаконцернів та створює живильне середовище для зрощення формально приватних ЗМІ з владою та національним олігархічним бізнесом. Уряд контролює олігархічний бізнес, який у свою чергу напряму фінансує медіакомпанії. Таким чином влада отримує контроль над ЗМІ, які можуть вижити лише за рахунок зовнішніх дотацій. Водночас національна олігархія у такий спосіб купує лояльність правлячих кіл [2, с. 48].

Часто контроль над прямим фінансуванням ЗМІ замінюється контролем над рекламними бюджетами, що було викладено під час однієї з конференцій ОБСЄ таким чином: «Говорячи про політичну складову медійного бізнесу в Азербайджані не можна обійти проблему політизованості розподілу рекламного пирога. Після судів та насильницьких, неправових методів впливу на ЗМІ маніпуляції з рекламним потоком є одним з дієвих засобів впливу влади на відносно незалежних медіапідприємців... Оскільки ринок товарів та послуг поділений між декількома монополістами, чиї сфери діяльності не перетинаються, то ринку у класичному розумінні немає. Азербайджанська влада в особі деяких підрозділів президентського апарату вирішує, скільки реклами отримає те або інше загальнонаціональне ЗМІ. При цьому крупні суб'єкти економіки отримують відповідні директиви, які дозволяють або забороняють розміщати рекламу в тому або іншому ЗМІ. Іншими словами, в Азербайджані діє тіньовий механізм розподілу рекламних потоків, який не походить від функціонального попиту на рекламу. Цей механізм перетворився в дуже ефективний механізм тиску на медіапідприємців та підкупу тих з них, хто схильний до забезпечення хоча б відносної політичної незалежності своїх ЗМІ» [1, с. 47].

Для організації впливу на ЗМІ цього регіону крім керування рекламним потоком владою широко використовуються податки та кредити. Схема полягає у тому, щоб поставити певне приватне медіапідприємство на межу банкрутства шляхом запровадження надмірно високих податків, а потім відкрити для нього кредитну лінію. Після нагромадження боргу газета або телеканал потрапляє у ситуацію прямої залежності від кредитора, яким виступає або сама влада або підконтрольна комерційна структура.

Враховуючи вузькість національних ринків ЗМІ країн регіону, іноді використовується вплив на редакції через інші ланки виробничого циклу ЗМІ, насамперед, через систему розповсюдження, яка в пострадянських країнах, як правило, знаходиться у державній власності, та/або через типографський ринок, який в силу своєї специфіки є більш монополізованим.

На теренах країн колишнього СРСР широке розповсюдження також отримала особлива формація друкованих та електронних ЗМІ, які існують виключно за рахунок іноземних грантів [9, с. 35]. За численними висновками експертів Офісу з питань свободи ЗМІ ОБСЄ така ситуація зараз склалася у більшості пострадянських країн Центральної Азії та Південного Кавказу, де «журналістика є скоріше політичною агітацією, ніж інформуванням громадськості» [8, с. 62].

Література

1. *Алиев И.* Политико-правовые условия для управления медиа-бизнесом в Азербайджане. — Третья южнокавказская конференция СМИ, Тбилиси, 2 ноября 2006. — С. 47. URL: http://www.osce.org/publications/cio/2007/05/24610_862_ru.pdf
2. *Вешапидзе П.* Грузинские СМИ — от грантов к бизнесу. — Третья южнокавказская конференция СМИ, Тбилиси, 2 ноября 2006. — С. 48. URL: http://www.osce.org/publications/cio/2007/05/24610_862_ru.pdf
3. *Дубов Д. В.* Засоби масової інформації як якісно нові суб'єкти політичних комунікації. Політичний менеджмент, № 1, 2007. URL: http://www.niisp.gov.ua/publication/info/ Dubov_ZMI_in_poit_communication.pdf
4. За семью печатями. Свобода информации и СМИ. Артикль19, Лондон, апрель 2005. http://www.article19.org/pdfs/publications/under-lock-and-key-ru-.pdf
5. *Липсон М.* Европейские тенденции в области концентрации прав собственности на вещательные средства массовой информации: угроза общественному вещанию и разнообразию содержания. — Третья южнокавказская конференция СМИ, Тбилиси, 2 ноября 2006. — С. 46. URL: http://www.osce.org/publications/cio/2007/05/24610_862_ru.pdf
6. *Branahl, Udo*: The Legal Framework in Germany. — Editorial Independence, — OSCE, Office of the Representative on Freedom on the Media, Vienna, 2005.
7. *Johannes von Dohnanyi*: The impact of Media Concentration on Professional Journalism. — OSCE, Office of the Representative on Freedom on the Media, Vienna, 2003. — С. 39. URL: http://www.osce.org/item/13573.html?ch=102
8. *Hiebert, Ray*: Transition: From the End of the Old Regime to 1996. — Hampton Press, 1999. Цит. за: Moller, C., Popescu A.: Transormation of Journalism in Eastern Europe. — Editorial Independence, — OSCE, Office of the Representative on Freedom on the Media, Vienna, 2005.
9. *Kalet A.* Regional Media in Kyrgyzstan: Myth or Reality. — Sixth Central Asian Media Conference, Dushanbe, 23—24 September 2004.
10. *Möller, C., Popescu A.* Transormation of Journalism in Eastern Europe. — Editorial Independence, — OSCE, Office of the Representative on Freedom on the Media, Vienna, 2005.
11. Zwei Drittel der Presse in der Hand der Rüstungsindustrie, Werkstatt Frieden & Solidarität, Guernica, ą 2, 2005. URL: http://www.werkstatt.or.at/index.php?option=com_docman&task=doc_download&gid=16&Itemid=49

В. В. Пантелеев
Национальный институт проблем международной безопасности
Адрес: ул. Кутузова, 18/7, м. Киев-133, 01133, Украина

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ИНСТРУМЕНТЫ ВОЗДЕЙСТВИЯ НА ЧАСТНЫЕ СМИ

Резюме

Благодаря своей способности воздействовать на общественное мнение в условиях демократического общества СМИ являются эффективным инструментом формирования политики государства. Но может ли частный статус СМИ служить гарантией их независимости и объективности? В статье, которая существенным образом построена на материалах Офиса представителя ОБСЕ по вопросам свободы СМИ, проанализированы существующие на сегодняшний день механизмы влияния на частные СМИ в трех группах стран геополитического окружения Украины: Западной Европе, странах ЦВЕ и постсоветских странах Северного Кавказа и Центральной Азии.

Ключевые слова: свобода СМИ, демократия, общественное мнение, информационное воздействие.

V. V. Panteleev
National institute of international security problems
Address: 18/7, Kutuzova str., Kyiv, 01133, Ukraine

THE ECONOMIC INSTRUMENTS OF INFLUENCE ON COMMERCIAL MEDIA

Summary
Thanks to its ability to influence on public opinion in a democratic society the mass-media is the effective tool of formation of a policy of the state. But whether the private status of mass-media can serve as a guarantee of their independence and objectivity? In the article which is essentially based on materials of the Representative on Freedom of the Media OSCE, the existing mechanisms of influence on private media in three groups of the countries of a geopolitical environment of Ukraine are analyzed: the Western Europe, the Central Europe countries and the Post-Soviet countries of the North Caucasus and the Central Asia.

Key words: freedom of the media, democracy, public opinion, informational influence.

СОЦІАЛЬНО-ПСИХОЛОГІЧНА РЕАБІЛІТАЦІЯ: ПРАКТИЧНИЙ АСПЕКТ (Рецензія на монографію О. М. Дікової-Фаворської: «Специфічні групи осіб з обмеженими можливостями здоров'я у фокусі соціології». — Житомир: Полісся, 2009. — 488 с.)

В поточному році у видавництві «Полісся» вийшла друком монографія Олени Дікової-Фаворської «Специфічні групи осіб з обмеженими можливостями здоров'я у фокусі соціології». Це перша у вітчизняній соціології монографія з проблем соціалізації осіб з фізичними вадами.

У кризовому суспільстві, яким є сучасна Україна, проблема самореалізації дітей-інвалідів, нерівного доступу до освіти людей з особливими потребами, адекватного використання їх кар'єрного ресурсу у відповідності до їх потреб і можливостей все у більшій мірі виходить на передній план розробки спеціальної соціологічної теорії та підвищення ефективності соціальної роботи. Проте соціологічний дискурс щодо проблем осіб з функціональними обмеженнями здоров'я у вітчизняній науці у достатній мірі ще не розгорнутий. За рамками наукового осмислення залишаються проблеми дослідження спільноти інвалідів крізь призму можливостей їх діяльності, специфіка соціальної мобільності, труднощі адекватної адаптації, інтеграція людей з вадами здоров'я у суспільство, бар'єри і критерії їх соціалізації тощо.

Заслугою автора є узагальнення та класифікація основних підходів до дослідження осіб з функціональними обмеженнями у галузі медицини, психології, соціальної роботи, що дозволило їй запропонувати соціологічний ракурс дослідження проблем осіб з вадами. Тому особливий інтерес викликає підрозділ «Специфіка соціологічних підходів до вивчення осіб з обмеженнями здоров'я» (1.2.3), адже таких праць у вітчизняній соціології дуже мало, а на рівні монографічних досліджень — вони відсутні взагалі, хоча і дуже затребувані у нашому суспільстві.

У монографії О. М. Дікової-Фаворської обґрунтовується соціальна модель інвалідності, пропонується соціологічний дискурс інтеграції як процесу дестигматизації осіб з вадами здоров'я, їх включення в єдину соціальну систему та активної взаємодії зі здоровими людьми. Особливу увагу автора привертає сучасний стан соціалізації та інтеграції людей з особливими потребами.

Основною заслугою автора монографії є те, що на основі розкриття сутності теоретичних підходів до дослідження специфіки життєдіяльності осіб з вадами здоров'я у медицині, психології, педагогіці, соціальній роботі та результатів соціологічних досліджень обґрунтовуються стратегічні завдання розвитку інклюзивної освіти як необхідного етапу інтеграції, її поглиблення і розширення, пропонується алгоритм розвитку професійно-цільових настанов особистості та модель інклюзивного навчання осіб з функціональними обмеженнями здоров'я.

З метою дослідження особливостей освіти осіб з вадами здоров'я О. М. Дікова-Фаворська спирається на потенціал культурологічного, діяльнісного, системного, інституціонального, конфліктного, структурно-функціонального підходів.

У першому розділі автор пропонує категоріальний ряд осмислення проблем людини з функціональними обмеженнями здоров'я, причому стосовно теоретичного конструкту «особа з функціональними обмеженнями здоров'я» слід відзначити його суттєве прирощення та подальший розвиток. Вперше у соціологічній літературі пропонується віталістська модель соціальної роботи, що свідчить про оригінальність підходів автора до вирішення проблем інтеграції осіб з інвалідністю у соціальний простір здорових людей.

Розширює дослідницьке поле соціології і другий розділ, де соціальна обмеженість аналізується як сукупність соціокультурних правил та моделей поведінки, а людина з особливими потребами розглядається як носій соціальної ексклюзії. Досить продуктивним є підхід автора, яка окреслює нові смислові грані даної проблеми, а саме: досліджує критерії та бар'єри соціалізації людей з функціональними обмеженнями.

О. М. Діковій-Фаворській вдалося концептуально охопити загальні сфери життєдіяльності осіб з вадами здоров'я у суспільстві здорових людей, підкреслюючи динамізм і цілісність сучасного світу. У третьому розділі на основі широкої емпіричної бази вона аналізує ціннісні координати і очікування осіб з функціональними обмеженнями. Особливо цікаві дані отримані в ході порівняльного аналізу прагнення до конкурентоспроможності студентів з особливими потребами в контексті світовідчуття українського студентства (підрозділ 3.1.1). Автору вдалося виявити ціннісно-гуманітарні аспекти мотиваційної сфери студентів-інвалідів та осмислити можливості самореалізації таких осіб як соціологічну характеристику життєвих стратегій молоді.

Значущим моментом у загальній досить високій оцінці даної роботи є те, що матеріал розгортається у логічній послідовності, основні положення обґрунтовуються на основі методологічних засад, розроблених теоретиками соціально-медичного, соціально-психологічного спрямування. В той же час враховується необхідність формування соціологічних підходів щодо цієї важливої проблеми. Тому такі теми, як «Особистість з функціональними обмеженнями здоров'я: соціологічні підходи до вивчення» (підрозділ 4.2.1) і «Особистісно-діяльнісні засади розвитку креативності студентів з фізичними обмеженнями» (підрозділ 4.2.2) особливо значущі при соціологічній концептуалізації інтегрованої освіти осіб з фізичними обмеженнями і являють собою продуктивний доробок автора саме у такій інтерпретації.

Тематизація виданої монографії, поставлені автором завдання та підходи до вирішення теоретичних проблем уявляються надзвичайно актуальними і оправданими. Автору вдалося надати науково-теоретичний інструментарій для аналізу дуже цікавих емпіричних даних, отриманих в ході численних соціологічних досліджень всеукраїнського масштабу. За участю автора були проведені експертні опитування фахівців у сфері освіти, що мають досвід інклюзивних методик, опитування керівників відокремлених структурних підрозділів університету «Україна» з організаційних проблем інтегрованої форми навчання, опитування експертів — лідерів громадських об'єднань інвалідів, присвячене вивченню сучасного стану проблем людей з інвалідністю та стратегії подолання перешкод їх інтеграції у суспільство.

Текст витриманий у всіх канонах наукового стилю. Не викликає сумніву, що ця монографія буде дуже корисною для аспірантів, важливим механізмом вкладання соціологічних дисциплін викладачами та науковими працівниками, а також для організаторів освіти та соціальних працівників, для всіх, хто причетний до проблем осіб з функціональними обмеженнями здоров'я.

Корисним, на нашу думку, дослідження буде також і в процесах розвитку міжпредметних зв'язків соціологічного пізнання в рамках дискурсу про соціалізацію, специфічні соціальні групи, соціальне здоров'я як самостійні об'єкти дослідження.

Положення та висновки, сформульовані в монографії, є, звичайно, певною мірою дискусійними, оскільки вони відбивають авторську концепцію, яка є достатньо новою і незвичайною для традиції соціологічного дослідження специфічних груп з обмеженими можливостями в українській соціології.

Розглядаю цю монографію як теоретичну і навіть методологічну базу для осмислення всіма спеціалістами, що працюють з цією категорією громадян, проблем соціальної адаптації і самореалізації осіб з функціональними обмеженнями здоров'я та входження їх у суспільний інтегрований простір освіти і гідного життя у відповідності до їх потреб і інтересів. До честі автора монографії, їй вдалося запропонувати соціологічний ракурс вирішення проблем осіб з вадами здоров'я, що взагалі є першою такою науковою працею у вітчизняній соціології.

В цілому матеріал викладений досить логічно. Автору вдалося підкорити єдиній меті дуже різнопланові, багатоаспектні дослідження у галузі медицини, психології, філософії, валеології, соціальної роботи та структурно організувати їх, спрямувавши висновки у русло соціологічних рекомендацій, що тим більше піднімає значущість даної роботи.

Доктор соц. наук, професор
В. М. ОНИЩУК